КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ТОМЪ XCI.

1905 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра Акціон. О-ва печ. и изд. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица.
1905.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 27 сентября 1905 г.

Къ біографіи И. П. Котляревскаго.

Съ 1810 г. Котляревскій былъ надзирателемъ въ „домѣ воспитанія бѣдныхъ дворянъ», основанномъ по мысли кн. А. Б. Куракина. На содержаніе этого дома полтавская городская дума ежегодно выдавала 5551 р. 34½ коп. Деньги эти по третямъ или помѣсячно получалъ И. П. Котляревскій, увѣдомленія котораго о полученіи ихъ сохранились въ архивѣ полтавской думы. При этомъ, Котляревскій нерѣдко писалъ о полученіи этихъ денегъ съ прибавленіемъ «ввѣреннаго мнѣ заведенія», что указываетъ на завѣдываніе имъ этимъ учрежденіемъ. Изъ-за полученія этихъ денегъ, между нимъ и городскимъ головой П. Ворожейкинымъ произошли препирательства. Надо еще сказать, что Котляревскій съ 1827 года былъ попечителемъ полтавскаго богоугоднаго заведенія, на которое городъ также ежегодно давалъ не малую субсидію: на содержаніе главной больницы — 6151 р. 27 к., на медикаменты — 4421 р. 18 к., на ремонтъ и устроеніе 3 частныхъ больницъ — 1983 р. 90 коп. Эти деньги также получалъ Котляревскій, какъ попечитель богоугоднаго заведенія. Опозданіе со стороны думы присылкою этихъ денегъ, а также присылка болѣе монетою, чѣмъ ассигнаціями, вызвали со стороны Котляревскаго жалобу приказу общественнаго призрѣнія, въ вѣдѣніи котораго было богоугодное заведеніе. Приказъ отправилъ бумагу по этому случаю въ думу, которая и заслушала ее въ засѣданіи 22 іюля 1832 г. Приводимъ это предло-

женіе Приказа въ подлинникѣ, а также и другія данныя по этому вопросу. Вотъ журналъ засѣданія, рисующій отношенія между К — имъ и городскимъ головою. «Предложеніе Полтавскаго приказа общественнаго призрѣнія отъ 20 сего іюня за № 3138, коимъ по представленію попечителя полтавскаго богоугоднаго заведенія, изъяснявшаго что сія Дума за май и іюнь мѣсяцы положенныхъ на содержаніе ввѣренныхъ ему богоугодныхъ заведеній съ медикаментами и для дома воспитанія не отпустила до сего времени денегъ и тѣмъ ощутительно стѣснила и почти отнимаетъ способъ къ должному содержанію оныхъ заведеній; что сіе происходитъ отъ того, что градскій глава купецъ Ворожейкинъ, не желая вникнуть или, можетъ быть и по ограниченному понятію своему о богоугодныхъ заведеніяхъ, не разумѣетъ сущности ихъ и для того стѣсняетъ его неотпускомъ денегъ, чтобы принудить симъ способомъ принять деньги отъ думы одною мѣдною монетою или съ малымъ или вовся несоразмѣрнымъ назначенію количествомъ ассигнацій: что высшее начальство положило въ число отпускаемой суммы для содержанія заведеній отпущать третью часть ассигнаціями, слѣдовательно, городской глава обязанъ отпущать непремѣнно всякому мѣсту назначенное количество мѣдною монетою и ассигнаціями, не входя ни въ какіе разсчеты, по своему произволу, на что ему не дано права или власти. Всякому извѣстно, что въ городѣ Полтавѣ невозможно найти достаточное количество потребныхъ и необходимыхъ многихъ вещей для заведеній, но должно выписывать изъ другихъ городовъ, для чего должно посылать деньги не мѣдныя, но ассигнаціи; но сего обстоятельства градской голова будто не понимаетъ и подумать можно, что онъ ассигнаціи собираетъ для своихъ по промыслу купца оборотовъ, и просившаго (?) онаго приказа употребить свою власть къ скорѣйшему отпуску слѣдующихъ за два мѣсяца на содержаніе заведеній денегъ и если возможно внушить главѣ Ворожейкину, что отпускаемыя деньги отдавать онъ долженъ по принадлежности и по назначенію высшаго начальства, а не по собственному произволу, предлагаетъ думѣ, чтобы какъ за прошедшій май и іюнь мѣсяцы поспѣшили вы-

слать слѣдующую сумму на содержаніе заведеній приказа, такъ и впредь отсылали бы таковую немедленно по принятіи денегъ изъ уѣзднаго казначейства и въ такой непремѣнно пропорціи ассигнацій и мѣдной монеты, какая отъ казенной палаты къ отпуску въ думу предписана, и 2-е, учиненную справку, по которой оказалось: что слѣдовавшіе за прошедшій май мѣсяцъ на содержаніе полтавскаго хозяйства богоугодныхъ заведеній и на медикаменты 881 руб. $3^1/_2$ коп., да особо частныхъ больницъ 165 руб. $32^1/_2$ коп. и на содержаніе дома воспитанія бѣдныхъ 462 р. $61^1/_4$ к., а всего 1508 р. $97^1/_4$ к., деньги были записаны расходомъ по шнуровой книгѣ 9 числа іюня и отсылаемы къ г. попечителю и надзирателю маіору Котляревскому не въ одной мѣдной монетѣ, а съ присовокупленіемъ ассигнацій, но по непринятію имъ оставались въ Думѣ до 30-го, а до того числа записаны опять приходомъ и состоятъ на лицо: — приказали: о вышеписанномъ по справкѣ оказывается, полтавскій приказъ общественнаго призрѣнія увѣдомить, и записавъ теперь же по книгѣ расходомъ слѣдуемые за май и іюнь мѣсяцы на содержаніе полтавскаго хозяйства богоугодныхъ заведеній и на медикаменты 1762 р. 7 к., на содержаніе больницъ 330 р. 65 к. и на содержаніе дому воспитанія бѣдныхъ 925 р. $22^1/_2$ к., всего 3017 р. $94^1/_2$ к., дать знать о томъ г. попечителю и надзирателю Котляревскому съ тѣмъ, чтобы благоволилъ для принятія означенныхъ денегъ командировать чиновника и кто будетъ назначенъ, думу сію извѣстить для отпуска оныхъ подъ его росписку. А въ опроверженіе представленія его г. попечителя Котляревскаго, заключающаго въ себѣ жалобу на сію думу, присовокупить приказу общественнаго призрѣнія, что оное представленіе есть неосновательное, потому 1-е, что если бы и подлинно, какъ г. Котляревскій объясняетъ, черезъ неполученіе положенныхъ на содержаніе ввѣренныхъ ему богоугодныхъ заведеній и дома воспитанія бѣдныхъ денегъ, заведенія сіи ощутительно стѣснялись въ способахъ къ должному оныхъ содержанію, то дума нисколько сему не причиною. Ибо слѣдовавшія ему г. Котляревскому на тѣ заведенія за май мѣсяцъ деньги всего 1508 р.

97¼ к. были высланы къ нему 9 числа іюня, которыя деньги онъ обязанъ былъ принять и, объяснивъ количество отпущенныхъ мѣдныхъ и ассигнацій, тогда войтить съ своимъ представленіемъ о добавленіи послѣднихъ, ежели, по его мнѣнію, ему болѣе слѣдовало, нежели думою выслано; чѣмъ самымъ были бы отклонены и тѣ стѣсненія, о коихъ онъ пишетъ. Но онъ сказанныхъ денегъ не принялъ и обратилъ въ думу; а симъ уже доказывается, что онъ не имѣлъ такой въ деньгахъ крайности, о коей изъясняется. 2-е, что сумма по росписанію полтавскаго губернскаго правленія, назначенная на всѣ городскія надобности, отпущается въ полное распоряженіе думы и что ни въ ономъ росписаніи и ни въ какихъ другихъ начальственныхъ предписаніяхъ, на которыя г. Котляревскій ссылается, неограничено, какое именно количество отпущать ему ассигнацій? Но дума, сама соображаясь съ мѣстными обстоятельствами и съ крайнею возможностью, назначаетъ оныхъ въ отпускъ столько, сколько у себя имѣетъ. Если же полагать, подобно Котляревскому, что на всѣ назначенія, должно стѣснять третью часть ассигнацій, то дума не могла бы удовлетворить вполнѣ зависящихъ отъ нея расходовъ, поелику есть такіе предметы, кои выполняются собственно одними ассигнаціями, безъ примѣси мѣдной монеты, которая рѣшительно не принимается и не можетъ быть принята. Въ прочемъ г. Котляревскому на содержаніе означенныхъ заведеній отпущается въ годъ только 18107 р. 69¾ к., которыхъ едва ли достаточно для покрытія мѣдною монетою удовлетвориться могущихъ на мѣстѣ въ Полтавѣ. А дума обязана кромѣ его выслать и употребить болѣе 15 тыс., слѣдственно ей нужно болѣе и ассигнацій, нежели ему. На объясненіе же г. Котляревскимъ, сколько въ точности отпущалось ему Думою ассигнацій, служитъ подтвержденіемъ, что оныхъ отдѣлялось соразмѣрное количество, и 3-е, что градскій голова 2 гильдіи купецъ Ворожейкинъ, собственнымъ своимъ лицомъ въ думѣ не дѣйствуетъ, но въ оной по своимъ частямъ управленія дѣлаются опредѣленія за согласіемъ и подписомъ всѣхъ членовъ, полное присутствіе по Высочайше конфирмованному городовому положенію составляющихъ. И слѣдственно, онъ относя

дѣйствія по думѣ къ одному его лицу, не только обижаетъ прочихъ членовъ властью поставленныхъ и довѣріемъ облеченныхъ, но и обнаруживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и личное свое къ градскому головѣ неудовольствіе. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ приказъ общественнаго призрѣнія проситъ, принявъ во вниманіе напрасное г. Котляревскимъ членовъ думы, наиболѣе же градскаго голову, обжалованіе, поставить его въ обязанности слѣдуемые на содержаніе богоугодныхъ заведеній и дому воспитанія бѣдныхъ, принимать на мѣстѣ въ Думѣ съ такимъ количествомъ ассигнацій, какое она по крайней возможности отпускать можетъ. А какъ г. попечитель и надзиратель Котляревскій между прочаго въ своемъ представленіи написалъ: «что отпускъ ему ассигнацій въ меньшемъ количествѣ происходитъ отъ того, что градской голова купецъ Ворожейкинъ, не желая вникнуть или можетъ быть и по ограниченному понятію своему о богоугодныхъ заведеніяхъ, не разумѣетъ сущности ихъ и для того стѣсняетъ его неотпускомъ денегъ, чтобы припудить симъ способомъ принять деньги отъ думы одною мѣдною монетою или съ малымъ или вовся несоразмѣрнымъ назначенію количествомъ ассигнацій». «И что онъ собираетъ ассигнаціи для своихъ по промыслу купца оборотовъ». Каковыя выраженія будучи крайне дерзки, оскорбительны и обидны для званія и чести градскаго головы Ворожейкина, избраннаго въ сію должность купеческимъ сословіемъ и утвержденнаго начальствомъ и продолжающаго службу съ отличнымъ усердіемъ и неутомимою дѣятельностью; заключаютъ въ себѣ доносъ о преступленіи должности и вмѣстѣ съ тѣмъ нарушаютъ должное къ присутственному мѣсту уваженіе; то объ ономъ съ прописаніемъ всего вышеизложеннаго представить рапортомъ гг. малороссійскому военному губернатору и полтавскому гражданскому губернатору, да полтавскому губернскому правленію и покорнѣйше просить милостиваго распоряженія о защитѣ градскаго главу Ворожейкина и прочихъ членовъ думы отъ невмѣстныхъ по службѣ и нестерпимыхъ г. Котляревскаго язвительныхъ порицаній и колкостей начальственнымъ покровительствомъ о томъ, чтобы онъ заставленъ былъ неосновательный свой въ отношеніи

удержанія ассигнацій для купеческихъ оборотовъ извѣтъ, доказывать гдѣ и какъ слѣдуетъ на основаніи генеральнаго регламента 19-ой главы. (Подпись Ворожейкина и трехъ гласныхъ) [1]).

Котляревскому очень не понравилось рѣшеніе думы выдавать деньги чиновнику, присланному въ Думу, и онъ 28 іюля отправилъ слѣдующую бумагу городской думѣ, гдѣ набрасываетъ тѣнь на дѣятельность городского головы.

Полтавской городской думѣ.

Служа надзирателемъ полтавскаго дома воспитанія бѣдныхъ двадцать два года, въ продолженіи которыхъ попечителемъ полтавскихъ богоугодныхъ заведеній около пяти лѣтъ, не получалъ никогда таковаго отношенія отъ думы, чтобы откомандировывать чиновниковъ въ думу для принятія денегъ, ассигнованныхъ на содержаніе управляемыхъ мною заведеній. Таковое новое, небывалое, не въ примѣръ другимъ учиненное думою распоряженіе, приписываю единственно неблагорасположенію ко мнѣ градскаго главы Ворожейкина, за непринятіе мѣдныхъ денегъ отпускаемыхъ мнѣ для содержанія заведеній, по его произволу. Глава Ворожейкинъ, имѣя умъ тонкій, изворотливый, который онъ показалъ во многихъ случаяхъ, а особливо при покупкѣ темнозеленаго сукна для обмундированія малороссійскихъ полтавскихъ козаковъ [2]), не захотѣлъ, повидимому вникнуть и уразумѣть, что дѣлаемыя имъ лично для меня выходки и выдумки, суть стѣсненіе для должнаго содержанія заведеній.

Для прекращенія всякихъ неблаговидныхъ переписокъ, прошу полтавскую городскую думу, устранивъ подстреканія главы Ворожейкина къ причиненію мнѣ затрудненій, а заведеніямъ мнѣ ввѣ-

---

[1]) Гор. арх. 1832, дѣло № 4603, жур. засѣд. 22 іюля.

[2]) Въ 1831 г. Ворожейкинъ ѣздилъ въ Москву и др. города для покупки сукна, самъ предложилъ свои услуги и отказался отъ издержекъ на свою поѣздку, пробылъ въ поѣздкѣ $2^1/_2$ м., получилъ признательность Репнина. Гор. арх. 1832 г. дѣло № 4587, жур. засѣд. 6 мая.

реннымъ притѣсненія, приказать доставить мнѣ слѣдующія заведеніямъ за два мѣсяца деньги, коихъ третья часть должна быть въ ассигнаціяхъ, и тѣмъ сохранить наблюдаемый черезъ 22 года порядокъ, не придерживаясь нововведеній главы Ворожейкина. Попечитель маіоръ Котляревскій [1]).

Бумага была получена 19 іюля и въ тотъ же день заслушана въ Думѣ. Интересенъ отвѣтъ думы, которая указываетъ К—ому, какое наказаніе полагается лицу, оскорбляющему «присутственное мѣсто» и лицъ состоящихъ на службѣ. Вотъ журналъ засѣданія. «По указу Его Императорскаго Величества полтавская городская дума, по выслушанію сего отношенія, опредѣлила: какъ во ономъ господинъ попечитель полтавскихъ богоугодныхъ заведеній маіоръ Котляревскій написалъ на щотъ первенствующаго члена сей думы, градскаго головы 2 гильдіи купца Ворожейкина оскорбительныя и къ дѣлу непринадлежащія выраженія таковы: «глава Ворожейкинъ, имѣя умъ тонкій, гибкій и изворотливый, который онъ показалъ во многихъ случаяхъ, а особливо при покупкѣ темнозеленаго сукна для обмундированія малороссійскихъ козаковъ, не захотѣлъ вникнуть и уразумѣть, что дѣлаемыя имъ выходки и выдумки суть стѣсненія; усторонить подстреканіе главы Ворожейкина, непридерживаясь нововведеній его. А законами повелѣно: указомъ 1764 сентября 13, дабы впредь во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ съ поносительными и къ дѣлу о чемъ прошеніе есть непринадлежащими словами челобитень подаваемо и нигдѣ принимаемо и въ посылаемыхъ указахъ и сношеніяхъ писано не было; подъ опасеніемъ штрафа, какой за пренебреженіе формы о судѣ по указу 1723 года ноября 5 положенъ». «Онымъ 1723 года указомъ: «Всѣ суды и розыски имѣютъ по сей формѣ отправляться не толкуя, что сія форма суда къ тому служитъ, а къ другому не служитъ. А ежели кто будетъ инымъ образомъ судить и розыскивать, или челобитныя принимать, тотъ яко нарушитель государственныхъ правъ наказанъ будетъ; а ежели что

[1]) Гор. архивъ 1832 года, дѣло № 4618.

во оной пренебрегать будетъ или слабо поступать, то въ первыя пять сотъ рублевъ, въ другой разъ тысячу, въ третье половины движимаго и недвижимаго и чина лишенъ будетъ». Генеральнаго регламента 55 главою: «при семъ объявляется всѣмъ и каждому особливо, какого бъ чина и достоинства кто ни былъ, чтобы никто ругательными словами коллегіи касаться не дерзалъ, ибо оные которые тому противно учинятъ, по состоянію обстоятельствъ дѣлъ и персонъ, яко помѣшатели добрыхъ порядковъ и общаго покоя, такожде яко противники и непріятели Его Величества Воли и учрежденія на тѣлѣ и лишеніемъ чести и имѣнія наказаны быть имѣютъ, понеже оный который противъ рѣшенія и поступковъ коллегіи у Его Императорскаго Величества ревизіи или милости просить намѣренъ, то надлежитъ ему сіе съ надлежащимъ воздержаніемъ чинить и почтенія коллегію никогда неповреждать и тако не о особахъ, но о самомъ сущемъ дѣлѣ доносить имѣетъ». И Высочайше утвержденнымъ 13 апрѣля 1810 года мнѣніемъ Государственаго Совѣта, дабы всѣ вышепрописанныя узаконенія исполняемы были со всею точностью безъ малѣйшаго послабленія. То на основаніи сихъ законоположеній, означенное г. Котляревскаго отношеніе, яко наполненное вышеобъясненными дерзскими и непринадлежными къ прямому дѣлу выраженіями, возвратить съ надписью и оное для врученія ему по принадлежности отослать при сообщеніи въ полтавскую городскую полицію съ тѣмъ, чтобы благоволила при отдачѣ сказаннаго отношенія г. Котляревскому объявить ему, во первыхъ, чтобы онъ съ подобными дерзскими бумагами въ Думу, какъ въ мѣсто присутственное, освященное Высочайшимъ Его Императорскаго Величества зерцаломъ, не входилъ. Во вторыхъ, что слѣдовавшія за май мѣсяцъ на содержаніе полтавскихъ богоугодныхъ заведеній и дому воспитанія бѣдныхъ 1508 р. 97 к. были записаны расходомъ и отсылаемы къ нему еще 9 іюня, но по непринятію имъ обращены 30 числа того мѣсяца опять въ приходъ. Въ третьихъ, что подлежащія на тѣ же заведенія за тотъ же май и іюнь мѣсяцъ деньги всего 3017 р. $94^1/_2$ к., тоже записаны расходомъ еще 26 числа сего іюня, но по неявкѣ его и не присылкѣ чиновника въ думу для пріема (о чемъ

было къ нему писано) остаются въ оной на лицо и во всегдашней готовности къ отдачѣ. И въ четвертыхъ, что дума прежняго своего опредѣленія о прикомандированіи имъ Котляревскимъ во оную чиновника для пріема сказанныхъ на содержаніе заведеній 3017 р. 94$^1/_2$ к. денегъ, отмѣнить не можетъ за силою 130-й статьи Высочайше о губерніяхъ учрежденія. А потому и исполнилъ бы онъ первоначальное о томъ требованіе, какъ законное, ибо дума не имѣетъ ни обязанности, ни возможности разсылать ко всякому денегъ по домамъ съ зашнурною книгою, сколько изъ опасенія растраты первыхъ и потери послѣдней, столько же и потому, что на такову разсылку нѣтъ распоряженія и отъ полтавскаго губернскаго правленія, отъ коего препровождено и самое о удовлетвореніи думою расходовъ росписаніе. Въ возвращеніи же ему Г. Котляревскому подлиннаго его съ надписью отношенія, взявъ отъ него подписку, доставить въ сію думу [1]).

Это рѣшеніе думы было написано на томъ же отношеніи Котляревскаго и черезъ полицію отослано ему. Котляревскій не принялъ этой бумаги, о чемъ думу и увѣдомилъ полиціймейстеръ Монжосъ. «Онъ, Котляревскій, — писалъ Монжосъ 8 августа,—принять того отношенія не захотѣлъ, почему полиція, не имѣя болѣе никакой возможности къ порученію означеннаго отношенія Котляревскому, обращаетъ оное при семъ въ городскую думу для дальнѣйшаго со стороны ея распоряженія». Дума, получивъ это увѣдомленіе, порѣшила: «оное сообщеніе съ приложеннымъ подлиннымъ г. маіора Котляревскаго отношеніемъ, пріобщивъ къ дѣлу, доложить съ онымъ къ особому опредѣленію» [2]). Губернское правленіе, которому жаловалась Дума, предписало отослать деньги, слѣдуемыя за май и іюнь мѣсяцы, и на будущее время отсылать съ книгою для росписки въ ней кого либо изъ членовъ (т. е. гласныхъ). Что же касается, «неприличныхъ, какъ читаемъ въ указѣ, на щотъ думы выраженій г. Котляревскаго,

---

[1]) Гор. архивъ 1832, дѣло № 4603, жур. засѣд. 29 іюня.

[2]) Гор. арх. 1832 г. дѣло № 4618.

«то предоставлено думѣ ожидать рѣшенія губернатора и генералъ-губернатора [1]). Такъ губернское правленіе не пожелало вмѣшиваться въ недоразумѣнія, возникшія между поэтомъ и Думой, а между тѣмъ, Губернское правленіе было учрежденіемъ, которому всецѣло была подчинена дума. Какъ отнеслась къ этому дѣлу администрація, мы не знаемъ; къ сожалѣнію, данныхъ объ этомъ мы не нашли въ архивѣ.

Собщ. **И. Фр. Павловскій.**

---

[1]) Гор. арх. 1832 дѣло № 4614, жур. засѣд. 21 Августа.

ПРЫЯЗНЬ.

(Оповидання зъ жыття волынського полисся).

На прызьби пидъ хатою въ Мартохы Билашыхы сыдыть мале дивча, зъюрдывшысь; блиде, жовте лычко ажъ пидпухло, а сыви очи якось побилилы; трясется несчасне и видъ пропасныци й видъ плачу, бо маты саме набыла, а теперъ стоить коло одвирка зъ прутомъ въ руци, та ще й прыказуе.

— И была, и ще бытыму! отъ не сыды-но мени тилько въ хати, отъ побижы-но мени ще разъ до лиса зъ панною, то я объ тебе виныка обламаю! Казала я тоби, не лазь по сонци! Такъ отъ же буде лазыты, покы зновъ іи трасця вхопыть!

— Та хиба воно одъ сонця? — озвалась кризь слёзы мала Дарка.

— А то жъ одъ чого, дурне верысько?

— Панна казалы — зъ болота та зъ комаривъ...

— Зъ комаривъ? Чы ты скрутылась, чы що, и зъ твоею панною? Чы то мало кого комари кусають...

— Тажъ и по сонци вси ходять! — не вдержалась такы Дарка, хочъ знала, що маты не терпыть «языкатыхъ».

— Отъ не мовчы-но мени, отъ тилько не мовчы, я-а-а-а тоби! — скрыкнула Мартоха и замахнула ризкою, а Дарка зибрала остатню сылу тай чкурнула видъ матери по-за городдямъ на пастовень, що коло панського садка, прыщулылась у виль-

хахъ, сыдыть и хлыпае та чекае, чы не надійде іи пóдруга й однолитка панна Юзя.

Часомъ Дарка такъ и до смерку ждала, а Юзя не прыходыла, не могла вырватыся зъ дому, але здебильшого, хутко чы не хутко, прыходыла такы товарышка вирна, и тоди воны сидалы поручъ у кущахъ, обыдви тоненьки й пожовкли видъ пропасныци, и гирко скаржылысь одна одній на свою хатню неволю та справувалысь межы собою, хочъ бильше Дарка панни докоряла. Такъ и теперъ Дарка почала «вычытуваты» панни, ледве тая прыйшла.

— Чомъ вы-те, панно, не выйшлы заразъ по вбиди? Я вже тутъ чекаю, чекаю, ажъ мени нудно, а до дому йты боюся, маты зновъ набьють, якъ вы-те не вборопыте.

— Та колы ніякъ не можна було, — выправдовувалась Юзя, — по обиди заразъ дидунё казавъ ёму газету чытаты, потóму я бабуни ныткы мотала, а тамъ мусила таткови рахункы свои зробыты та зъ мамою французську кныжку чытаты.

— Овва! А вы-те чомъ не втиклы?

— Та якъ же я втечу?

— А такъ, якъ отъ я: втичу и вже!

— Э, тоби що иншого, тоби не кажуть учытысь, ты соби можешъ гуляты, — задумлыво промовыла Юзя, немовъ сама до себе, дывлячысь у далечинь.

— Эге! нагуляюся — зъ Присько на рукахъ! — палко и немóвъ ображено видмовыла Дарка.

— И якъ ты тую Приську носышъ? вона така важка! — такъ само задумлыво говорыла панна, тилько звернувшы поглядъ на Дарку, — ты бъ сказала матери, що ты не можешъ, що ты слаба, вона бъ тоби позволыла не носыты Прыськы.

— Маты того не пытають. Воны кажуть: «Якъ зъ панною по лисахъ гоняты, то не слаба, а якъ дытыны глядиты, то тебе нема!»

— И чого ты повынна тую Приську глядиты?

— А вы чого дидунёви газету чытаете?

— Бо... бо дидунё на очи слабый, винъ самъ не може.

— А бабуни на що моталы ныткы? Бабуня жъ не слаби.

— Бабуня гнивалась бы.

— Ото мени бида! Нехай бы соби гнивалысь, — я бъ на те вважала? Я бъ и видъ рахункивъ утикла и тую кныжку хранцюзську геть закынула, якъ бы такъ на мене.

— А чому жъ ты кужиля не кидаешъ? Чому видъ гусей не втикаешъ, якъ заставлять пасты?

— Ну, бо набьють, якъ покыну, а васъ же зрода́ не бьють, чы жъ не правда?

— Та... правда... зъ тыхымъ зитханнямъ промовыла паннночка, и іи сыви, якъ и Дарчыни, очи зайшлы смуткомъ; вона похылылась, якъ вербычка. Дарци стало шкода лагоднои тыхенькои панночкы, вона раптомъ зважлыво пидвелася и мовыла веселымъ голосомъ.

— Панно, ходимо до Рывкы на гойдашку, тамъ вже доси наши дивчата зибралыся!

Але панночка хылылася ще ныжче.

— Ни, Дарко, я не можу бильше ходыты до Рывкы...

— А то чому?

— Якъ бы ты знала, що мени вчора було за те, що зъ тобою ходыла гойдатыся до Рывкы!..

Дарка вжахнулась: — Эй, чы жъ былы?

— Ни, не былы, — панночка блидо всмихнулась, — а нехай бы вже липше былы... Бронекъ у-вечери пры гостяхъ дратувавъ мене, що я зъ жыдивкамы кизъ дою, а зъ хлопкамы свыни пасу. Винъ, подлый, самъ насъ пидглядавъ, самъ все таткови розсказавъ, а теперъ ще й сміется... А я зовсимъ кизъ не доила, неправда ёго, тилько гойдалася! — Юзя почынала хлыпаты.

— А винъ доправды бачывъ, якъ вы-те зъ намы позавчора свыни паслы? — цикавылась Дарка.

— Я не знаю, може й бачывъ. Що жъ я вже зроблю?... Теперъ мамця плаче... и бабуня гниваетця... и татко каже, що мамця черезъ мене захоруе... я не можу... я не знаю...

Де-далы за слизьмы ничого не можна було розибраты зъ Юзинои мовы.

— Панно Юзю!—почувся зъ садка тонкый голосъ панськои покоивкы, — панно Юзю! До гарбаты! Мамуня гниваются! Панно Юзю!

А тутъ и Дарчына маты голосъ подавала зъ свого дворыща: — Дарко! Дарко! А не прыйдешъ ты до хаты? Холеро! Дарко! Дарко!

Мала Приська долучала и свій голосъ до матерыного.

— Ой побижу вже, а то гирше бытымуть! Йдить, панно, й вы-те до дому, — онъ клычуть, — не бижить за мною, щей на васъ насварять.

Але Юзя такы бигла за Даркою.

— Ни, я зъ тобою, я зъ тобою! Не дамъ быты, я не хочу! Я скажу вдома, що не чула... що вчылась... коло кролыкивъ була... я не дамъ тебе быты!

Задыхани, блиди, а не червони, видъ швыдкого руху, прыбиглы обыдви дивчынкы на подвирья до Дарчыкои матери.

Мартоха стояла на воротяхъ зъ прутомъ въ рукахъ и саме въ той часъ, якъ Дарка хотила прошмыгнуты позъ неи до хаты, вона вхопыла дивча за руку и замахнулась прутомъ, але Юзя повысла на іи правыци, и Мартоха мусила спынытысь, щобъ не затяты ненарокомъ панськои дытыны.

— Пустите, панно, оступиться, не бороните іи, вы-те не знаете, що то за холерна дивчына!

— Не пущу! Вы не смієте іи быты! — здавленнымъ голосомъ перечылась Юзя, и іи блиде лычко вкрывалось неривнымы рожевымы плямамы.

— Не смію? А то чому? гукнула Мартоха, — отакои не бый, то до чого вона роспаскудытся!

И Мартоха пробувала ворухнуты рукою зъ прутомъ, все таки вважаючы, щобъ не штовхнуты Юзи, тымъ часомъ якъ Дарка пручалась, надіючысь втикты, покы тамъ розмова скинчытся!

Юзя здавыла скилько сылы Мартоху за руку.

— Неправда, не роспаскудытся! Дарка й такъ все робыть для васъ... А чого вона повынна все робыты? отъ не схоче и не буде! — закинчыла Юзя розпачлыво дзвинкымъ голосомъ.

Мартоха споважнила й насупылась.

— Вы-те, паннo, не вчить мени Даркы такого. То, може, тамъ у васъ, у панивъ, такый звычай, щобъ дытына матери не слухала, а въ насъ того нема. Чы то я на те надъ нею ночей не досыпляла, соби одъ рота хлибъ одрывала, щобъ мени якесь дармойидысько въ хати росло? Я на те маеткивъ не маю. Та я липше їи забью, а дармойиды мени непотрибни!

Тутъ Мартоха вырвала свою руку видъ Юзи и такъ потягла Дарку прутомъ, що та ажъ звылася зъ болю.

Дарчынъ крыкъ покрывся голосомъ Юзи, що впала до долу, трясучысь и кыдаючысь, якъ непрытомна, та лементуючы.

Видъ панського двора надбигла покоивка. Пани, Юзына маты, почула зъ рундука Юзынъ крыкъ и послала дивчыну, щобъ заразъ завела панночку до дому, але Юзю прыйшлося скорійшъ несты, нижъ весты. Дома дивчынку заразъ роздяглы и поклалы въ лижко, бо въ неи почався нападъ пропасныци.

Юзя лежала укрыта двома ковдрами и хутромъ, вся посынила видъ холоду, що проймавъ їи и трясъ до болю, до млости. Про те вона все слидкувала очыма, якъ татко ходывъ зъ кутка въ кутокъ по компати та все вычытувавъ їй за неслухнянисть. Чутно було по голосу и выдно по очахъ, що винъ щыро жалувавъ свою хвору дытыну, а все такы й щось прыкре, дражлыве прокыдалося въ ёго словахъ: «Отъ завжди такъ, — не слухаешся, бигаешъ, куды непотрибно, покы захоруешъ, а потимъ возыся зъ тобою!» Тее «возыся зъ тобою» боляче ризало Юзи серце, и вона думала: «Та я-жъ и не прошу, щобъ зо мною возылысь... ябъ липше пишла до Даркы на сино, тамъ бы й перележала безъ вашыхъ ковдръ та безъ хины... хочъ бы не грызъ нихто!..» Тилько вона не смила того вымовыты, бо вже й такъ мама зросыла геть чысто одну хусточку слизьмы, сыдячы мовчкы надъ Юзею; вже й такъ бабуня казала прынестыароматычного оцту та оливцивъ видъ мигрены, а дидуню зъ велыкымъ прытыскомъ роспочавъ

зновъ мову про те, що вже крайня пора взяты до Юзи гувернантку, а то дытына де-дали зовсимъ зхлопіе». Мама давнише було завжди брала Юзю пидъ свою оборону, доводячы, що вона не може допустыты чужу людыну, гувернантку, справляты матерынськи обовьязкы коло Юзи. Але на сей разъ мама тилько плакала, та вже не перечылась.

Юзю зъ холоду кынуло въ палъ. Таткова постать порушувалась немовъ у тумани, голосъ долитавъ урывкамы, и Юзя вже часто не могла розибраты, чы то Мартоха крычыть десь на двори: «мени дармойиды непотрибни!», чы то зновъ татко вымовляе: «захоруешъ, а потимъ возыся зъ тобою». Де дали ци ризни слова злылыся до купы: «возыся зъ дармойидомъ!»,—и Юзи було такъ гирко, немовъ вона була вынна проты когось, чы, навпакы, хтось проты неи завынывъ. Іи гаряча, хвора голивка не могла того збагнуты, а прымара-пропасныця несла іи геть зъ покоивъ, зъ двора до Даркы на сино...

II

Зъ того всёго выйшло, що до Юзи, не вважаючы на іи слёзы, просьбы та обицянкы буты «гречною», згодомъ взялы такы гувернантку, але за те бабуня сама пишла до Мартохы Билашыхы и ришуюче «поговорыла» зъ нею, щобъ вона «не робыла авантуръ», себъ то не была Даркы, прынаймни не доводыла бъ до галасу и прылюдного бешкету.

Мартоха зрозумила ту «розмову» за наказъ,—якъ же инакше розумиты панськи «розмовы»? До того жъ Мартоха була найблыжча панська сусидка, а іи родына найубожча въ сели, то ій такы конче выпадало не въ одному «послухаты» панивъ, щобъ не втратыты сусидськои ласкы. Якъ бы не поденна робота въ двори та на панськыхъ ланахъ, то хто зна, якъ бы Мартоха прожыла зъ дрибнымы дитьмы за своимъ «пьяныцею-недбалыцею», що запродувавъ лыхвярамъ збижжя ще въ накоренку и перевивъ увесь Мартошынъ посагъ пусто-дурно, на жыдивську корысть.

Правда, Мартошыне жыто неразъ высыпалось нежате, Мартошыни конопли марнувалысь нетипани черезъ панську роботу, бо вже Мартоха му́сила йты чы въ пору, чы не въ пору, колы тилько клыкалы. Тай за тую «совыну» (такъ Мартоха звала хину), що стара пани давала для Даркы, и за старенькe шмаття зъ паненятъ для малыхъ дитей, и за маслянку та сыроватку видъ панськыхъ коривъ, за все выпадало неразъ «послухаты» панивъ, колы не роботою, то чымъ иншымъ. Адже й писля сеи «розмовы» пани дала такы теи «совыны» для Даркы, а «порошкивъ видъ жывота» для Приськы, ще й наказала прыйты до двора взяты де-що старого зъ паныча Бронка для Мартошыного Ивана, а при тій нагоди й «послухаты» трохы: пограсуваты стежкы въ саду, бо челядь вся въ роботи, а на вечеръ маютъ прыйихаты гости, то стежкы мусять буты чысти.

— Та добре, прошу пани, я въ духъ, отъ такы заразъ и прыйду, — сказала Мартоха, поцилувала пани въ руку за ликарство и видпровадыла іи за ворота, щей надвела трохы вулыцею, для пошаны.

У Мартохы двоилось почуття: и дражныло іи панськe втручання въ іи родыну, и пидлещала панська ласка до іи дытыны; вона неразъ передъ багатымы сусидкамы немовъ ненарокомъ спомынала, якъ то панна ажъ захорувала за іи Даркою: — «Вже жъ вона й любыть мою Дарку, Господы, якъ ридна сестра! вже нема ій другои такои на всимъ сели!» Багатыркы надымалы прызырлыво губы, а Мартоха думала: «заздростять!»

Провившы пани, Мартоха вернулась до хаты й клыкнула Дарку.

— Йды й ты, недоторкана!

— Куды?—обизвалась Дарка, що сыдила зъ Приською на полу, ще жовта писля нападу пропасныци, але вже не гаряча й прочумана.

— До двора, — видповила маты, — я буду стежкы грасуваты, а ты замитаты.

— А Приська?

— Якъ то ты за Приську журышся, чы ба! якъ до роботы, то й за Приську згадала! . Приськы батько поглядыть. Занесыно іи до батька, онде до стодолы.

— А батько схотять глядиты?—пытала неймовирна Дарка.

— Кажу, несы, то й несы! Мени твоеи гуторкы непотрибно! — гукнула Мартоха такъ, що Дарка поспишылася зъ Приською за двери.

Перейшовшы черезъ ясный двиръ и вступившы на тикъ у темну клуню, Дарка одразу не могла розгледиты, де сыдивъ батько, и клыкнула:

— Тату, тату, а де вы-те?

— А чого тоби? — озвався ядушлывый голосъ зъ кутка.

Се тамъ на соломи лежавъ Дарчынъ батько, Семенъ Билашъ. Винъ часто такъ лежавъ не тилько въ свято, якъ то вси добри люде роблять, — але и въ будень. Найчастише винъ лежавъ такъ зъ похмилля, порозгонывшы дитей въ хати, та набывшыся жинкы, що николы ёму «не мовчала», ни тверезому, ни пьяному. Та тверезый ще винъ ій мовчавъ. Тверезый винъ мовчкы згожувався, що вона всихъ «издержуе», що тилько за нею й дыхае вся родына, тай винъ самъ, — мовляла жинка, — «ядуха проклята», «пьяныця невсыпущый». Винъ тямывъ добре, що жинка правду каже. Винъ и пьяный це тямывъ, але тоди та правда лютыла ёго. Може, якъ-бы винъ бувъ такый багатыръ та щей самъ дужый здоровый-здоровый и до всякои роботы здатный, якъ отъ хочъ бы сусидъ Якымъ Гречукъ, а жинка недолуга и вбогого роду, якъ Гречучыха, то винъ бы не бувъ такый лыхый пьянымъ. Винъ бы може сміявся, прытанцёвувавъ пьяный, лыцявся бъ до жинкы, окручувавъ бы іи навколо себе, мовъ у танци, называвъ бы іи «робитнычкою» своею, «хадзяечкою», и хто зна якъ ще, покы бъ и вона подобрила, тай соби засміялась бы, що старый «чудака зъ себе робыть». Адже такъ завжди бувае у Гречукивъ, колы Якымови Гречукови трапытся прыйты до дому «пидъ охотою» (правда, Якымови воно не такъ часто трапляется, якъ Семенови, — такъ багатырь же такои биды не мае, щобъ мусивъ залываты). Уляна Гречучыха сама знае, яка тамъ зъ неи

«хадзяечка» та «робитнычка», — за Якымомъ же тилько й на свити держытся, — вона Бога хвалыть, що іи чоловикъ жалуе, та ще добрый чоловикъ. Але й Семенъ такои жинкы не зачипавъ бы. «Отъ Бигъ-ма, не зачипавъ бы,» — думавъ винъ соби неразъ, — «хочъ нехай бы й ризно называла, такъ якъ и моя. Колы жъ бо моя сама якъ муръ, а на мене каже: ядуха! Чортъ ій выненъ, що така багатырка зъ билои хаты та за мене въ курну хату пипла. Що вона мае мени дотынаты? я ій покажу!..» И ядушлывый Семенъ «показувавъ» жинци зпьяна усю, скилько мавъ, свою сылу. такъ що вона пры всёму свому здоровьи не вмила оборонытысь видъ нёго. Але писля бійкы Семенъ лежавъ на соломи, и вси кости ёму болилы, и въ грудяхъ рыпило, и заздро й неначе соромъ було ёму дывытысь, якъ Мартоха, ще проворонища зо злости нижъ звычайно, звывалася коло господарства, даючы ладъ и въ хати, и на двори, та гукаючы на диты згризна, по господарськы. Такъ нибы-то не іи було быто, а ёго, бо винъ лежавъ «якъ збытый», «ни до чого», а вона «отъ таки якъ муръ», мовлявъ Семенъ.

Але сёго разу Семенъ лежавъ не зъ похмилля и не писля бійкы. Винъ вже третій день бувъ тверезый и третій день лежавъ. Видколы опысалы быдло за податкы, видколы Мартоха вызволыла те быдло, выблагавшы въ пана грошей на видробитокъ, а сама того жъ такы дня побигла до волости на скаргу проты чоловика, — такъ Семенъ и зовьявъ. Мовчкы выслухавъ винъ ришенець у волости, що вже теперъ не винъ, а жинка мае передъ весты въ господарстви, «бо вона податкы платыть, то іи й право въ хазяйстви буде». Зъ якыхъ законивъ волосни судди высудылы той ришенець, того ни Семенъ, ни Мартоха, ни самы судди не зналы, але про пысани законы якось нихто не думавъ пры тому. «Согласенъ?»—спыталы въ Семена. «Та.. щожъ»...—мовывъ винъ, похнюпывшысь, и зновъ замовкъ. Дорогою зъ волости до дому жинка ще пояснyла ёму той ришенець просторо: «Тепера вже не диждешъ мене быты, тепера мое право въ хати: схочу — дамъ на горилку, не схочу — не дамъ, схочу — дамъ йисты, не схочу — й такъ буде, а що самъ визьмешъ —

позыватыму, якъ злодія». Даремне Семенъ змагався, що такого «права» нема, щобъ жинка чоловика голодомъ морыла,—Мартоха доводыла, що нема жъ и такого, щобъ «дармойидивъ» годуваты:— «Якъ заробышъ, такъ и зйисы. Бездаремне морыты не буду, тай не годуватыму дурно, не бійся». И въ першый же день дотрымала слова. Семенъ зъ досады залигъ и не йшовъ ни до якои роботы. Мартоха не говорыла до ёго и не клыкала ни до обиду, ни до вечери. Такъ винъ и заночувавъ у клуни, не йившы. Другого дня по снидании Дарка, крадькома видъ матери, прынесла батькови шматокъ палинкы: — «Йижте, тату, хутчій палинку, а часныку неможна, бо маты почують, що вы-те йилы, та будуть сварыты». — «Я не хочу йисты», сказавъ тыхо Семенъ та такъ подывывся, що Дарци ажъ на плачъ зибралося. До вечера Семенъ зовсимъ охлявъ и ставъ кашляты та стогнаты въ голосъ. Жинка вже сама вынесла йому въ мысчынци кулишу, якъ диты полягалы спаты, але винъ мовчкы штовхнувъ ту мысчынку, вывернувъ кулишъ и зновъ обернувся до стины.

Мартоха постояла надъ нымъ мовчкы, потимъ здійняла зъ долу мысчынку, обтерла хвартухомъ и пишла повагомъ до хаты. Семенъ зновъ заночувавъ у клуни. Ранкомъ диты пидгледилы и матери сказалы, ще «тато йилы гнылыци пидъ грушкою, та все оглядалыся, а впосля ще назбиралы, тай въ ямку закопалы». Мартоха саме надумувалась надъ тымъ, якъ бы ёго обійтыся зъ чоловикомъ, колы тутъ надійшла пани зъ тіею «розмовою». Тоди Мартоси впало на думку взяты й Дарку зъ собою до двора на роботу, — «вже не така мала, все хочъ десятку видробыть», — та ще маячыла й невыразна думка, що може бъ варто Дарку частише панамъ на очи накыдаты. «А дытыны и той нероба може доглянуты», — зважыла вона раптомъ.

Колы батько озвався до Даркы «чого тоби?», голосъ ёго бренивъ такъ хрыпко й понуро, що дочка не одразу зважылась видповисты. Дарка перше посадыла Прыську доли коло батька на голимъ току, а потимъ, видступывшы до выходу зъ клуни, промовыла шпарко, але неголосно:

— Маты казалы, щобъ вы-те Приськы глядилы, а мы пидемо до двора на роботу! — и зъ остатнимъ словомъ помчала до матери.

Семенъ спочатку сыдивъ нерухомо, дывывся похмуро на малу Приську, але дытына ще немицна въ спынци незабаромъ втомылась сыдиты, хытнулась, перекынулась и, вдарывшысь потылыцею объ твердый тикъ, зайшлася безгучнымъ плачемъ, тилько выдко було, якъ тремтивъ язычокъ и сынило лычко. Семенъ не вытрымавъ. Винъ не диждався, покы те мовчазне рыдання прорвется голоснымъ крыкомъ, схопывся зъ мисця, здiйнявъ дытыну и почавъ тулыты до себе, колышучы та зацытькуючы.

— Цыть, цыть, моя малейка, моя Присюню! Овва! забылась дытына! Цыть, цыть, не плачъ, ось я дамъ грушку, цыть!— Винъ добувъ зъ за пазухы гнылычку и тыкавъ iи Прысьци въ ротъ.

Приська помалу замовкла, забавывшысь грушкою, посмоктуючы та схлыпуючы, и сыдила тыхо въ батька на рукахъ. Винъ трохы незграбно, прытыскаючы, гладывъ iи долонею по билiй головци и прымовлявъ:

— О, то въ мене дивчына! вона не плаче! Даты ще грушку? даты? А ось, дывысь, Бозя.

Дытына почала всмихатысь, а батько лагиднымы, смутнымы очыма дывывся на неи и бавывъ мидянымъ хрестыкомъ, що висывъ у ёго на зсохлыхъ грудяхъ.

III

Видъ того часу Семенъ все частише лышався зъ Приською, а Дарка стала разъ у разъ ходыты до панивъ на роботу зъ матирью, зъ старшою сестрою Ярыною, а то й сама. Колы маты не мала часу, а Ярыни прыпадала черга пасты быдло (воны все чергувалыся зъ братомъ Иваномъ), то Дарку посылалы й саму въ двиръ до легшои роботы: квитокъ полоты, кревавныкъ для индыкивъ збираты, стежкы замитаты, то що.

Праця всеи Мартошынои родыны на панськимъ двори йшла за довгъ панамъ, а на панськимъ поли оплачувалась готовымы

гришмы окроме. Дарци заздро було, що Ярына въ жныва заробляла по злоту, крутячы перевесла на панськыхъ ланахъ, бо хочъ маты й забирала ти гроши до себе, а такы справыла Ярыни по жнывахъ нового «каптана», бо дочка «заробыла». Дарка жъ прыходыла до дому зъ порожнимы рукамы, хиба що грудочку цукру Присьци прынесе, або яку стару лахманынку, — отожъ и ходыла вона въ старому лахмитти, та такъ и не выплакала видъ матери новои спиднычкы того лита.

— Буде зъ тебе й старои, навчыся-но перше робыты, — дала вырокъ маты, и на тому скинчылося.

Дарка разъ попробувала довесты, що й вона жъ робыть, якъ не за готови гроши, то все одно за видробитокъ. Маты навить не розсердылась, тилько легковажно здвыгнула плечыма и спокійно промовыла:

— Одчепыся зъ такою роботою: на десятку заробышъ, на двайцятку зъисышъ. А зъ видробиткивъ у новому не походышся, хиба що батько справыть.

Пры тому Мартоха засміялася, а Семенъ, посередъ обиду, вставъ, выйшовъ зъ хаты и почавъ рубаты дрова. Рубавъ до самого вечора, мовъ найнявся.

Одно потишало Дарку на панській роботи, що тамъ вона частенько могла бачытыся зъ панною. Правда, Юзи вже невильно було побигты зъ Даркою въ лисъ або на пастовень, бо гувернантка, пидстаркувата Fräulein Therese николы не спускала своеи выхованкы надовго зъ очей. Ледве оце Юзя почне крадькома простуваты до вильхъ за ставкомъ, а вже зъ альтанкы, або зъ ганку чутно рыпучый голосъ: «Jussa! Jussa! wo gehn sie hin?» И Юзя зновъ мусыть братысь до нудпои нимецькои кныжкы (sehr interessant — каже Frl. Therese!), або до вышывання на папировій канви якого «сувениру» мамци, бабуни або иншымъ родычамъ. Юзя теперъ вже волила тую, колысь таку осоружну французську кныжку и навить рахункы, нижъ оци «интересни исторійкы» та роботкы, що нибы-то малы бавыты іи. Чытання й роботкы видбувалыся конечне пры нимци, а вчытыся завданкивъ дозволялося де-небудь недалечко въ садку, на самоти, бо, запевнывшы таке

корысне заняття своій выхованци, Frl. Therese вважала вже згиднымъ зъ своимъ профессіональнымъ сумлиннямъ узятыся до своихъ нескинченныхъ лыстивъ, або до чытання интересныхъ вже для неи самои романивъ Фрейтага. А Юзя бигла зъ кныжкою въ садокъ або на городъ, видповидно до того, де працювала на той часъ Дарка. Колы Дарка замитала стежкы, панночка «клепала» нимецьки слова, ходячы сюды й туды, а кожный разъ, поривнявшыся зъ Даркою, всмихалася або озывалася словомъ, тилько стóрожко, бо стежку могло буты выдко звидкы небудь панни Терези. Колы Дарка полола квиткы, тоди було нудно, бо квиткы булы пидъ самымы викнамы, передъ будынкомъ, а зъ покоивъ було все чысто выдко, тай Дарка полола здебильшого не сама, а пры другыхъ не розговорышся такъ, якъ у двохъ. Та ще подумають, що Юзя прыйшла наглядаты за роботою, а Юзя того якось зроду не могла. Вона не така, якъ Бронекъ, що ёго й не просять, а винъ навысае надъ парубками. Ій и такъ соромъ було, якъ Ярына разъ, полючы, сказала: «А що, панно, добре въ холодку сыдиты? Пустите-но мене до кныжкы, а вы-те поможить Дарци полоты». Яка та Ярына! вона й забула, якъ Юзя, покы ще не було гувернанткы, выполювала вкупи зъ Даркою іи жъ такы, Ярынынъ, зильныкъ, що за хатою на клынку насаженый. Ще жъ Юзя ій тоди «панськои мяты» й «оргиніи» въ мамци выпросыла, а Ярына не дала Юзи «чоловичка» пересадыты: — «Вы-те однаково зопсуете, мали ще садыты!» Вже тая Ярына! Думае, що якъ ій 12 чы 14 лить — (а отъ и сама не знае, скилько ій йе!) — то вже вона й «дивка!» На музыкы ходыть, хустку вывьязуе, якъ велыка! Юзя іи николы не любыла... Отъ найлипше, якъ Дарка прыходыть сама кревавныкъ збираты, тамъ, де щепы, въ новый садокъ. Туды невыдко ни зъ будынку, ни зъ альтанокъ, тамъ Юзя лягае въ траву коло Даркы, помогае, ій збираты кревавныкъ (тай щавель — Мартоси на борщъ), кныжка лежыть блызенько — «на всякый выпадокъ» — але Юзя не вчытся, воны зъ Даркою балакають по щырости.

— И на що вы-те, панно, стилько вучытесь? — пытае Дарка.

— Ну, бо кажуть мени.

— А на шо воно имъ?

— Такъ, бо въ насъ уси диты вчатся.

— А шо зъ того?

— Якъ то що? — здывувалась Юзя, але видповиди не знайшла.

— А видомо, що вамъ зъ того?

Ну, отъ вы-те вчытесь по нимецькому и по храньцюзькому, а на шо воно вамъ?

Юзя всмихнулась, немовъ старша до дытыны.

— Якъ же на що? А якъ я пойиду за граныцю—тамъ же вси говорять або по-французькы, або по нимецькы, то я жъ бы ничого не розумила тамъ.

Дарка насупылась.

— Потрибно вамъ за граныцю йихаты!.. Чомъ вы-те не хочете тутъ сыдиты?

Теперъ уже Юзя сміялась.

— Та ну, яка ты, Дарко! Хиба жъ я кажу, що отъ я вже маю йихаты? Я такъ тилько, *якъ-бы!*

— Ну то й непотрибно вчытысь, — напосидалась Дарка, — якъ не пойидете, то шо вамъ зъ того прыйде, якъ будете по якомусь тамъ, невидь-якому знаты?

— Ну... що?... А на що жъ вси вчатся?

— Або я видаю? — понуро видказала Дарка.

— Ну, отъ же й вашъ Иванъ до школы ходыть.

— Ба, хлопець! Хлопцямъ що ничого! — Дарка ожывылась, забула гниватысь и повернулась до Юзи, — хлопець менче у війську буде, коли вывчытся въ школи, хлопець може на пысаря выйты, на вчытеля...

— И дивчына може на вчытельку выйты! — перебыла Юзя.

— То вы-те булы бъ учытелькою въ школи?

— Може й була бъ, — неришучо, безъ всякои певности промовыла Юзя.

— Эй, годи-те! Такъ вамъ хочется говорыты!

— Ну, може гувернанткою була бъ, — трохы певнише промовыла Юзя.

— По чужыхъ панахъ служылы-бъ, якъ ота ваша нимка? Та на що вамъ того? Та жъ вы-те багатыи!

— Ай, одчепыся. я не знаю!

Юзя нагнулась надъ кныжкою, и губы ій почалы тремтиты.

— То на що вчытыся, якъ такъ? — слыве пошепкы спытала Дарка, скоса дывлячысь на Юзю и щыпаючы якусь травынку.

Юзя раптомъ кынула кныжку, впала въ траву и заплакала безгучно.

— Панно, панно! — збентежылась Дарка, — чого вы-те? чого? Або жъ я що? Та я жъ ничого...

— Чого ты мене мучышъ? — озвалась Юзя кризь слёзы, — хиба я знаю, на що вчытысь? Вчусь, бо такъ кажуть... бо мушу... Я й за граныцю не хочу... Обрыдло мени все! и нимка, и кныжкы!.. А ты ще допытуешся... Що я тоби скажу?

Дарка сыдила ни въ сихъ, ни въ тыхъ и не знала, якъ одминыты розмову Кынувшысь у траву, Юзя ненарокомъ покрыла Дарчыни ногы своею шырокою спиднычкою. Дарка взяла въ руку фалдочку тіеи «марынарськои» спиднычкы, сынёи зъ билымы стяжечкамы, и промовыла, ніяково всмихаючысь.

— То вы-те нову спиднычку вбралы? Шось бо я іи ще не бачыла... Колы то вамъ іи пошылы?

— Вчора, — кризь билу хусточку озвалась Юзя.

Вона тежъ рада була одминыты розмову и тежъ не вмила того.

— Яке жъ то хоронейке, — провадыла Дарка гладячы пальцемъ стяжечкы, — безмаль дороге? — Въ голоси Дарчыному забренила вже натуральна цикависть.

— Не знаю... ни, дешеве, по два злоты, чы що, — безъ интересу, але вже спокійнише видповила Юзя.

— Ой, моя долейко! — скрыкнула Дарка, — то то вамъ ще недороге?.. Колы то я соби на таку зароблю!?.. маты въ одно го-

ворять: заробы! Добре то имъ говорыты, колы жъ мое все йде на видробокъ.

Юзя почервонила. Вона знала, що іи прыятелька робыть имъ, панамъ, «за довгъ».

Дарка сыдила замыслена.

Юзя пождала трохы, потимъ обизвалась.

— Про що ты думаешъ, Дарко?

Дарка стрепенулась.

— Та все про той довгъ--колы то мы его видробымо?.. Эй, вже хочъ тамъ якъ, а на той рикъ и я пиду на поле. Вже жъ тоди я буду бильша. Ярына торикъ вже ходыла... Тильки щó я соби за одно лито зароблю? Така дорога спидныця, а въ мене жъ и каптана такъ само нема... Ще то чы маты дадуть справыты..

— Якъ же вона може не даты?—палко вступылась Юзя,— то жъ будуть твои власни гроши! Вона й такъ повынна тоби все справляты! Зъ якои речи вона може браты твои гроши соби? Якъ мени татко даруе срибни пьятачкы, то мамця ихъ николы не забирае, а твоя маты все соби горне!

— Та не такъ то й соби,—розсудлыво пояснила Дарка,— отъ такъ, видомо, то солы намъ тра купыты, а тутъ нема видкы, то селенця, то запалокъ, чы тамъ ще чого, а то такы й хлиба не стане, та вже й по грошахъ... Про те може бъ якось такы можна справыты спидныцю, колы жъ дорогá! По два злоты локоть, то жъ то сумá!.. А встаньте-но, панно, нехай я подывлюся на вашу спидныцю, чы рясна,—килько то на неи йде?

Юзя встала, а Дарка розпьяла на ній спиднычку, шукаючы швивъ та рахуючы пилкы.

— Якось воно такъ поризано, що я й ладу не дійду... Въ насъ не такъ шыють, якъ у панивъ,—мовыла знеохочена Дарка.

— А ты прымиряй, може й такъ добре,—и Юзя хутенько спустыла зъ себе спиднычку, зоставшысь сама у спидній билій, ще коротшій. Дали скынула й блузку, щобъ Дарка могла зовсимъ «буты панною».

Дарка тымъ часомъ розперезала крайку, скынула «хвартухъ»—билу домоткану спиднычку, переткану въ подоли черво-

ною заполоччю въ пьять рядкивъ — и зосталася въ самій сорочыни. Потимъ надила Юзине убрання, насылу насунувшы вузеньки рукавця блузкы поверхъ шырокыхъ рукавивъ, поверхъ сорочкы зъ десяткы. Юзина спидныччка ледве сягала за колина Дарци.

— Ой, яке жъ куце, та яке жъ тисне! якъ вы-те въ такому ходыте? Дывиться, геть балы [1]) выдко!—зареготалась Дарка.

Юзя тежъ дзвинко засміялась.

Раптомъ за нымы хтось голосно сплеснувъ у долони й скрыкнувъ.

— Matko cudowna!

Дивчата занимилы зъ переляку.

Пидъ найблыжчою грушею стояла клюшныця, пани Качковська, жинка панського эконома. Зморшки на іи пидстаркуватимъ облыччи якось поглыбшалы видъ гнивного здывування, и черезъ те облыччя здавалось зовсимъ старымъ и гризнымъ.

Matko cudowna!—волала вона, — панно Юзю! Якъ же панянка може позволяты, щобъ отакый кучкуданъ напынавъ на себе сукенку зъ паненкы? Та жъ то паненка може Богъ зна чого набратыся! Потóму ликарь буде паненку видъ коросты хоруваты! Фе, встыдъ! А хто жъ таке выдавъ?.. Ну, а ты чого стоишъ, якъ пень?—звернулась вона до Даркы, зминывшы проныкльыво-докирлывый тонъ на грубо-лютый,—скыдай-но панськи сукни та беры свою радюгу!—Дарка похоплыво стала роздягатысь, але Качковська не вгамувалась.

— Що то ты соби думаешъ? Чы то твое дило въ машкарады бавытысь? Я іи клычу, я іи шукаю, а вона .. Дывысь ты на неи! Нехай-но я матери скажу, вона зъ тебе панськи игращкы прутомъ выбье!

— Мартоха не буде Даркы быты, мамця не позволяе,— оступылась Юзя.

Пани Качковська затыснула губы, потимъ зновъ озвалась тонкымъ, проныклывымъ голосомъ.

— Прошу панну Юзю, нехай паненка не псуе Даркы, бо то хлопській дивци на добро не выйде. А паненка липше нехай

---

[1]) Ногы, лыткы.

о тимъ погадае, що то ще панна Тереза паненци скаже. Панна Тереза вже видъ годыны шукае паненкы до лекціи музыкы.

На спогадъ про Frl. Терезу Юзя метнулась до свого вбрання, але Качковська перейняла іи.

— Jesus-Marya! Чи жъ паненка буде то писля тои-ô вбираты? Я прышлю дивку забраты сукенку до прання, нехай паненка того не зачипае.

— А якъ же я до дому пиду?—плаксыво скрыкнула Юзя.

— А о тимъ було панни Юзи ранише подуматы, — завважыла клюшпыця масненько.

— Jussa! Jussa! Aber wo sind sie doch? Du, liebe Zeit!— почувся заклопотаный голосъ панны Терезы, и за хвылыну зъявылась и вона сама

Пани Качковська, гукнувшы ще разъ на мовчазну Дарку и кынувшы проймаючый поглядъ на Юзю, подалась геть. Идучы, вона пидганяла Дарку, а та на ходи пидперизувалась и старалась не впустыты зъ рукъ кошыка зъ кревавныкомъ.

Fräulein Therese лышылась коло плакавшои Юзи. Чы мало часу мынуло, покы вона допыталась видъ панночкы, щô власне трапылось. Тымъ часомъ прыйшла дивка й забрала Юзине убрання. Frl. Therese розточылась въ довгій нотаціи про Юзину «невыхованисть» и ще не скинчыла тіеи «литаніи», якъ надійшла задыхана, зовсимъ перетурбована бабуня,—вона застала въ садку пани Качковську и вже «все знала». Стара пани, зовсимъ несподивано, напалась не на Юзю, а на Frl. Терезу.

— Якъ моглы вы,—докоряла бабуня Терези каличеною нимецыною зъ выразнымъ польськымъ акцентомъ,—якъ моглы вы такъ занедбаты дытыну? А теперъ тутъ простужуете іи! Ведить же іи до покоивъ! Вона жъ тремтыть видъ холоду!

Юзя тремтила, але не видъ холоду. Бабуня вкрыла іи своимъ велыкымъ чорнымъ шалемъ и повела до дому. Frl. Тереза, похнюпывшысь, йшла за ными позаду. Вси тры дійшлы до покоивъ мовчкы.

Ну, вже жъ и було того дня! всякого було: и слизъ, и докоривъ, и мигренивъ! На родынній ради зважено було, що Frl.

Therese зовсимъ «ни до чого»; бабуня прыгадала, що вона й одразу те казала и що взагали «тильки француженка може даты панни видповидне выховання, до того жъ Юзя вже досыть вміе по-нимецькы, а французьку вымову нимка ій навить попсувала».

Що гувернантку треба взяты иншу, на тому згожувалыся вси, але незгода була, чы нимку заразъ видправыты, чы затрыматы іи, покы нагодытся француженка. На село француженкы не дуже то охочи выйиздыты, и може статысь, що Юзя килька тыжнивъ, чы навить скилька мисяцивъ буде сама,—бо мамця «завше хора», а бабуня стара, и наглядаты за Юзею нема кому,—а се вже жъ цилкомъ не выпадае, бо дивчынка «зъ капрысивъ» може ще бильше прывернутысь до тіеи Даркы и всякыхъ подибныхъ, — мовляла Качковська,—«кучкуданивъ». Зновъ же буты ій зъ нимкою писля того, якъ нимчынъ авторитетъ захытаный въ іи очахъ, тежъ не годылось, зъ погляду педагогычного.

Трудне пытання помогла ришыты такы пани Качковська. Увечери, здаючы справу зъ денного господарства старій пани, клюшныця обережно запытала, чы не мають пани що «do dyspozycyi», бо, здается, панна Тереза щось казала, нибы мае выйизжаты, то може годылось бы що ій на дорогу спекты. Стара пани не могла втрыматысь, щобъ не розповисты «коханій Качкоси» («можна, зрештою, маты довирья до такои поштывои кобиты») усихъ родынныхъ клопотивъ въ тій справи.

Качковська несмило, спустывшы очи и пидвившы бровы, заговорыла.

— Якъ бы такъ пани позволылы, то я могла бъ тымчасово знайты видповидне товарыство для паненкы... ну, натурально, не зовсимъ видповидне, але хочъ jako-tako... Бо то, прошу пани, я маю въ сели Красыловци—тры мыли видсы, тильки тры мыли— молоденьку небогу, сыритку по небижчыцци сестри. То та небога мешкае пры мачуси и пры витчымови,—чы якъ то казаты?-- отъ, прошу пани такъ: вмерла іи мама, а батько оженывся тай самъ потому вмеръ, тай мачуха за другого виддалася. Тай ото мачуха якось тамъ нибы зъ ласкы трымае ту бидну сыроту. То добра ласка, моя пани ласкава... opieka oczy wypieka... кождый

бы таку ласку показавъ, якъ дивчына задурно и шые, й гафтуе... Кобы пани бачылы ту роботу!.. Biedactwo!

— Чы вона жъ мае якусь едукацію, та ваша небога?— недбало спытала пани.

— Акъ же, моя пани ласкава, а якъ же! За жыття родычивъ дивчына зазнала липшыхъ часивъ, бо то покійный татко іи бувъ управытелемъ у пана графа въ Красыловци — пани мають знаты того графа. То Зоня...

— Вона звется Зоня?—перебыла пани.

— А такъ, прошу пани, Зоня, Зофія... Ну, то вона, можна сказаты, зросла пры молодій графянци и мае досконале выховання, а якъ для простои шляхцянкы, то навить niepospolite. Якось то не выпадае выхваляты своихъ, але то жъ такы можна сказаты, що Зоня була бъ видповиднишою товарышкою для пани Юзи, нижъ якась Дарка.

— А скильки ій литъ?—зновъ перебыла пани.

Качковська трохы подумала.

— Отъ може вже йе зъ шиснадцять...

— Трохы за-молода,—сказала пани.

— Але жъ, прошу ласкавои пани, що то шкодыть? Може то ще й липше: панни Юзи трынадцятый рикъ, а въ такимъ вици трудно жыты все межы старшымы особамы, то панянка зъ нудивъ и водытця зъ такымы Даркамы. Запевне, зъ нудивъ, бо панна Юзя dziecko послушне и шляхетне,—де жъ бы вона вдавалася въ таке, якъ бы мала коло себе липшу и навить веселишу товарышку видповидного выховання? Зоня весела и розмовна дивчына, се-бъ то, була такою за жыття родычивъ... biedactwo!..

На остатнимъ слови пани Качковська пиднесла кинчыкъ хвартушка до очей, а стара пани промовыла, поклавшы руку ій на плече:

— Ależ, kochana Kaczkosiu, Pan Bóg nigdy nie zapomina o sierotach. Качкося може йты спаты, я сама поговорю про те зъ своимы.

Качковська пишла спаты, зовсимъ заспокоена про долю своеи небогы.

Другого дня рано Fräulein Therese, заплакана, складала свои пакункы. Бидна нимка плакала и зъ жалю та сорому за таку видправу видъ панивъ и такы передъ розлукою зъ Юзею. Добродушна стара дивчына мала те несчастя, що завжды щыро прыхылялась до своихъ выхованокъ, а та прыхыльнисть була здебильшого безъ видповиди. Юзя зъ гречности мала поважный выразъ въ той день (тай тямыла неначе якусь вину за собою проты ни въ чымъ неповынной нимкы, що сталась «козломъ видпусту» на цей разъ). Але навить зъ гречности Юзя не могла плакаты за гувернанткою.

Дарка жъ навить не вважала за потрибне крыты своеи втихы зъ того видъизду «холерного нимчыська». Колы брычка зъ панною Терезою проижжала селомъ позъ Мартошыну хату, Дарка выбигла вкупи зъ меншымы сестрамы й братомъ за ворота и протанцювала щось подибне до танцю дыкыхъ, прыспивуючы:

Ой ты, бабо, ой ты, стара видьмо,
Запрягаймо, йидьмо,
За граныцю по пшаныцю,
А покы ще выдно!

Дарка радила, що теперъ уже безъ нимчыного дозору зновъ почнутся таемни стривання у вильхахъ (хочъ у недилю, колы въ буденъ николы!), а може навить у Ривкы на гойдашци, въ порожній жыдивській шопи... Але ба! Та сама брычка, що вполудня одвозыла заплакану стару нимку до зализныци, прывезла у вечери скромно-усмихнену молоденьку панну Зоню зъ Красыловкы.

Дарка спала и не бачыла того въизду.

IV.

Панна Зоня хутко знайшла дорóгу до Юзиного серця, дорогу, що була на-глухо замкнена для Fräulein Therese. Все спрыяло тому. Першъ усéго, Зоня не звалася знепавыженнымъ словомъ »гувернантка», вона отрымала скромный титулъ «панн гардеробянои», хоча коло гардеробы ій, властыве, мало було роботы,—пани не любыла туалетивъ домашнёго выробу. Зоня була не вчытелькою, а старшою литамы и меншою становыщемъ товарышкою, пры тому товарышуванння зъ нею було дозволене и навить бажане родычамъ Юзинымъ, але не прымушене. Юзи не казалы, що Зоня прыихала вмысне для неи, бо й сама Зоня не мала того знаты, щобъ «не заносылась» дуже, хоча спрытна Зоня хутко про те догадалась. Для Юзи було новымъ маты таку товарышку, зъ якою не треба було по куткахъ ховатысь, щобъ—бороны Боже—нихто не побачывъ. Зоня була «така добра», вона не гордувала увиходыты у вси ще напивъ-дытячи интересы Юзины, хочъ сама вже мала «секреты» 16-литнёи панны. Зоня знала стильки веселыхъ, дотепныхъ краковякивъ, умила такъ гарно танцюваты—и Юзю навчыла, служачы ій «за кавалера». Зъ іи прыйиздомъ якось повеселила хата, мамуся стала ридше плакаты, дидунё прыгадавъ гречности своихъ молодощивъ, а бабуня часомъ доводыла свою ласку до того, що грала для панночокъ старосвитськыхъ «вальчыкивъ» до танцю. Писля кожного «вальчыка» Зоня такъ зграбно пидлитала до бабуни, щобъ поцилуваты іи въ плече, що навить ця стара ворнотлыва пани зволяла называты молоду дивчыну «motylkiem» и «przepióreczką». Зима, завжды така тяжка для хоровытои Юзи, здалась далеко лехчою того року, и весна немовъ скорише наступыла, нижъ звычайне.

Юзя ожыла тои весны. Навить пропасныця мучыла іи менше. Може це було тымъ, що Юзя не пересыжувала теперъ по вохкыхъ, захованыхъ куткахъ, якъ то робыла раниш для Даркы, а то такы й весна выдалась добра, не мокра, немовъ не полиська. Май бувъ ясный, сухый на прочудъ. Зоня и Юзя цилымы ранкамы то ходылы по лукахъ, шукаючы незабудокъ, то по лисахъ,

зрываючы конваліи, то пустошылы рожеви й жасмынови кущыкы въ садку,—все те йшло на покрасы до «маёвого набоженьства».

Въ Юзиньимъ покоику спала теперъ и Зоня, «тымъ часомъ», покы мала прыйихаты все ще незнайдена французка-гувернантка. Охъ, Юзя такъ ревне молылась, щобъ та гувернантка якъ-найдовше не знаходылась. На ту «интенцію» вона прочытувала довги литаніи та антыфоны (такъ ій порадыла Зоня), стоячы на колинахъ передъ олтарыкомъ, що воны обыдви врядылы въ своій хати. Николы до сеи весны олтарыкъ не бувъ такъ гарно и рясно вбраный и николы Юзя не молылась такъ щыро. Доси вона молылась бильше зъ обовьязку, іи думка пры тому мовчала, іи серце спало, а теперъ мовъ якась таемныча брама въ рай одчынылась передъ нею и кризь квиты передъ образомъ Матери Божои ій марылося щось блакитно-срибне, немовъ хвыли чогось мистычного, небесного, осяяни проминнямъ незбагнутои Зиркы Моря, Матери-Дивы Маріи. Вона забувала навить про свою «интенцію» и промовляла палки, мовъ серенада, слова литаніи зъ захватомъ, мовъ у нестями, — воны пьяныли іи.

«Матиръ святая, молыся за намы!.. Диво пречыста, молыся за намы!.. Роже духовна, молыся за намы!.. Зоре поранния, молыся за намы!..»

Зоня стояла поручъ, мовъ билый ангелъ, и тыхымъ, нижнымъ голосомъ подавала слова литаніи: Kyrie eleison! Christe eleison!.. таемнычи слова, непаче зъ ангельськои мовы... Часомъ Юзя не вытрымувала, кыдалась въ обійма до Зони и залывалася слизьмы.

— Панно Юзечко, люба, солóдка, чого? — пытала Зоня, прыгортаючы іи.

— Не знаю... мени такъ добре... такъ добре...

— То прошу не плакаты! Мойій дорогій панни Юзечци недобре плакаты, кохана панна Юзечка мусыть уважаты на себе.

— Чому?

— Тому, що панну Юзечку вси такъ люблять, вси жалують, и що жъ почне бидна Зоня, колы панна Юзечка, моя найдорожча, буде хвора?

Тымы нижнымы, солодкымы словамы Зоня могла все зробыты зъ Юзею, що хтила. Зоня не плакала, якъ мама, не «гдырала», якъ бабуня, не «злостылась», якъ Дарка. И Юзя почала зражуваты въ души свою Дарку для Зони, але разомъ зъ тымъ ій мулыло серце якесь невыразне почуття... Юзи часто прыгадувалась іи остатня лялька въ той день, колы Юзя зважыла вже не гратысь въ ляльки, бо въ дванадцять литъ—то вже «соромъ». Юзя одягла ляльку въ найкращу сукню, зибрала всю іи «выправу» и видчынила велыку скрыню въ мамыній кимнати, щобъ покласты ляльку туды на саме дно. Лялька тымъ часомъ сыдила на велыкій канапи, сама така маленька, зъ безпомично розставленнымы рукамы, зъ шыроко розкрытымы невынпымы блакитнымы очыма; волосся ій якось незугарно загорнулось надъ головою вгору, выпростани нижкы въ дытячыхъ плетеныхъ черевычкахъ выставылысь безпорадно зпидъ сукенкы; здавалося, що ляльци холодно и невыгидно, що вона така бидна и зайва, и тямыть це .. Юзя тоди выйшла зъ хаты зъ слизьмы на очахъ и попросыла Зоню споваты ляльку, а сама навить въ ту хату довго-довго не навертилась. И теперъ завжды, якъ тилько вона згадувала про ляльку, (а це бувало часто), вона чогось мусыла згадуваты про Дарку, неразъ навить плакала пры тому — чы за лялькою, чы за Даркою, вона якось сама не могла соби здаты справы въ тому...

Надходыло свято Божого Тила, врочысте свято маёвого зилля й квитокъ. Служныци чепурылы покои, поденныци билылы будынокъ знадвору, мижъ нымы й Дарка зъ матирью й зъ Ярыною, а Зоня зъ Юзею ходылы по зильныку и рвалы квиты для несчысленныхъ кытыць та виночкивъ, що панночкы малы повьязаты на завтра до косцёла.

— Боже, Боже, панно Юзечко! — бидкалась Зоня, розставывшы хвартушокъ повный зилля и квитивъ,—у насъ тилько одынадцять гатункивъ квитокъ, а треба що-найменше дванадцять, що найменше! И то конечне, инакше не годытся на Boże Ciało!

— Чому не годытся? — здывувалась Юзя. Выхована на самоти, безъ дивчатъ-католычокъ, вона багато чого зъ дрибныць паненського маёвого культу довидувалась тилько теперъ видъ Зони.

— Ну, бо дванадцять було апостоливъ! — пояснила Зоня.

— А, правда...

— И що найгирше, панно Юзечко, у насъ росхидныку нема! а то дуже добре для коривъ, якъ потому будуть ихъ колы виночкамы пидкурюваты, видъ росхидныку дуже прыбувае молоко. Панна Юзечка того не знае? Тажъ то ричъ видома!

Пры слови «росхидныкъ» Юзя стынулась и почервонила, потимъ нагнулась нызенько до кущыка стокротокъ и прожебонила:

— То ёго багато йе... росхидныку... десь за потеребомъ, тилько я не знаю, де... Дарка знае, — вырвалось у Юзи, и вона ще гиршъ почервонила.

— Яка Дарка?

— Онъ ота, що тамъ билыть, найменша, коло тои, що въ червоній спидныци.

— Чому вона мае знаты, де росхидныкъ?

— Напевне знае, у неи въ хати завжды висыть винокъ зъ росхидныку пидъ образамы.

— А панна Юзечка видкы знае, що въ якій хлопській хати висыть? — засміялась Зоня.

— Я... часомъ ходыла... зъ мамою... воны вбоги...

У Юзи ажъ плямы пишлы по лыци, а коло серця зновъ щось замулыло боляче. Зоня не завважала того змишання, думаючы, що Юзя просто задыхалась видъ нахыляння та видъ спекы.

— То нехай бы та Дарка пишла по росхидныкъ, або намъ показала де винъ росте, — промовыла Зоня спокійно.

— Прошу сказаты пани Качковській щобъ іи пустыла, — сказала Юзя, и въ серци ій щось ажъ закололо мовъ дрибненькымы голочкамы.

— Лишше бы панна Юзечка сама сказала.

— Ни... вона мене не послухае... прошу сказаты видъ себе, тилько видъ себе... такъ лишше буде.

Зоня злегка здвыгнула плечыма, про те пишла до своеи титкы пани Качковськои и заразъ же достала дозвилъ «взяты»

Дарку, щобъ показала, де росте росхидныкъ. Зоня сама й до Даркы пишла.

— Ты, слухай-но! Ходы, покажешъ мени и панни, де йе росхидныкъ.

— Я не маю часу! — понуро видповила Дарка, кынувшы скоса на Зоню темносирымы очыма зпидъ билыхъ одъ вапны бривъ.

— Цёця дозволыла.

— Яка то цёця? — такъ само понуро спытала Дарка.

— Ну, моя цёця, пани Качковська!

— Ага, клюшныця...

Дарка замахала квачемъ по стини, не оглядаючысь на Зоню.

— Щожъ, пидешъ ты, чы ни? — крыкнула Зоня, — та по малу ты зъ тымъ квачемъ! Ось, на мене ляпнуло!

— Та йды, Дарко! — сказала Ярына.

— Та видомо, йды, колы клычуть, — додала й маты зъ тривожнымъ поспихомъ, торкнувшы Дарку локтемъ.

Дарка оглянулась. За нею, трохы виддаликъ, стояла Юзя и такъ жалибно-тужно дывылась...

Дарка поклала квача коло видра, втерла облыччя рукавомъ, обсмыкнула пидтыкану хвартушыну и подалась до фиртки, мовывшы черезъ плече Зони: то ходить!

Юзя перейняла ихъ коло хвиртки и пишла порядъ зъ Даркою, несмило-нижно поглядаючы на неи, але мовчкы.

— Та не бижите такъ, — спыныла ихъ Зоня, якъ воны вже булы коло «офицыны», «на тимъ двори», коло панськихъ оборъ, — почекайте, я забула парасольку, на тимъ пастовни засмалышся, якъ цыганка.

— Якъ вы-те будете по парасолькы заходыты, то я йду мазаты, я не маю часу довго ходыты, бо ще мени клюшныця впосля выверне пивзлитку, скаже — не цилый день робыла.

Пры слови «клюшныця» Зоня злисно стыснула губы, а Юзя почервонила и швыденько заговорыла:

— Ни, ни, пани Качковська того не зробыть, вона жъ дозволыла, вона жъ...

— Добре вамъ говорыты!.. Я йду на пастовень, а хто якъ хоче, про мене!

И Дарка ришучо поступыла напередъ. Зоня було видстала и надулась, але Юзя щось зашепотила ій на вухо и такъ заметушылась, що Зоня змылувалась и пишла за Даркою, закрываючысь, якъ могла, хустынкою и шырокымъ рукавомъ блузкы.

На самому соняшному мисци пастовня яснивъ блидымъ золотомъ островокъ дрибного, нызенького, немовъ воскового, росхиднyку, середъ моря барвыстого маёвого морижку.

— Генде-о! — показала Дарка на той островокъ, и вси тры почалы рваты рясни зирчасти квиточкы.

Але Зоня хутко видстала, сказавшы, що вона не може знесты цеи «шаленои спекы», одійшла соби на протеребъ [1]) и лягла тамъ у холодку пидъ кущыкомъ.

Юзя провела іи поглядомъ. Потимъ тыхо, трохы тремтячымъ голосомъ обизвалась до Даркы.

— Що ты теперъ робышъ, Дарко?

— Бачыте, росхиднyкъ збираю.

— Ни, не теперъ... а завше?

— А завше, якъ завше: ходжу на роботу, вдома все роблю, быдло гоню.

Дарка говорыла не дуже-то прывитно, але все жъ не такъ понуро та жорстко, якъ недавно до Зони, скорише смутно. Іи очи розшырылысь и нерухомо дывылысь на дрибненьку квиточку зъ росхиднyку, що тремтила въ іи руци.

— А Прыськы хто глядыть?

— Прыська велыка, на шо іи глядиты? Та же Гапка менча е.

— А Гапкы хто глядыть?

— А наша Улянка! Вже жъ Улянка безмаль шисть литъ мае тепера, — чы жъ не догляне?

— А ты... а... а зъ кымъ ты теперъ бавышся?

Дарка перевела очи зъ квиткы на Юзю.

---

[1]) Порубъ, мисце, де бувъ лисъ.

— Або мене йе часъ бавытыся? Хиба я мала́?

— А тоди жъ бавылася?

— Тоди!.. Тай тоди, я́къ я тамъ бавылася? Пры гусяхъ та пры дитяхъ — то-то вже грання! Ну, та ще тоди можна було якось хочъ у свято, або втикачемъ.

— А теперъ? Хиба й у свято неможна?

— Ни.

— А що жъ ты робышъ у свято?

— Що? По ягоды ходжу, по щавель, а що́ зберу, несу продаваты. А то ще й зъ быдломъ маты посылають, бо Иванъ все бильше пры коняхъ, на ночлигъ издыть, а Ярына въ свято на музыкы йде.

— А ты на музыкы не ходышъ?

— Мало колы.

— Чому?

— А хто жъ буде быдло гоныты?

— Чому жъ Ярына не чергуется зъ тобою въ свято? — наставала Юзя, по давнёму пронюкаючысь интересамы своеи прыятелькы.

— Маты кажуть, що Ярына вже дивка, то ій впадае йты на музыкы, а я ще мала́.

— Ты жъ тилько-що казала, що не мала́?

— То якъ до чого! — Дарка всмихнулась уперше за всю розмову и то смутно. Але Юзю та усмишка все жъ пидбадёрыла.

— Слухай, Дарко, чы ты жъ соби справыла таку спидныцю, якъ то була въ мене, памьятаешъ?

— Эй, де тамъ! Маты зъ дымкы пошылы—тай вже.

— А ты, Дарко, знаешъ, що? Ты отъ увечери прыйды, такъ колы небудь, ну, може й сёгодня, то я тоби ту спидныцю дамъ, мамця позволыть. Спидныця ще добра, але я зъ неи выросла. А, правда!.. то жъ и ты выросла...

Юзя якось засоромылась. Але въ Даркы щокы спалахнулы й очи загралы и вже не здавалысь темнымы.

— То ничого, панно! Я надточу коло комира, въ насъ такъ роблять, зъ-пидъ каптана невыдко! То колы́, кажете, прыйты?

— Увечери, якъ доитымуть коривъ. Я тоди буду вчытыся въ своiй хати... сама... ты прыйды пидъ викно.

— Може нехай бы лише маты пошлы?

— Ни, ни, Дарко, ты прыйды, ты сама, сама! Прыйдешъ?— Юзя нышкомъ сипнула Дарку за рукавъ и заглянула iй въ-вичи.

Дарка всмихнулась, не такъ, якъ першый разъ, а немовъ розцвила, ажъ Юзи прыгадалысь найвеселиши хвылыны зъ йихъ колышнихъ таемныхъ забавъ: жыдивська гойдалка... совганя по сини...

— Добре, прыйду! — и Дарка весело, зважлыво кывнула головою двичи.

— Ой, чы хутко вы тамъ? Тутъ комари зайидають! — протягла немовъ заспанымъ голосомъ Зоня, линыво встала зпидъ куща и, звильна переступаючы, подалась до ихъ.

— Та вже, вже досыть! — спишно гукнула iй Юзя и побигла на зустричъ. Дарка пишла повильнише.

Дорогою до дому вси тры йшлы поручъ, Юзя по середыни. Дарка несла въ хвартушку росхиднькъ. Сонце прыпикало, дивчата розимлилы, якось не говорылося. Якъ прыйшлы до будынку, Юзя казала несты росхиднькъ до iи покою, де було складене й все инше зилля на Юзиному столыку поверхъ кныжокъ та зшыткивъ.

Юзя сила пысаты на довгастыхъ папирцяхъ слова́: A słowo stało się Ciałem i witało między nami.

Зоня сила тамъ же пры столи, закладала ти папирци вузенькымы смужечкамы, звязувала въ каблу́чкы й брала ихъ за основу для маленькыхъ виночкивъ, вплитаючы въ кождый виночокъ по килька стебелъ зъ кождого розбору зилля й квитокъ. Виночкы выходылы въ неи дуже зграбненьки та малесеньки, мовъ для королевы эльфивъ. Дарка, поклавшы росхиднькъ на стилъ, не пишла зъ кимнаты, а стала за стильцемъ у Юзи й задывылась на роботу панночокъ, на Юзину зъ цикавистю, на Зонину зъ похмурою заздристю.

Згодомъ Зоня выйшла до сальону, щобъ ущыпнуты килька гыльочокъ мирту й розмарыну на найменьшый зеленый виночокъ, що мавъ прыкрасыты завтра найсвятишу святыню «монстранцію»

зъ Св. Дарамы. Ледве прычынылысь за нею двери, Дарка пошепкы обизвалась до Юзи:

— А дайте-но, панно, й мени того папирка, нехай-но я зроблю одрого виночка.

Юзя дала ій папирця, глянувшы перше на двери. Дарка почала ёго закладаты, незручно, мнучы й каляючы пальцямы, замазанымы въ вапну та зеленыну. Нарешти, папирець порвався, але Дарка не посмила просыты другого и почала выты виночка на зелыни, замотуючы на ній квиткы й зилля просто стебламы, безъ нытокъ. Винокъ выходывъ велыкый, пелехатый, але Дарка хапалась выты скорише и ни на що не вважала.

Зоня увійшла въ кимнату, спиваючы побожный гимнъ «Do Serca Jezusa» (ій хотилося взагали спиваты, та напроты такого свята не годылося спиваты іи звычайныхъ веселыхъ писенёкъ), але, глянувшы на Дарку зъ винкомъ у рукахъ, урвала спивъ и залылася смихомъ.

— Ой, панно Юзечко, прошу подывытыся, що вона злипыла! Якесь чепирадло!.. На що ты переводышъ зилля? хто тоби позволывъ? — звернулась вона до Даркы вже безъ смиху.

— Та ничого... нехай... — нрожебонила Юзя и, почервонившы до болю, схылылась, немовъ пышучы.

— Чы то панна Юзечка дозволыла ій?

Юзя промовчала. За те Дарка обизвалась.

— А шо тамъ дозволяты? Або то мало того зела́ на городи? Чы жъ я не збирала росхидныку такъ, якъ и вы? щей бильше!

— Ну, ну, мовчы-но, ты! Роздерла губу видъ уха до уха! То казала: «не маю часу», а теперъ стала соби тай стоить, а робота нехай почекае! Я цёци поскаржуся!

— Не вельмы я боюся вашои цёци! — одризала Дарка, про те кынула недоплетеного винка на стилъ и выбигла геть.

— На що було такъ?.. Нехай бы соби... — несмилыво прожебонила Юзя.

— Ай, я не зношу такыхъ грубіянокъ! — палко заговорыла Зоня, — тай по що ій туть буты? Якъ бы ще яка порядна чыстенька дивочка, а то — зъ курнои хаты!

— Видкы Зоня знае, зъ якои вона хаты?

— Але жъ прошу! Та жъ видъ неи за мылю чуты стухлымъ дымомъ! Фе, ажъ доси чую. — Зоня помахала хусточкою въ себе передъ носомъ, дали видчынила настежы викно и выкынула въ нёго Дарчынъ винокъ. Дарка те бачыла, бо власне билыла стинку блызько викна.

Юзя сыдила, одкынувшысь на стильци, склавшы рукы на колинахъ, и нерухомо дывылась въ викно.

— Панна Юзечка вже вси папирци надпысала?

— Вси.

Короткый и прыглушеный тонъ того «вси» стревожывъ Зоню: вона ще не чула такои нотки видъ Юзи.

— Чому жъ панна Юзечка не плете виночкивъ? — запытала Зоня, немовъ запобигаючы ласкы.

— Такъ.

— Але жъ прошу сказаты, чому?

— Бо Зони не сподобается, и Зоня выкыне за викно, — у Юзи вже тремтилы губы, и голосъ ледве прорывався, такъ що той ущыплывый тонъ, якымъ вона хотила це промовыты, зовсимъ не вдався, а выйшло жалибно, плаксыво, зовсимъ по дытячому.

— Панна Юзечка гнивается на мене?

Юзя вже не мала голосу видповисты.

Зоня заглянула ій въ лыце, Юзя спустыла тремтячи віи.

— Панна Юзечка гнивается на мене, на свою Зоню? и за що жъ? За тую хлопку? Хиба жъ то неправда, що зъ курнои хаты вси речи дымомъ видгонять? Чы жъ я вынна, що я не зношу дыму? И що жъ я тій дивчыни зробыла? Що не дуже гречно заговорыла? Та жъ вона преци не грабянка!

Юзя такы здобулася на голосъ.

— Fräulein Therese казала, що треба буты гречною до всихъ, навить до челяди. Вона казала, що такъ поводятся вси аристократкы. Хиба жъ ни? Зоня повынна те найлипше знаты, бо Зоня выховувалася зъ грабянкою.

Зоня злехка почервонила, але ще завзятише заговорыла.

— Нихто не може буты гречный до грубіянокъ. Чы панна Юзя вважае, що кожна хлопка мае право мени якъ хоче говорыты, а я ій повынна гречненько кланятысь за те?

— Але жъ Дарка Зони перша не зачипала, — тыхенько и немовъ не Дарку, а себе выправдуючы сказала Юзя.

— Було послухаты, якъ вона говорыла зо мною ще зъ початку! Я іи клыкала, якъ добру, а вона мене мало не зйила! И передъ всима хлопкамы, ажъ мени встыдъ було!.. А панна Юзечка забула, якъ те опрыскливе дивчысько вызвирылось, колы я хтила пійты по парасольку?.. Та що маю говорыты? Панни Юзечци то все одно. Нехай бидну Зоню хто хоче ображае, панна Юзечка ще й гниваетця, що вбога сырота Зоня не вміе буты гречною, якъ грабянка. А якъ же було Зони браты прыкладъ зъ грабянкы? Передъ грабянкою вси на пальцяхъ ходылы, а Зоньку годувалы штурханцямы по куткахъ, бо за неи нихто не вставывся бъ. Зонька мусыть все одъ всихъ прыйматы, на те вона бидна...

— И Дарка жъ бидна, Зонечко, — благальнымъ голосомъ промовыла Юзя.

— Чымъ вона бидна? Мае хату, до роботы звыкла, мае батька-матирь, мае завжди, де прытулытысь. А я? Все на ласкавимъ хлиби, все пидъ опикою, все по чужыхъ куткахъ, никому не потрибна, сама одна на цилимъ свити, нихто мене не любыть... На що мени жыты?.. Охъ Боже, якъ бы я хотила вмерты!.. Боже, Боже!..

Зоня вже плакала справжнимы слёзамы.

— Зоню, Зонечко! — кынулась до неи Юзя, и якъ можна такъ казаты? А я жъ? Я жъ люблю Зоню, якъ ридну, якъ сестру! Зоня жъ моя едына, едына прыятелька! хиба жъ Зоня вже не вирыть? Зоню! Зоню! — Юзинъ голосъ бренивъ роспачлыво, вона стала на колина и обняла Зоню за станъ. Зоня прыпала облыччямъ до волосся Юзи.

— Я вирю... тилько... мени жаль... такъ жаль... бо панна Юзечка гниваетця...

— Ни, ни! Я не гниваюся, не гниваюся! Я прошу Зоню не гниватысь на мене! — Юзя въ порыви каяття и любови взяла Зонину руку и прытулыла соби до устъ.

— Панно Юзечко! але жъ... — и Зоня стыснула въ обіймахъ Юзю, а та ревнė розплакалася, сылкуючысь поцилуваты Зоню.

Раптомъ стукнуло викно. То Дарка наблыжылась пидбилюваты коло лутокъ. Кризь прычынену шыбку глянуло іи облыччя, поцятковане вапною, биле, ажъ страшне, якъ маска.

— Чого ты? Що тоби? — озвалыся вразъ обыдви панночкы зляканo.

Дарка ничого не видповила, тилько такъ шпарко-завзято замахала квачемъ, що й шыбка хутко забилила незгиршъ видъ іи облыччя.

Панночкы зибралы зилля и пишлы довываты виночкивъ на веранду. Потимъ воны довго ходылы по садку, ажъ покы стемнило, бо мама дозволыла Юзи не вчыты завданкивъ проты свята. Зоня росповидала ризни смутни прыгоды зъ своихъ дытячыхъ литъ, Юзя до слизъ проймалася пымы, стыскала Зони рукы, прысягалася, що любытыме іи «завжди, завжди, до самои смерти», а въ кинци взяла слово, що Зоня казатыме на неи просто «ты» и «Юзю» або «Юзечко», тилько вже безъ «панны». Зоня довго видмагалася, потимъ згодылася такъ говорыты, тилько на самоти, бо инакше старши гнивалысь бы на неи.

Тее «ты» було першымъ спильнымъ «секретомъ» межы пымы. Сыдячы за вечерею, воны обминювалысь таемпычо-радиснымы поглядамы, а потимъ, якъ булы вже сами въ своій кимнати, Зоня сказала Юзи:

— Визьмы, Юзечко, кпыжку. Ты будешъ молытыся, а я повторятыму.

Юзя поцилувала іи довгымъ-довгымъ поцилункомъ, и того вечора душа Юзина була въ раю, тамъ де «лилія чыстости» и «джерело святости» вабылы іи до себе Зониныъ голосомъ: Kyrie eleison! Chryste eleison!..

Лежачы въ лижку, вже отъ-отъ засыпаючы, Юзя раптомъ здригнулась. Охъ, то жъ певне Дарка прыходыла по спидныцю и дарма простояла пидъ викномъ, хто зна, якъ довго!

Юзя даремне турбувалась, — Дарка по спидныцю не прыходыла.

V.

Видколы Зоня зъ Юзею перейшлы на «ты», въ йихъ прыязни непомитно, але хутко сталася змина и, хочъ Юзя не смила навить сама передъ собою скаржытысь на ту змину, але душу іи мулыло вже не одно, а два почуття, однаково тяжки, хочъ зновъ такы однаково невыразни, неокреслени словамы. Теперъ Юзи часто спадало на думку, що Зоня такы не забуває николы, що вона «велыка», и тильки «зъ ласкы» товарышуе зъ «малою» Юзею. Ну, не дуже малою, бо Юзи вже пьятнадцятый рикъ пишовъ, а вже жъ вона ще въ короткій сукни ходыть и «не знае» багато такого, про що, каже Зоня, вси доросли панны знають. А що жъ то за прыязнь, колы одно щось знае, а другому не каже? Але жъ хиба Зоня не прысягалась, що вона не мае блыжчои, дорожчои прыятелькы надъ Юзю? Ще недавно прысягалась памьятею своеи небижкы-мамы. «То може недавно такъ и було,—думалось Юзи,—а сёгодня може воно вже й не такъ?» Юзи треба було що-дня, що-годыны доказивъ прыязни видъ Зони. Юзина прыязнь була неспокійна, забаглыва. Вже зныкло те почуття тыхого видпочынку, що було въ першу зиму по прыизди Зони. Юзя не любыть, що до Зони стала ходыты фершалова сестра панна Октуся, Зонина ровесныця, чорнява, повновыда, зъ такымъ «протывнымъ» блыскучымъ, мосткымъ волоссямъ и зъ «коровьячымы» очыма. Зоня сама ридко ходыть до Октуси, бо Юзя коженъ разъ плаче видъ того. Ахъ, на що було Юзи показуваты передъ Зонею ти слёзы! Теперъ нема потихы, якъ Зоня й не ходыть до новои товарышкы, бо якъ бы жъ то вона *«сама»* не хотила, а такъ, зъ прымусу—що то варте? Може жъ вона сама й хоче, тильки не сміе, або «щадыть» Юзю? И Юзя неможлыво обрыдала Зони то

домаганнямъ «правды», то каяттямъ за свои «kaprysy i grymasy», то благаннямъ, щобъ Зоня іи «хочъ трошкы-трошечкы любыла». Зоня збувала іи смихомъ, але одвернувшысь, кусала губы зъ досады и ждала Октуси «jak zbawienia».

Юзя здебильшого выходыла зъ хаты, колы зъявлялась Октуся, але довго не вытрымувала осторонь и зновъ наверталась. Кожный разъ ій здавалось, немовъ панны укрывають або зминяють розмову, якъ вона увійде, але впевнытысь у тому вона сама не могла, а Зоня казала... Охъ, Юзя не мала певности въ тому, що Зоня казала, такы не мала, хочъ и картала себе за те, хочъ и щоночи (колы Зоня спала) лежала крыжемъ на голій пидлози на ту «интенцію», щобъ Богъ ій давъ певнисть и щыре довирья до прыятелькы. Юзя зновъ набула соби пропасныцю тымъ лежаннямъ, а певности й довирья такы не було.

И Юзя не выдержала: пидійшла одного разу пидъ дверы й пидслухала, отъ такъ такы просто, «простацько» пидслухала, «якъ покоивка»,—корыла вона себе въ думци. Кризь шумъ своеи стурбованои крови въ вухахъ вона почула прыглушеный грубенькый смихъ Октусинъ, дали Зонинъ поклыкъ:—«Панъ Феликсъ? Ахъ, чы жъ то може буты?! Ха-ха-ха! Ото добре маты такого брата!.. То якъ, якъ?» Октуся щось въ пивъ-голоса проказала, потимъ воны обыдви заспивалы на голосъ краковяка такый діалогъ нибы мижъ «паненкою» и іи «кавалеромъ», що въ Юзи серце типнулось и замерло. Брудни натякы въ писни ставалы все выразнишымы, а въ Юзи очи все ширшалы, ширшалы, немовъ до неи наблыжалося щось несподиване й страшне, а вона не мала сылы одвернуты очей видъ нёго.

Дивчата скинчылы писню и зновъ заляглыся смихомъ. Юзя стрепенулась и мовъ не своею сылою влетила въ кимнату задыхана, тремтяча, мовъ видъ холоду, а разомъ зъ тымъ червона, розжеврена.

— Що вы спиваете? На що це вы спиваете? Що це? Якъ вы можете?

— А паненка якъ чула, що мы спивалы?—спытала Октуся, прыжмурывшы не то хытро, не то безсоромно кари очи.

Зоня въ першій хвылыни змишалась, а потимъ шпарко пидвела голову и глянула просто на Юзю.

— Ну, и що жъ? Спивалы! Мы жъ не зналы, що насъ може пидслухаты хто-небудь недорослый, а дорослымъ то ничого не шкодыть.

— А вже жъ,—пидхопыла Октуся,—отъ нехай-но паненка вбере довгу сукню, то прызнае намъ рацію. А зрештою до того не конечне довгои сукни треба, то якъ для кого...

Юзя дывылась на неи безпорадно. Зоня смыкнула Октусю за рукавъ и зъ прыкростю мовыла до Юзи:

— Найлипше було бъ не пидслухуваты нашыхъ секретивъ, або не зражатысь ными, а такъ одно зъ другымъ не йде!—Тутъ Зоня взяла шыття и почала гаптуваты, вже не дывлячысь на Юзю.—Октусю,—звернулась вона до товарышкы,—чы добре такъ буде отаке Z на хусточци, чы може воно за-велыке?

— Трошкы за-велыке, для панны треба менше,—скромнише якось выглядае. Якъ бы такъ ще для mężatki...

Юзя, похнюпывшысь, тыхенько выйшла зъ хаты. Панны мовъ и не помитылы того, про те Юзи здалось, якъ вона вже була за дверыма, що которась панна прыснула, втрымуючы смихъ. Юзя спынылась и замерла, прыслухаючысь, але ничого бильше не почула и подалась дали.

Юзя пройшла черезъ садокъ вузенькою протоптаною стежечкою геть до вильхъ коло тыну—на те мисце, де колысь воны зъ Даркою сходылысь на розмову,—лягла у высоку траву ныцьма, лыцемъ на долони, и лежала тыхо-тыхо. Ій неначе ніяково було дывытысь на думлыви, поважни вильхы, на малу водыцю, що бигла зъ лиса въ ставокъ, ій немовъ не хотилось зустритыся поглядомъ зъ блакитнымы очыцямы незабудокъ. Вона не плакала, тильки дрибно тремтила и почувала въ середыни якусь прыкру порожнечу, якусь омлилисть у всимъ тили. Вона хотила не думаты про те, що тильки заразъ що почула... Таки погани, таки брыдки ти слова, тая писня, те все... На що, на що було слухаты тее? Теперъ Юзя не така, якъ була, не така и николы вже не буде такою!.. Господы, липше николы не буты дорослою!..

Кризь стулени Юзыни пальци почалы протыскатыся слёзы, дуже помалу. Юзя не крывылась, не хлыпала по дытячому, якъ звычайне, вона ледве сама завважала, що плаче. Слёзы мовъ-бы не зъ очей лылысь, а зъ глыбшого якогось джерела.

— Не хочу! не хочу!—хрыпло вымовыла Юзя въ голосъ, пидвелася и, стоячы навколишкахъ, зняла рукы вгору, — Боже! Найсвятиша Диво! Я хочу все забуты!.. Диво Пречыста, зробы цее чудо!

Кризь вильхове лыстя пробывся проминь сонця, и въ Юзи раптомъ загралы золоти стрилкы въ очахъ,—то соняшне свитло переломылось у невысокыхъ крапляхъ слизъ на віяхъ... Юзи то здалося «знакомъ зъ неба», початкомъ чуда.

Заспокоена Юзя вернулась до дому, але не до Зони, а до салёну, де булы старши. Помогла бабуни набраты на дротыкы спущени вичка въ панчишци, дидунёви прочытала картокъ зъ десять дуже нудныхъ «мемуаривъ», таткови заграла мазура «На смерть Конарского», зъ мамою поговорыла по-французькы. Була така «гречна», що справди заслугувала на всяке чудо.

Але чуда все такы не сталося.

Того жъ такы вечора, лежачы въ лижку и дожыдаючы Зоню зъ гостыны видъ Октуси, Юзя все згадувала, все думала про те, що була сподивалась забуты. И мучылы іи жаль, видраза и злисть до Зони и гнитылы душу прысягы на вичну прыязнь до «бидной сыроты».

— Невже я зражу іи такъ, якъ зрадыла Дарку? — це Юзя вперше сама передъ собою зважылась назваты свою змину до Даркы зрадою,—такъ Дарци жъ я не прысягалась, ни, справди жъ, ничого не обицяла, а Зони передъ олтарыкомъ запрысяглась! Яка я недобра, яка зрадлыва!

Якъ Зоня прыйшла, Юзя зробыла ій «сцену». Юзя чула, що Зоню провадывъ до дому фершалъ, молодый панъ Феликсъ, и почала гирко докоряты Зони, що вона зражуе прыятельку для кавалера.

Напивроздягнена Зоня сила коло Юзи на постиль и зашепотила, затуляючы ій вуста рукою:

— Тыхо, тыхо! ще старши почують... Ну, Юзечко, не будь же дытыною! Хто жъ ровняе прытельку до кавалера, а кавалера до прытелькы? Бачу, що справди липше вже тоби все розсказаты, а то жъ це чыста кара Божа!

Зоня лягла коло Юзи, поклала іи голову соби на плече, обняла голымы рукамы іи худеньку постать и прыгорнула до свого теплого, повного здоровьямъ тила. И все розсказувала, розсказувала... Юзя слухала, роскрывшы въ темряви очи й уста, и ій чулося, немовъ серце іи бьется десь уже въ самому горли, ажъ дыхаты заважае...

Заснула Юзя вже ажъ тоди, якъ била грубка зовсимъ выразно выступыла зъ темного кутка, а надъ образомъ Матери Божои можно було одризныты въ випку червони квиты видъ сынихъ. Прокынулась Юзя дуже пизно, зъ важкою головою, зъ тупою нудьгою на серци. Зоня вже була вбрана и видмовляла «różaniec» передъ образомъ. Юзя мляво и недбало одяглась, одчынила викно и сила край нёго, бездумно дывлячысь у просторъ.

— Чому ты, Юзечко, не молышся зо мною? — обизвалась Зоня.

— Нехай потимъ... я ще не вмывалась, — вьяло протягла Юзя.

— Ну, то вмывайся скоришъ.

— Н-не хочется, — крыво протягаючысь, такъ само протягла Юзя.

Юзя поклала голову на пидвиконня и безвладно простягла вздовжъ ёго одну руку, а другою накрыла голову.

... «Ой ты, дивчынонько хорошого строю,
Берыся за выла, ходимо до гною!»

Зоня и Юзя здрыгнулысь видъ цёго несподиваного спиву, що знявся десь посередъ кущивъ малыны.

— То та дурна Дарка! — мовыла зъ прыкростью Зоня, — цуръ ій, ажъ злякала! Вже жъ и писня деликатна: «ходимо до гною!» То такъ хлопськый кавалеръ свою даму запрошуе. Ото чыстенька писня! ажъ пахне!

Дарка не чула тои крытыкы и выгукувала соби дали умысне грубшымъ голосомъ видъ натурального, по полиському:

Ой ты, дивчынонько, робы, не робы,
А прыйде недиля, хороше ходы!

Дарчына голова въ червоній хустци краснила середъ темнозеленыхъ кущивъ, якъ велыка ягода. Писня замовкла, лыбонь уста у спивачкы зайнялыся иншою роботою. Дарка збирала малыны панамъ на конфитуры, — ну, то вже певне й соби брала якыйсь видсотокъ натурою на мисци.

Прыйшла пани Качковська и клыкнула Зоню помогаты перебыраты ягодъ, бо то «робота до нескинчення».

Юзя лышылася сама и все не рушала зъ мисця.

Дарка завела весильнои. Тамъ булы всяки дыва: и «виночокъ зъ перламы», и «теренъ золотомъ перевытый», та все те якась «Марьюня» покыдала для свого «Иванка», бо полюбыла ёго «якъ душу». Дарка спивала те все такъ бадёро, голосно, завзято видбываючы кожне слово такъ само, якъ и ту писню, де хлопець дивчыну заклыкавъ иты до гною.

Юзя, слухаючы, почала усмихатысь. На хвылыну сталося чудо: Юзя такы забула вчорашній день и сю мынулу ничъ и все. Ій зробылося весело: вона завважыла, що сёгодня було и гаряче и разомъ зъ тымъ легке повитря, що пахло малынамы и мисячною рожею, и такъ се було просто и мыло, дуже мыло. Юзя хутенько вмылася, освижыла голову и стала коло викна, выхылывшысь трохы зъ нёго та спираючысь на рукы.

Зъ-за кущивъ уявылась высоченька, але тонка Дарчына постать. Сухорляви, але мицненьки рукы держалы на плечи велыкый кошыкъ повный малынъ; зпидъ закачаныхъ по ликти рукавивъ выдко було, якъ мускулы на рукахъ напьялысь, мовъ пружыны; ще зовсимъ дытячый станъ, тисно вперезаный вузенькою крайкою, одкынувся назадъ, и черезъ те вся постава здавалась гордою, а лыце видъ легкои напругы було поважне и зовсимъ «доросле». Дарка вже не спивала и мовчкы пидійшла стежкою по-пры Юзине викно.

— Добрыдень, Дарко!—весело прывиталась до неи Юзя и хотила щось спытаты, але Дарка поважно видповила: — Добре здоровья,—и, не спынывшысь, не глянувшы на Юзю, подалась тою самою ходою до кухни.

Юзя зновъ сила, схылыла голову на пидвиконня,—въ голови зновъ стало важко, мовъ писля чаду, и почало думатысь щось безладне. Десь далеко, въ кухни, Зоня заспивала краковяка, сливъ не можна було розибраты. Якъ нытка зъ кынутого зъ рукъ до долу клубка, хутко-хутко почалы розмотуватысь у Юзи въ думци спогады про вчорашній день, мынулу ничъ... Чудо вже зныкло.

— Юзечко, чому не йдешъ до гербаты, дытынко?—запытала бабуня, увійшовшы въ кимнату.

— Заразъ иду,—видповила Юзя, цилуючы бабуню въ руку и въ плече.

— Ты сёгодня заспала, koteczko. Чы вже молылась?

— Уже,—тыхо мовыла Юзя, спустывшы очи въ землю.

— Ты щось неначе зновъ хора. Выпый, серце, хины передъ гербатою.

— Добре, бабуню, я выпью,—и, покирно похылывшы голову, Юзя пишла за бабунею до йидальни.

VI.

Чуда не сталося, але сталося багато иншого, покы Юзи скинчылось шиснадцять литъ. Найголовнише—розлука зъ Зонею. Раптова, несподивана, жорстока розлука. Юзя сама не знае, якъ вона пережыла тее. Очи іи днивъ тры не высыхалы видъ слизъ передъ Зониным видйиздомъ. Вона благала усихъ родычивъ навколишкахъ, цилуючы рукы, обищаючы все можлыве и неможлыве, абы Зоню не видправлялы зъ двора. Але родычи булы невблаганни: «такъ мусыть буты; то конечне и для неи самои лиише»,—отъ и все, що почула Юзя. Ни слова пояснення ни видъ кого. Юзи такъ-такы николы й не сказалы прычыны видйизду Зони. Юзя пытала й Бронка, що прыйихавъ на вакаціи

до дому тыжнивъ за тры до того несчастя. Бронекъ — веселый, моторный гимназыстъ,—здвыгнувъ плечыма, помахавъ палычкою, посвыставъ, кынувъ сестри недбало: «Найлипше, спытай іи саму, може скаже»—и пишовъ соби, поспивуючы «ja kawaler, a ty wdowa» зъ дуже веселою прыспивкою «trom drita, trom ta drita»... А Зоня на пытання Юзины видповидала тильки слизьмы, нариканнямъ на свою сыритську долю, на жорстокисть якихсь «людей безъ серця» (але не Юзиныхъ родычивъ) и говорыла щось таке, чого зовсимъ ніякъ неможна було зрозумиты; передъ панамы мала упокореный выдъ, а титци своій не смила въ очи дывытысь. Качковська не дала Зони на прощання и рукы своеи поцилуваты, а Качковськый, зайихавшы зъ возомъ-драбынякомъ передъ офицыну (остатни дни Зоня вже тамъ жыла, а не зъ Юзею), не йшовъ, якъ звычайне, у хату сидаты передъ выйиздомъ, «щобъ усе добре сидало», тильки крыкнувъ зъ воза на Зоню: «Ну, то йды вже! кони не стоять!» Блида, сплакана, завьязана хусточкою Зоня сила, згорбывшысь, на визокъ; робочи кони сипнулы, и Зоня пройихала повзъ гуртъ цикавои челяди геть зъ двора и зныкла въ сирій куряви. Юзя лежала въ своій кимнатци и безъ намьяти рыдала.

Але дывно, Юзя не довго тужыла. Лыбонь уся туга занадто невтрымлыво, раптово вылылася заразомъ и надали іи не стало. Хутко наставъ часъ, колы Юзи треба було нагадуваты соби, щобъ думаты про Зоню рано й вечиръ пры молытви, якъ то вона обицяла, розлучаючысь; прыйшлось навить вузлыкы на хусточци завьязуваты, щобъ не забуты. Лысты жъ не пысалыся. Юзи якось зовсимъ не було чого *пысаты* до Зони, хочъ сказаты знайшлось бы чымало. Юзя пысала лысты ще зовсимъ по дытячому, самымы фактамы, тай тыхъ не вмила склеиты до купы инакше, якъ словамы «i donoszę tobie»; це іи саму дражныло,—и такъ ни одынъ лыстъ до Зони не бувъ ани скинченый, ани посланый. А Зоня певне не посмила обизватысь лыстомъ перша.

Тай не було колы Юзи розплыватыся въ спогадахъ та жалощахъ. Прыйихала нова вчытелька французка («липше пизно, якъ николы», зважено було въ родыни) и зовсимъ вона не була

така страшна, якъ Юзя соби уявляла; навпакы, весела, прывитна, цикава, трошкы насмишкувата, але «прыемна». Юзя почала надолужаты «ходомъ поспишнымъ» прогалыны въ своій пауци й выхованню. Наука хутко выйшла до того выщого ступня, що Юзя робыла вже тильки ти ортографични помылкы у францюзькому пысьми, яки робыла сама вчытелька, колышня продавщыця въ велыкому Magazin du Louvre. А що музыкы, рахункивъ та иншыхъ наукъ Юзя набувала и передъ тымъ, спочатку дома, а потимъ йиздячы трычи на тыждень въ повитове мисто до однои «диплёмованои» панны, то ій и небагато бракувало до повнои панськои «эдукаціи». Выховання тежъ багато посунулось напередъ: теперъ Юзя вже твердо знала, на що й по що треба панни вчытыся, а власне, «щобъ умиты показатыся въ товарыстви, щобъ не сміялыся люде, щобъ буты негиршою видъ иншыхъ и щобъ инши навить заздрилы». Для чого жъ це все було потрибно, ій не казалы, та вона й такъ догадалась. Юзя теперъ вже багато чого нагадувалась безъ наивныхъ и пастырлывыхъ пытаннивъ. Францюзка докинчыла Юзине выховання, почате пидъ Зониною орудою, докинчыла и самохить, и несвидомо. Все служыло за пидручныкы до «наукы жыття»,—першъ усего вся власна особа Mademoiselle Lucie, шнурована, глянсована, фрызована, урочa своею парыжською неподильностю штучного й натурального въ найменшому рухови й слови; навчалы й кныжкы ти, що николы не давалыся зъ рукъ въ рукы, але завжды лежалы або пидъ подушкою, або въ незамкненій шуфляди въ учытелькы. Юзя навчылася чытаты ти кныжкы тежъ поспишнымъ ходомъ и то такъ, що николы никому не наверталася на очи зъ такымъ «пидручныкомъ». Якымъ наивнымъ здавалося ій теперъ те нескладне ABC Зониныхъ та Октусиныхъ краковякивъ, перейнятыхъ видъ пана Феликса! Якъ та бидна Зоня мало знала! Та що може знаты панна, колы вона не вміе по францюзкы и навить Прево не може прочытаты въ оригинали? Правда, и въ цій новій науци жыття все ще зостався якыйсь таемный куточокъ, завишеный поетычнымъ напивъ-прозорымъ серпанкомъ; винъ вабывъ, але вже не лякавъ Юзю. Вона вже не хотила чуда повороту до дытячои

несвидомости,—ни, навпакы, вона прагнула швыдче пизнаты на дили те жыття, опысане такъ повабно въ кныжкахъ. Хочъ бы вже швыдче тыи 16 литъ кинчалысь! Тоди, казавъ татко, воны пойидуть на зиму до Варшавы (бабуня зъ дидунькомъ лышатся на господарстви), и мама вывезе Юзю «въ свитъ», на той оспиваный, обмареный «першый баль»... Юзя вже знае прелюдіи ёго, бо M-lle Lucie намагалася, щобъ іи повезты на кильки дытячыхъ вечоркивъ до миста,—метка францюзка уважала, що Юзине выховання було доси trop isolée. Писля тыхъ вечоркивъ Юзя неразъ по ночахъ не спала, думаючы про «першый баль», справжній баль, для дорослыхъ... Чы дижде вона тыхъ 16 литъ?!...

Шиспадцять литъ такы скинчылысь! Сёгодня, сёгодня Юзины роковыны! Скилько буде гостей, яка буде забава! У Юзи теперъ багато прыятелёкъ, все завдякы тій добрій M-lle Lucie, що вмила пидтрымати знаёмости и згуртуваты товарыство молодыхъ суcидокъ, ризныхъ сильскыхъ панночокъ. Юзи справылы на роковыны таку гарну-прегарну, билу, *довгу* сукню... Ахъ шкода, що вчора цилый день ишовъ дощъ — уже тая проклята полиська осинь! — булобъ такъ гарно походыты въ легкій билій сукни по сухому лысти, пидъ жовтымы й червопымы витамы деревъ! Десь йе такый опысъ въ романи: «вона була, мовъ била душа весны середъ руинъ умерлой осени»... Ни, все-такы, це ничого той дощъ, бо отъ винъ уже не йде сёгодня, а татко наказавъ посыпаты свижымъ пискомъ уси стежкы коло будынку и ту довгу стежку, що веде до альтанкы. Онъ уже Максымъ и Яkивъ прывезлы першый визъ и зсыпалы писокъ на купу, а Дарка зъ Улянкою розносять и розсыпають ёго по стежкахъ. Славно буде! Чудово! Якый татко добрый!

Дарка зъ Улянкою хутко звывалысь. У Даркы ажъ хустка зъ головы зсунулась; вона трохы засапалась, посячы копыкомъ важкый писокъ зъ воза,—а все-такы кожный разъ, высыпавшы писокъ на стежку, вона жваво вымахувала порожнимъ копыкомъ и пидбигцемъ спишылася по нову ношу. Улянка жъ, навпакы, швыдче бигла зъ повпымъ копыкомъ, згынаючы въ тры погыбели недолугу постать, а въ-порожни йшла помалу, човгаючы

ногамы и безсыло баламкаючы рукамы. Улянка ще тилько почынала ту боротьбу, зъ якои Дарка вже выходыла зъ перемогою. Дарка вже поделала «шиплю»[1]), зжылася зъ пивголодомъ, выросла зъ «нянькы» та «пидпаска» въ дивчыну-робитныцю (хочъ бильшъ якъ сорокивку, за день роботы, ій такы не давалы) и несвидомо, але жыво, цилою своею истотою тишылася зъ свого молодого жыття, зъ молодои але вже загартованои сылы, вынесенои зъ трудного дытыньства наче скарбъ изъ пожару. Про колышню, ще недавню, недолугисть нагадувавъ тилько надто тонкый станъ, та тонки, хочъ и мицни, немовъ сталёви, ногы зъ вузькымы, довгымы ступнямы,—за це іи й теперъ, якъ бувало за малыхъ литъ, свои й чужи дражнылы «тонконогою». Барва іи лыця не була й теперъ румьяною, зоставсь й доси легкый видтинокъ слоновои кости въ смуглявимъ облыччи, щокы не булы кругли, въ очахъ не було дивочои легкодумнои безжурности, облыччя здавалося вырizьбленнымъ скупою на легки еффекты рукою думлывого артыста, що, творячы красу, зовсимъ не дбавъ про неи. Тай мало хто, дывлячысь на цю дивчыну, тямывъ, що вона гарна, и не було звычаю называты іи такъ, а проте хто разъ прыдывывся до неи, той пизнававъ іи скризь, хочъ и самъ не мигъ бы сказаты, чымъ видбываютъ ти неблыскучи и невелыки сыви очи видъ иншыхъ сывыхъ очей, чымъ одризняется видъ тысячивъ такыхъ «створиннивъ Божыхъ» оця просто русява, не билява й не руда, не велыка й не мала, навить не чернобрива дивчына. Може тымъ, що, дывлячысь на неи, здавалось, нибы дивчына ця знае щось таке, чого не знають або не тямлять багато иншыхъ, а вона въ тому допевнылась и видъ того дывытся такъ поважно и просто въ очи кожному, безъ тои звычайнои дивочои соромлывости, трошкы щырои, а трошкы й удаванои, що наказуе хыхотиты й закрыватысь рукавомъ прылюдно. Дытыною Дарка часто було дывылась понуро, спускала очи въ землю, насупывшы бровы, немовъ шукала на земли щось загублене, або дывылася скоса на

---

[1]) Малярію.

того, хто говорывъ до неи, и морщыла лоба та прыкрывала очи рукою; теперъ вона мала звычай здебильшого дывытысь просто попередъ себе, хочъ бы передъ нею булы люде, чы просто далекый просторъ, и здавалося, що іи очи булы створени власне для такого погляду.

Отакъ вона й теперъ дывылась на Максыма, спынывшыся зъ порожнимъ кошыкомъ коло воза зъ пыскомъ. Максымъ, молодый двирськый паробокъ, подывывся й соби на неи и всмихнувся.

— Ну, чого стоишъ? Ты, топконога!

— Або то вже й постояты неможна? — спокійно промовыла Дарка, — та жъ я не коняка.

— Ба, дивчыно, — озвався Якивъ, старишый, жонатый вже робитныкъ,—колыбъ то ты була конякою, то бъ мала часъ стояты такъ, якъ отъ оця, — винъ ткнувъ пужалномъ коня въ бикъ.

Дарка помалу перевела очи зъ Максыма на Якова.

— А вы-те, дядьку, проте стоите.

— Н-ну, я... Поповозыла бъ ты, та попокыдала бъ лопатою оте писчысько!..

— Дыво! Я й глыну копала, не то що. А вы-те, дядьку, лишне тачку прытягнить, та поможить зъ Максымомъ розкыдаты писокъ, бо такъ до вечора не вправымося, а дивчына, дывить вже й такъ прыстала, ледве лазыть. — Дарка показала на Улянку, що стояла, поспускавшы рукы.

— Потрибно було таке здыхля браты на роботу, липше бъ Ярына прыйшла, — завважывъ Максымъ.

— Ярына не прыйде, — коротко й поважно мовыла Дарка.

— Нашу Ярыну вчора запылы, прыходылы сваты одъ Гаптона, — тоненькымъ голоскомъ, зъ дытячою вымовою обизвалась Улянка.

— Эй, чы жъ пакъ? — скрыкнувъ Максымъ.

— А ты нибы й не знавъ? — неймовирно спытала Дарка.

— Та що тутъ будешъ знаты, колы ганяють тебе, якъ хорты зайця, то до миста, то по панахъ, то зновъ по писокъ, то нема видома по що? Геть подурилы зъ тымы менынами, — закинчывъ Максымъ значно тыхшымъ голосомъ, нижъ почавъ.

— Колы весилля? — перебывъ его Яквивъ, звертаючысь до Даркы.

— Отъ, абы заповиди выйшлы.

— Спишытся Гантинъ!

— А видомо, бо маты ёму слаба, та ще вмре, то вже жъ тоди не годытся весилля справляты, а хто жъ имъ буде робыты, якъ стара вмре?

— Правда, — сказавъ Якивъ.

— А Ярына жъ за ёго хоче? — запытавъ Максымъ.

— А чому жъ бы не хтила?

— Правда, — знов сказавъ Якивъ, а Максымъ промовчавъ.

Вси четверо стоялы мовчкы й думалы.

Въ тимъ надбигъ «окомонъ» Качковськый зъ крыкомъ:

— Ну, чого поставалы? Кара Божа зъ тымы людыськамы! Отъ тилько не стій надъ нымы! .

Дарка зъ Улянкою кынулысь до роботы. Зъ поспиху, а то й зъ перестраху Улянка спотыкалась и розсыпáла безъ пуття писокъ. Качковськый вырвавъ у неи зъ рукъ кошыка.

— Эй, така мени робота, то липше нетреба! Вамъ тилько дарма гроши давай! Максыме, беры тачку. А ты, Якове, будешъ зъ Даркою носылкамы вдвохъ посыты, покы ще йе писокъ на вози, — чого дармуешъ? Ну, а ты, Улянко, пишла до дому, нехай прыйде та, засватана!

— Ярына рушныкы торочыть на весилля, ій нема колы, — озвалась Дарка.

— Велыке свято ваше весилля! Поспіе зъ козамы на торгъ. А якъ не хоче, то забирайтесь соби вси къ чортовій матери, я знайду иншыхъ! Ще якись церегели: одна хоче, друга не хоче. Я васъ просыты не ставъ. Або нехай Ярына цю мынуту йде сюды, або жаднои нетра, сказавъ разъ!

Дарка кывнула Улянци и та побигла до дому.

— Скажы й матери, щобъ прыйшла! — гукнувъ ій у слидъ Качковськый и звернувся до Максыма: — Ага, слухай, якъ прыйде Мартоха, то стане на твое мисце, а ты збирайся до Жабокры-

кивъ по панней. А вы тутъ глядить, щобъ до обида було все готове, — наказавъ винъ Дарци й Якову и подався спишною ходою до стайни.

Максымъ пишовъ у слидъ за Качковськымъ, досадлыво знызавшы плечыма.

Прыйшлы Мартоха зъ Ярыною, тай Улянку такы зновъ прывелы зъ собою. Носылы писокъ и въ кошыкахъ, и на ношахъ, и въ прыполахъ, возылы въ тачкахъ, кыдалы рукамы й лопатамы, зашурувалы одежу, запорошылы собп очи, ажъ такы ще до обида, передъ панськымъ другымъ снидапкомъ, панна Юзя пробигла мазурковымъ крокомъ по довгій, жовтенькій, мовъ золотій, стежци до альтанкы, увытои червонымъ дыкымъ выноградомъ, злегка черкаючы по писочку довгою билою сукнею.

— По писку навить лиише, — зважыла вона, — а то мокре пале лыстя шелестыть такъ смутно... тай сукню може забрудныты, покаляты.

И панна Юзя поспишылася до покоивъ, бо почалы зйиздытыся гости, то выпадало прыйматы повиншування й дарункы, та прыпрошуваты панночокъ до кавы зъ усякымы прысмакамы; обидъ мавъ буты далеко пизнише и дуже парадный, а потимъ забавы, танци, та урочыста вечеря. Юзины родычи не жалувалы коштивъ на учту, на ушанування 16-литнихъ роковынъ дочкы-одыначкы.

VII.

Тымъ часомъ Мартоха зъ родыною, вернувшыся зъ роботы, засилы вже до обиду. Ярына сила поручъ зъ батькомъ на покути, — ій, яко засватаній, належало чильнише мисце въ хати, тай вона вже не выходыла зъ-за столу помагаты матери коло печи. Воно, правда, мало що й потребы було въ помочи, бо страва була звычайна: жытня затирка, та картопляни товкмачи зъ макомъ, отъ и все. Але Дарка все жъ помагала, то ложкы подавала, то хлиба вкроила, разъ-у-разъ встаючы зъ ослона, де вона сыдила проты покутя. Улянка зъ Иваномъ сыдилы на вузькій лави,

а Приська, теперъ вже опецькувата, мордатенька семылитка, сыдила «по-турецькы» на полу, держачы на рукахъ незвычайно головату и черевату, але тонконогу й тонкоруку Гапку, и носыла черезъ іи голову соби до рота ложкою страву зъ мыскы, що стояла въ ногахъ. Гаряча страва неразъ капала на дытыну, и тоди Приська мусила кыдаты йисты та зацытькувала малу. Жвавій Присьци обрыдла така повильна йида, и вона вже крадькома видъ матери дала Ганци штурханцивъ зо два. Дытына вереснула.

— Та цыть ты, бодай ты скопотила! Цыть, нехъ ты скыснешъ! — не втерпила Приська.

Мартоха одвынулась видъ печи, дала потылышныка Присьци, але такы забрала видъ неи Гапку.

— Я тоби разъ казала, не смій мени клесты дытыны, ще, бороны Боже, въ такый часъ скажешъ! — мовыла Мартоха и сила на лаву годуваты Гапку, щобъ іи вгамуваты, — сама здорова, якъ кобыла, та щей клене, бодай тебе заглумыло!

Приська щось промормотила, але заразъ урвала, бо маты загрозыла: — Ну, ну, поговоры, поговоры мени!

Мартоха зъ усихъ своихъ дитей найбильше любыла «головату» Гапку и не терпила, якъ сусидкы хыталы головамы надъ дытыною та пророкувалы, що «безмаль зъ неи ничого не буде, бо въ неи жъ, кумойко, и перениссячко сыне и очи якъ у стареи». Гапка була облыччямъ «выкопана» маты, тилько здоровьямъ найгирша за всихъ; вже третій рикъ ій кинчався, а вона ледве голову трымала. И Мартоха немовъ спишылася натишытысь цею дытыною и пестыла іи такъ, що Приська зъ Улянкою ажъ зненавыдилы «мазуху». Мартоха навить неразъ спыхала головну господарську роботу на старшыхъ дочокъ, меншымъ попускала «байды быты», а сама сыдила зъ Гапкою, то бавлячы іи, то ликуючы всякымы ликамы.

И на цей разъ Мартоха черезъ Гапку передала свій головный хатній обовьязокъ Дарци (зновъ такы мынаючы засватану Ярыну), промовывшы лагиднише, нижъ звычайно:

— Дарусю, вытягны тамъ зъ печи товкмача... Ага, слухай, тамъ десь видъ учора кришку горилкы зосталося, то подай батькови.

Видколы Гапка прыйшла на свить, Мартоха злагоднила до чоловика

Черезъ свою хвору мызыночку вона лыбонь навчылася бильше жалуваты та розумиты и свого нещасного «ядуху» чоловика. Колы сёгодня вона доривняла здорову, колысь наймылишу ій за те здоровья Прыську до «кобылы», то въ души ій ворухнулось щось дуже подибне до того почуття, зъ якымъ бувало Семенъ бывъ ій саму та докорявъ, що вона «отъ такы, якъ муръ»: тилько Мартошыне почуття було ще тяжче.

Семенъ тремтячымы рукамы взявъ «порційку», що подала ёму Дарка, мовчкы кывнувъ головою до жинкы, на знакъ «дай, Боже, здоровья», — жинка такъ само до нёго кывнула, то бъ то «здоровъ бувъ, пывшы». Спочатку Семенъ хотивъ выпыты маленькымы ковточкамы, щобъ продовжыты втиху, знаючы, що бильшъ, якъ одну чарку, вже не дадуть, але не втерпивъ и выхылывъ цилу разомъ и хрыпко-голосно крекнувъ «а-а-а!» Писля вчорашнихъ «запоинъ» ёму такы конечне треба було похмелытысь, а жинка доси не догадувалась даты, просыты жъ — Семенъ николы не просывъ у неи ничого: цей «гоноръ» у нёго мицно держався.

Якый часъ Семенъ йивъ, якъ звычайно, мовчкы, але похмильна чарочка дражныла языка до розмовы, тожъ винъ такы нарешти обизвався, ни до кого зъ-осибна не звертаючысь:

— Такъ, такъ... запылы мы, знаця, нашу Ярынку, а отъ невыдно, якъ и Дарочку запьемо.

— Та мени, тату, ще лита не выйшлы? Щó вы-те мене замижъ выпыхаете? — жартовлыво обизвалась Дарка, прыязно подывывшысь на батька, немовъ усмихнувшысь очыма. Вона любыла, якъ батько говорывъ вильно и весело, хочъ це бувало тилько тоди, колы винъ выпывавъ и то не занадто, бо, сп'янившы сыльно, винъ стававъ понурый и, хочъ не бывся теперъ николы,

та стыскавъ кулакы и клявъ кризь зубы невидомо кого. Дарка часомъ навить купувала ёму «малу порційку» за свои зароблени гроши, «абы батько поговорылы трошкы».

— Я тебе, Дарочко, не выпыхаю, — высокымъ и тыхымъ голосомъ заговорывъ Семенъ, — а тилько видомо: дочкы — чужа корысть. А лита, хто жъ ихъ видае, чы воны выйшлы, чы воны не выйшлы? про те пипъ знае. Отъ якъ пиду по метрыкы Ярынини, то й про тебе попа запытаю, — Бигъ-ма, запытаю, — думаешъ, пи? А ну-жъ тебе свататымуть такы теперъ, до Дмытра, то треба жъ намъ знаты, що людямъ казаты.

— Нема тамъ чого знаты, — обизвалась Мартоха, — бо я Даркы однаково тепера не дамъ.

— А то чому, стара?

— Чому! Ты жъ бы й самъ подумавъ: Ярыну виддамо, Улянка ще мала тай невдáла, ну, тай хто жъ мени робыты поможе?

— А мы Ивана оженымо, отъ и невисточка буде! — ще веселише перечывся Семенъ.

— Вже то за невисткою нажывешся! — Що невистка, то не дочка. Тай куды тамъ ще Иванови женытыся?

— Хто рано женытся, той не кается, — напосидався Семенъ; выдко, вчорашни запоины розохотылы ёго до думкы про весилля.

— Этъ, дай спокій, старый! — розсердылась Мартоха, — ажъ не хочется слухаты! Та нехай бы тамъ хочъ и сто невистокъ було, а я Даркы не дамъ, бо я безъ неи, якъ безъ рукъ. Пошукай-но ще такои дивкы!

Дарка спаленила. Це вперше маты такъ выразно похвалыла іи. Ни, це, власне, не було хвалою, але це бильше варто було, нижъ звычайне велычання матирокъ своимы дочкамы. Це маты вымовыла въ голосъ те, що Дарка й сама знала и тямыла добре, тилько Дарка николы не думала, що выбачлыва маты колы небудь це скаже, та ще пры всихъ.

— Ну, чого розсилася? — звернулась до Даркы маты знову суворо, — зберай зо стола та поможы Ярыни рушныкы торо-

чыты. Батько плете безъ толку, а вона слухае, якъ бы що доброго!

Дарка всмихнулася и почала збираты зо стола, переглянувшыся зъ Ярыною.

Перехрестывшысь, Семенъ выйшовъ зъ-за стола, постоявъ трохы, мовъ хотивъ ще про щось поговорыты, але роздумавъ и пишовъ зъ хаты. За хвылыну вернувся знову.

— Ага, скажить вы мени, чого це у двори такый ярмарокъ? Все чужи паны йидуть? Та жъ сёгодни не свято?

— То панныни меныны справляють, ій сёгодня 16 литъ выйшло, — сказала Дарка.

— Шиснадцять литъ!.. тссъ... дывы ты!.. А котра зъ васъ старша, чы ты, чы панна?

— Чы жъ я знаю? Мамо, якъ вы-те кажете.

Мартоха трохы подумала, потимъ сказала.

— А такъ, що одныхъ литъ... день у день! Ще то до пани тую кушерку прывозылы, та вона й мени щось тамъ радыла, бо я такы ледве не сконала тоди за тобою. Такъ такы воно йе, що вы въ оденъ день обыдви знайшлыся, — и ты, и панна.

— Эй, то треба й нашій Дарци меныны справыты! — раптомъ гукнувъ Иванъ, що доси мовчкы щось стругавъ. Винъ вставъ и пацнувъ Дарку зъ розмаху по плечахъ.

— Одчепыся, холеро! — видгрызнулась Дарка.

— Ну, ну, ще побыйтеся! — спыныла ихъ Ярына, а Прыська захыхотила.

Раптомъ у хату вбигла чорна якъ жукъ, прысадкувата дивчына, Ярынына товарышка, Мотруна. Вона зъ розгону пидбигла до Ярыны, выхопыла въ неи зъ рукъ недотороченого рушныка и потягла іи за рукавъ зъ-за столу.

— Братыце, бижимо хутчій до двора!

— А то чого?

— Та чы жъ ты не чуешъ? О! — Мотруна зняла пальця вгору и вси почалы прыслухатысь: въ покынути розчыненымы двери долитавъ видгукъ скрыпокъ та решиткы.

— Музыкы? Де жъ то? На панськимъ току? Чого? — пыталы навперебій дивчата.

— Та то жъ панъ найнявъ челяди музыкы. Меньны панныни, чы що... Тамъ такый баль! То ввечери паны танцюватымуть — буде гынча музыка, а теперъ панъ позволывъ на току челяди танцюваты. Та ще, кажуть, старымъ та хлопцямъ по порціи дадуть, а дивкамъ косныкы роздаватымуть, чы що... Ой, бижимо, мои любойки, хутчій!..

Остатни слова Мотруна договорювала, вже бижучы вулыцею до панського току, а за нею поспишала вся родына Билашивъ. Мартоха навить и Гапку понесла зъ собою.

На панській обори зибралось чымало людей, а коло самого току бувъ правдывый тыскъ. Про те жвава Мотруна и дужа Мартоха протовпылыся такы напередъ, а за нымы вже й вся родына Мартошына, тилько Улянка лышылась позаду, бо якыйсь паробокъ одсунувъ іи локтемъ, и вона вже не зважылась бильше потыкатысь у натовпъ, а пишла въ кутокъ межы хливомъ и стаnею, де малеча танцювала, дрибно кружляючы, мовъ ти маленьки блакитни й червонясти метелычкы, що въ горячу пору жнывъ нызько вьются понадъ стернею, прудко-прудко.

На току зостався вильнымъ видъ натовпу вже тилько невелыкый кругъ землы и на нёму вытыналы «крутяха́» пара молоденькыхъ дивчатъ, побравшыєь попидъ рукы, и тройко—хлопець зъ двома дивчатамы, — хлопець по середыни, а дивчата, кожна обичъ нёго, — и винъ обіймавъ обохъ ихъ за шыи, одну правыцею, другу ливыцею. Вси трое кружлялы, трохы важкымъ крокомъ, не звертаючы ніякои увагы на пару, що неразъ налитала на ныхъ зъ розгону. Дивчата булы дуже поважни, а парубокъ здавався гордымъ видъ тои поставы зъ пиднятымы на дивочи плечи рукамы, усмихався, якъ переможець, та пидморгувавъ товарышамъ. Музыкы сыдилы высоко на соломи; гуркитъ решиткы слався нызомъ, немовъ розкочуючысь по темныхъ куткахъ, а дрибчасти перебои скрыпкы та басоли литали понадъ людьмы и вырывалыся зъ клуни вкупи зъ проминнямъ осиннёго пообиднёго сонця, що стриляло кризь стину, де була выйпята одна дилына.

и слалося черезъ увесь тикъ ажъ до розчыненыхъ воритъ широкою яскравою смугою, жывою видъ миліонивъ блыскучыхъ порошынокъ, що минылысь, якъ дрибни золоти комашкы. Свитло черкалось объ людськи головы и ярило въ переднихъ рядахъ людей на дивочыхъ та молодычыхъ билыхъ, сынихъ, червоныхъ. зеленыхъ та рябыхъ убранняхъ, що краснилы якъ весняный цвитъ; дали свитло гасло въ осинних, темныхъ колирахъ чоловичыхъ шапокъ та сермягъ, шпорынало въ старечыхъ брунатныхъ каптанахъ, «барханкахъ» та «набыванкахъ», що глушылы де-не-де ту веселу мишанину барвъ. Вси дивчата булы завьязани хусткамы такъ само, якъ молодыци, тилько Дарка та «дурна» Грыпа булы «простоволоси». Дарка любыла такъ ходыты, колы не «закручувалась» хусткою «якъ мала̀», хочъ маты сварыла, а товарышкы доривнювалы до «дурнои Грыпы». «Не грихъ и такъ,—ще находжуся колысь по-бабськы», казала Дарка.

Пара дивчатъ, утомывшысь, покынула танцюваты. Мотру́на вхопыла Ярыну пидъ руку и полетила зъ нею въ танець, сыпну́вшы, навперебій музыци, веселою танцюрыстою писнею. На писню обизвався парубокъ, що танцювавъ зъ двома дивчатамы, теперъ уже не въ рядъ, а крутячысь по черзи то зъ одною, то зъ другою, пускаючы одну й хапаючы другу на перемину; раптомъ винъ, держучы одну дивчыну, закынувъ вильну руку по-за шыю Дарци, але Дарка выпручалась, видмовывшы: «Я втрохъ ненавыджу, загайно такъ!» Тоди хлопець пустывъ дивчыну, потягъ саму Дарку въ танець и хутко-хутко закрутывся зъ нею, держачы пидъ руку. Воны не бачылы облыччя одно одного, ливыця ливыцю держала, а правыцею хлопець немовъ хотивъ піймати Дарку за станъ, вона жъ утикала видъ нёго, все вколо, все вколо, а все не выпускаючы ёго рукы. Обое спивалы навпереймы, и писня Дарчына немовъ утикала, глузуючы, видъ писни парубка. Раптомъ писни й погляды зустрилысь — хлопець перейнявъ Дарку за другу руку й заглянувъ въ очи; Дарка урвала писню, вырвала ливыцю и выхремъ закружляла въ иншый бикъ, зъ иншею писнею, и зновъ хлопець бачывъ тильки блыскучу плетеныцю русыхъ кисъ, що немовъ одбывалысь видъ нёго тон-

кымы розвіяными киснықамы, черкаючы по лыци й прымушуючы хлопця одхылятысь назадъ, дарма, що ливыця простягалась вперёдъ, немовъ шукаючы дивочого стану. Середъ прудкого танцю Дарка була така сама поважна, якъ и други дивчата, тильки не спускала очей въ землю, а дывылась просто на людей. Колы краска вступыла ій въ облыччя, а волосся потемнило, змокрившы, Дарка, трохы задыхавшысь, але спокійно, сказала хлопцеви: «ну, вже годи, пусты» и винъ заразъ же пустывъ іи тай самъ зійшовъ зъ круга.

Покы люде «йшлы козака», покы поважно, по трое противъ одного, водылы «чумака», Даркы не було выдко. Вона трохы потопталась въ «вальци», тай зновъ видстала. Але раптомъ музыкы вризалы «гречкы»; увесь передній рядъ людей, найблыжчый до круга, захвылювавъ кóломъ, побравшыся за рукы, и заразъ посередъ кóла замаёрила Дарчына голова, кружачы въ пари то зъ парубоцькою шапкою, то зъ дивоцькою хусткою. Кóло важко прытупувало въ ладъ музыци, разъ-по-разъ чоловичи голосы, розбываючы жиночый дрибный спивъ на ривни часткы, выгукувалы «самъ пью, самъ гуляю»... але кинець тои прыспивкы губывся въ швыдкому дыханни гурту, въ тупанни килькохъ десяткивъ нигъ та въ несамовытому гуркоти решиткы. Кóло розрывалось, выпускало однихъ людей, прыймало другыхъ и зновъ оберталось жывымъ колесомъ; пары едналысь, розлучалысь, двойилысь, чысло йихъ росло въ очахъ. воны кружлялы и въ кóли, й по-за кóломъ, танець выкочувався геть за ворота клуни и выкыдавъ де-яки пары на двиръ, на вильне мисце, и тамъ воны литалы, якъ буйни пчолы, що видбылысь на простиръ зъ тисного рою. Танець докотывся до куткивъ, де кружляла дитвора и до прызьбы коло пекарни, де сыдила старыня; тутъ музыка запалювала гострымъ вигнемъ невынни дытячи очыци и дратувала безсыли старечи ногы своею непереможною, дыкою сылою. «Самъ пью!.. Самъ пью!..» бухало урывчасто, мовъ важки гупання збунтованои крови въ жылахъ.

— Музыка, ша!—гукнувъ раптомъ голосъ Качковського, та такъ зычно, що скрыпка й басоля заразъ замовклы, мовъ урвалы

струны, тильки решитка ще загурчала сама, але заразъ и іи вгамувавъ хтось, сипнувшы решитныка за полу.

Танцюрысти пары не встыглы одразу спынытысь, а ще килька разъ окрутнулысь, поглядаючы здывовано на музыкъ.

— Ну, годи вамъ крутытыся!—крыкнувъ на ихъ Качковськый,—за панськи гроши готови до вечора скакаты!.. Вы, мужыкы, бабы й парубкы, ступайте на пекарню, тамъ вамъ самъ панъ дадуть по порціи, а вы, дивкы, йидить до ганку, передъ покои,—паннунця вамъ памьяткового подарують.

Качковськый вымовывъ се такымъ самымъ грубымъ, начальныцькымъ голосомъ, якымъ звычайно дававъ розпорядокъ на роботи. И заразъ же юрба подилылась на два гурты, — бильшый сунувъ до «чорнои» пекарни, а меншый подався черезъ вулыцю на «билый» двиръ.

У пекарни, на стильци, коло чысто застеленого стола сыдивъ молодшый панъ (старый загрався въ безика и не пишовъ), за нымъ на лави засило скилька панивъ гостей и мовчкы пересмихувалысь межы собою.

Качковськый спынывъ юрбу въ синяхъ и почавъ упускаты людей по одному, по два въ пекарню.

Семенъ Билашъ поткнувся було въ першу пару, але Качковськый вызвирывся на нёго въ пивъ-голоса: — Куды лизешъ? Чы то нема старшыхъ видъ тебе?

Семенъ, засоромленый, сховався въ гуртъ, а якыйсь парубокъ вголосъ пожартувавъ:—А видомо, цядьку, по старшыни батька въ лобъ!

— Ш-ша! — зашыпивъ, якъ гусакъ, Качковськый; де-хто зъ молоди прыснувъ, затуляючысь долонею.

— Выпый, диду, за панныне здоровья, се вже ій шиснадцять литъ скинчылось, вона у мене панна на выданню, — казавъ тымъ часомъ панъ, частуючы старого дида Ляша що стоявъ передъ паномъ, спершысь на ципокъ и прытыснувшы долонею почеплену на ципокъ шапку. Дидова правыця такъ тряслась, що винъ на сылу Божу влучывъ нею чарку, тай то розхлюпавъ половыну горилкы, несучы до рота.

— А дай Боже, дай Боже,—прошопотивъ дидокъ, зовсимъ не дочувшы, що саме панъ сказавъ,—дай Боже, здоровья и панови, й пани, и паничеви, и... и...—решта сливъ десь загубылось у кущастій сывій бороди старого.

Ляшъ хотивъ поставыты чарку на стилъ, але рука типнулась, чарка впала до долу й розбылась на скалкы. Инши диды охнулы зъ острахy, якыйсь панъ зъ гостей не втерпивъ и вголосъ промовывъ:—«И по що таку старызну склыкаты?»—Качковськый зробывъ люту мину, але панъ, надзвычайне ласкавый зъ радощивъ, сказавъ тилькы:—«To nic, to nic, to szczęście... подайте другу чарку».

Въ тій заметни Матроха, швыденько ткнувшы Гапку на рукы сусидци-куми, промкнулася въ дверы позъ Качковського, що прогавывъ іи нечерговый выходъ, вхопыла зъ мысныка малу шкляночку зъ зеленого шкла, звычайного мужыцького «половынчыка» (Матроха добре знала, де що стоить у панській пекарни), и, прыступывшы до пана, подала ёму того половынчыка, обвынувшы «для церемоніи» краечкомъ хвартуха.

— Ось-ось-о, прошу пана, порційка.

— Держы, бабо, — сказавъ панъ и налывъ Мартоси горилкы.

— Дай вамъ господы и зъ росы, и зъ воды, — прыговорювала Мартоха, кланяючысь разъ-по-разъ панови нызько-нызесенько, — щобысьте сыхъ менинъ и на безрикъ диждалы изъ паннунцею въ счасти, въ здоровьи. И дай вамъ Боже изъ панійкою дочечку до року до винця благословыты...

— Спасыби, бабо, спасыби, дай Боже! — перебывъ іи втишно панъ, думаючы, що «тостъ» уже скинченый.

Але Мартоха провадыла дали.

— И дай вамъ Маты Божа зятейка багатого тай унучечкивъ хорошыхъ, тай щобы панпунця въ золоти ходылы й на золоти йилы, тай якъ золото ясне, щобъ такъ було жыття счасне!—Тутъ Мартоха почала хылыты горилку маленькымы-маленькымы ковточкамы, крывлячысь, тежъ «для церемоніи», але не дуже потимъ, лышывшы трохы горилкы на дни, пидкынула брызгамы

вгору, пры тому вона не вымовыла вголосъ, якъ то звычайно, бажання «выбрыкуваты» панни, тямлячы, що то булобъ якось незугарно, — кожный же й безъ сливъ тямыть, протывъ чого тее пидкыдання. Поставывшы чарку на стилъ, Мартоха втерлася, дали обережно, мовъ святощи, поцилувала пана въ руку и тыхымъ крокомъ подалась до дверей, спустывшы очи и якось особлыво пидобгавшы губы.

— Чы ба', запышалась, панська пидлыза! — шепотилы молодыци, — думае, пидмастыла, то вже панська ласка такъ и сплыве на неи «и зъ росы, и зъ воды»! А якъ же!..

Панъ обернувся до гостя, що найблыжче сыдивъ, и промовывъ: — А треба прызнаты, що неразъ у такыхъ хлопськыхъ тостахъ трапляется якась наивна поезія, щось таке щыре, дытяче... Poczciwy ludek, якбы тилько нихто ёго не баламутывъ...

Панъ почастувавъ ще килькохъ старыхъ. Тыи «промовылы» далеко не зъ такою «поезіею», якъ Мартоха, — заикувалысь и мымрылы. Панъ, прыжмурывшысь, подывывся у сины, — тамъ бовванило щось багато poczciwego ludku. Панъ кывнувъ на Качковського.

— Слухай, коханку, ты вже тутъ самъ ихъ дочастуй, бо я...

Панъ, не договорывшы, передавъ половынчыка окомонови и выйшовъ, а за нымъ и паны гости. Въ синяхъ юрба, душачысь до млости, дала панамъ шыроку дорогу.

Покы панъ зъ гостямы дійшовъ до билого двору, Мартоха була вже тамъ, у зильныку, передъ ганкомъ. Вона заразъ же знайшла въ дивочому гурти своихъ дивчатъ и стала по-за Даркою й Ярыною, державчы на рукахъ малу Гапку (вона встыгла на бигу забраты іи видъ сусидкы); Улянка й Приська прытулылысь до неи сами. Поручъ зъ Мартохою стояло ще килька матирокъ, то поправляючы хусткы на дочкахъ, то перешиптуючысь мѐжы собою.

— Тамъ, кажуть, таки хороши застяжкы даватымуть, геть чысто шовкови, — казала высока, чепурна Олександра Чухаиха до Уляны Гречучыхы.

— Эй, де! — видшепнула та прызырлыво, — покоивка казала — пять грошей локоть. Або то наши паны що доброго дадуть? Оть, якъ за нáпасть...

— Цытьте-но, кумо, генде вже паны йдуть! — перебыла іи Олександра.

Зъ будынку на ганокъ выйшла панна Юзя зъ панночкамы-гостямы. Не вважаючы на довгу сукню, вона здавалась дытыною пры дорослыхъ товарышкахъ, — тоненькый, нерозвыненый станъ, маленьке, блиде лычко мало нагадувалы, що Юзя вже «панна на выданню». Вси панночкы малы, або намагалысь маты, безжурный пташыный выразъ, покручуючы головкамы та щебечучы; Юзя тежъ нагадувала пташку, але прыборкану, зъ прыхованою на дни погляду мріею вырватысь кудысь на волю, або въ ширшу клитку. За Юзею йшла покоивка зъ кошыкомъ, повнымъ стричокъ, поризаныхъ на ривни, не дуже довги кинци. Писля панночокъ въявылысь паничи, але не пишлы на самый рундукъ, а спынылыся въ дверяхъ и почалы поверхъ панянськыхъ головъ и плечей роздывлятыся на дивчатъ, хто въ pincenez, хто такъ, прыжмурывшысь. Паничи переморгувалысь межы собою, але ніякои крытыкы вголосъ не вымовлялы, може зъ увагы на панночокъ. За те панночкы ни на кого не вважалы и щебеталы, що спадало на думку.

— Чы то все дивчата, чы замужни? — пытала одна варшавянка и, не диждавшысь видповиди, засміялась, — ахъ, тутъ же й зовсимъ маленьки есть, що жъ то за mężatki? О чимъ я мыслю? Але то, що воны вси въ хусткахъ, то я думала... Скажить, чы то тилько въ поезіяхъ дивчата-селянкы бувають заквитчани? Якъ то у Мицкевича про винкы — «z róż, lilii i tymianku»...

— Не знаю, якъ де,—заважыла одна сильська панночка,— але тутъ на Полисси дуже шпетно одягаются.

— А правда, — докынула друга, убрана зъ велыкою претензіею, — дывиться, навить биле убрання на ихъ негарне.

— Чому?—озвалась несмило молоденька дочка посесора, — якъ чысте и добре выкачане, то...

— Але жъ прошу! — перебыла «елегантка», — «чысте, выкачане», що жъ то поможе, якъ воно зъ грубого полотна?

— И такы страхъ неформенно пошыте,—зновъ умишалась варшавянка, — не розумію, на що воны роблять таки вузьки рукава и таки шыроки выложысти комири, якъ хомуты.

— То, прошу панны Ванды, марынарськый стрій, — вкынувъ, сміючысь, панычъ Бронекъ.

— Milcz pan! — кынула ёму черезъ плече варшавянка, стрелывшы очыма, — панове не розуміются на строяхъ.

— Але на чимъ иншимъ, — докинчывъ Бронекъ, а варшавянка загрозыла ёму пальцемъ.

— Якъ такъ, то панська здатнисть до обсерваціи даремне пропадае, — завважыла, иронично всмихаючысь, чорнява, струнка «грабянка», — бо на Полисси страшно ордынарный типъ у селянъ, навить у молодыхъ дивчатъ.

— Вплывъ климату й оточення! — зъ удаванымъ педантизмомъ бовкнувъ Бронекъ.

— О, то мусыть буты дуже непрыемо мешкаты въ такому негарному краю! — сказала варшавянка.

— А певне! страхъ непрыемно! — потвердыло килька панянськыхъ голосивъ.

— Але то може не скризь по селахъ такъ, — защебетала варшавянка, — я соби то цилкомъ, цилкомъ инакше уявляла, бо якъ я бачыла разъ въ театри «Wesele na Mazowszu», то зовсимъ що-иншого, нижъ тутъ, — и строи и все, навить не зле, зовсимъ не зле...

Тымъ часомъ дивчата стоялы, збывшысь у гуртокъ, и не зналы, що початы. Панна Юзя тежъ була ни въ сихъ, ни въ тыхъ. Але покоивка перебыла ту ніяковисть.

— Чы паннунця кажуть имъ по одній сюда поступаты, чы нехай я имъ роздамъ, а паннунця подывлятся?

— Нехай прыйдуть сюды по одній

Покоивка поставыла кошыка па ганку, на поруччи коло Юзи, а сама метнулась выклыкаты дивчатъ.

— Ну, йдить хучій, котора тамъ найстарша, чы найменша, а то панна чекають. А бабы чого попрыходылы? — зашепотила вона до Даркы, — то жъ тилько дивчатамъ даватымуть.

Мартоха почула те и въ голосъ обизвалась.

— То мы, Марысю, тилько-но подывытыся прыйшлы. А я жъ и найменчу дивочку прынесла, вона жъ самейка не зайде, ще нижкы малейки, — и Мартоха голосно поцилувала свою мызыночку.

— Ну, на такыхъ дивочокъ ще кисныкы не порослы! — засміялася покоивка, — нехай-но перше косы выростуть.

— А воно на шапочку почепыть, — облеслывымъ голосомъ провадыла Мартоха, поправляючы на Гапци обшыту барвыстымы кытыцямы перкалёву шапочку. Але Марыся вже іи не слухала и зновъ почала клыкаты дивчатъ.

— Та йдить котора! Иды ты, Ярыно, ты засватана, тобі годытся передъ весты.

Ярына почервонила й сховалась за Мотруну.

— Ну, то ты, Мотруно!—и Марыся сипнула Мотруну за рукавъ.

— Эй, Бигъ-ма, не пиду, Бигъ-ма, не пиду, — забурмотила та, кыдаючы полохлыво чорнымы очыма на вси бокы.

— Иды ты, Дарко!

Дарка подывылась на Марысю мовчкы и не рушыла зъ мисця.

— Ото дурни дивкы, не хтять иты! — звернулась до Юзи вже розгнивана Марыся.

— Та, прошу паннунци, воны не сміють, — озвалась Мартоха, — бо то, видомо, зросло, якъ у лиси, тай що воно выдало? Нехай паннунця будутъ выбачни...

Говорячы те, вона крадькома пидштовхувала Дарку, щобъ та йшла, але Дарка стояла, якъ вмурована.

— То я вже сама имъ роздамъ, — зважыла Юзя и подалася зъ ганку внызъ по сходахъ, — Марысю, несы кошыка за мною.

И вдвохъ зъ Марысею Юзя почала обходыты дивчатъ, надиляючы кожну уризкомъ стричкы. Стричкы булы простеньки, зъ шовковои жычкы, такои, якъ на ярмаркахъ по яткахъ продаются. Багатшымъ дивчатамъ ти стричкы булы не въ дывовыжу, але вбоги булы ради, бо й такыхъ не малы. Юзя, почавшы зъ краю, спершу роздавала всимъ, и дорослымъ дивчатамъ, и малымъ дитямъ. Доросли сами нахылялысь и цилувалы панну въ руку, де-котри ще прымовлялы: «Дзинькую паннунци», а малыхъ матиркы, або старши сестры наштовхувалы, наказуючы: «Поцилуй панну въ руцю»! Зъ дорослыхъ тилько «дурна» Грыпа не вклонылась и не поцилувала рукы. Вона кынула сыненьку стричку до долу и сказала: «Не хочу! Дай красну»! Але «красной» Юзя не дала и пишла дали надиляты иншыхъ.

Вже десяткивъ зо два барвыстыхъ голивъ нахылылось до Юзинои рукы, але саме, якъ Мартоха выставыла свою Гапку черезъ Мотруныне плече до панны, покоивка сказала:

— Прошу паннунци, нехай не дають тымъ малымъ, а то дивкамъ не стане, тутъ уже небагато зосталося. Мале однаково не розумiе.

И Гапка зосталася базъ стричкы.

Надилено Мотруну, Ярыну, ажъ ось и Дарчына русява голова зъ непокрытою короною кисъ похылылась до билои ручкы панны Юзи; запечени видъ смагы уста торкнулы ту руку сухымъ поцилункомъ и промовылы безвыразно, спокiйно: «Дзинькую паннунци». Потимъ Дарка выпросталась и подывылась просто попередъ себе черезъ паннину голову кудысь у далыну.

— А це жъ моя Дарка, ровесныця паннунци, — не втерпила Мартоха, — ій же якъ разъ сёгодни симнайцятый рикъ пишовъ.

— Такъ? — зъ ласкавымъ усмихомъ промовыла панна Юзя и чогось поглянула на биле, дуже зашуроване убрання Дарчыне, але бильшъ ничого не сказала и, скинчывшы надилляння (де кому такы не стало), вернулась до ясного гурту панночокъ.

1—V 1905 року. Тифлисъ. **Леся Украинка.**

Матеріалы по этнографіи бессарабскихъ русиновъ.

Бессарабскіе русины или руснаки—малороссы сѣверной Бессарабіи — занимаютъ верхнее днѣстровское побережье и такъ называемую бессарабскую Буковину, соприкасающуюся съ австрійской провинціей того же имени, съ которой когда-то она составляла одно неразрывное цѣлое.

По своему внѣшнему облику бессарабскіе русины мало похожи на нашихъ малороссовъ. Ихъ часто съ перваго взгляда ошибочно принимаютъ за молдаванъ, ихъ сосѣдей. Дѣйствительно, благодаря продолжительной совмѣстной жизни съ молдаванами, они успѣли отъ нихъ кое-что перенять, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже и совершенно орумыниться.

Въ этнографическомъ отношеніи русины сѣверной Бессарабіи стоятъ въ ближайшемъ родствѣ съ русинами Буковины и Галиціи. Правда, минувшія столѣтія влили въ ихъ порѣдѣвшую, благодаря румунизаціи, массу не мало малорусскаго элемента изъ заднѣстровскихъ и заднѣпровскихъ губерній. Вслѣдствіе этого старинный русинскій типъ, въ особенности по днѣстровскому побережью, на югъ отъ города Хотина, является въ настоящее время нѣсколько видоизмѣненнымъ.

Всѣхъ русиновъ въ предѣлахъ Бессарабіи насчитываютъ 250 тысячъ.

Территорія, занимаемая русинами, обнимаетъ не болѣе 150 верстъ въ длину и 30—40 верстъ въ ширину. При столь сравни-

тельно ограниченной площади земли, бессарабскіе русины имѣютъ однако между собою кое-какія индивидуальныя отличія въ отношеніи своего внѣшняго и внутренняго быта. Въ отношеніи этихъ отличій они могутъ быть подраздѣлены на слѣдующія три группы: 1) буковинцевъ или русиновъ бессарабской Буковины, удержавшихъ болѣе другихъ старинный русинскій типъ, 2) русиновъ поселеній, прилегающихъ къ городу Хотину и въ 3) русиновъ, группирующихся возлѣ мѣстечекъ Бричанъ и Секурянъ.

Запись предлагаемыхъ матеріаловъ сдѣлана въ слѣдующихъ селахъ: Грозинцахъ (буковинское поселеніе), Каплевкѣ и Керстинцахъ (поселенія, прилегающія къ городу Хотину) и Вѣтрянкѣ (южное русинское село, неподалеку мѣстечка Секурянъ).

Мною записаны: 55 пѣсенъ (22 свадебныхъ, одна колядская, двѣ хороводныя и 30 различнаго содержанія), пять разсказовъ, четыре заговора, 26 загадокъ, 79 пословицъ и поговорокъ и одна молитва.

Небольшое количество свадебныхъ и колядскихъ пѣсенъ я уже имѣлъ случай помѣстить въ своемъ очеркѣ «Бессарабскіе русины». Изъ другихъ записей свадебныхъ пѣсенъ русиновъ (села Атакъ) мнѣ извѣстна запись г. Яблоновскаго въ его статьѣ «Весилля въ Отакахъ» (Кіев. Стар., май 1905 г.).

Записаны предлагаемые матеріалы отъ крестьянъ и крестьянокъ.

ПѢСНИ.

I. Свадебныя.

а) Записанныя въ с. Керстинцахъ.

1.

Хóды голубко по голубныку
Тай жалобно гуде,
А за нею сывый голубъ.
Чого-жъ ты, голубко, гудешъ?

Якъ же-жъ мени ны гудиты:
Вымкнулы пирца
Съ правого крильца
Еще вчера-а звечера.
Ходы молода по подвирычку
Тай жалобно плаче,
А за нею іи ридна мамка.
Чого ты, дочко, плачешъ?
Якъ же-жъ мени ны плакаты:
Росплелы кискы
На дрибни снизкы (мелкія косы).
Еще вчера-а звечера.

Поется въ субботу по окончаніи плетенія вѣнка невѣсты, сопровождаемаго обыкновенно плачемъ послѣдней.

2.

Зеленый барвинъ,
Зеленый барвинъ,
Калынка са ломы,
Дитятко са клоны:
Отцеви и мамочки,
Всеи мои родыночки,
Наименьшои детыночкы.

Поется въ субботу по окончательномъ изготовленіи для невѣсты вѣнка при исполненіи ею вслѣдъ за этимъ обряда троекратнаго земного поклона отцу, матери и всѣмъ роднымъ.

3.

Мама сына родыла,
Мисяцемъ обгородыла,
Сонцемъ вперезала,
Въ село выряжала,
Благословы, Боже,

Отецъ и маты
Свою детыну
Въ село выряжаты.

Поется въ субботу при отправленіи жениха къ священнику, роднымъ и знакомымъ съ приглашеніемъ на свадебный вечеръ.

4.

Просымо, батьку, зъ намы идитъ
Тай съ собою матку беритъ
Не въ далеку дорогу,
Лышь до столу молодого.
Куда батько ишовъ,
Туда васылёкъ зійшовъ,
Куда матка шла,
Туда мятка зійшла.

Этой пѣсней приглашаются къ жениху въ субботу посаженые отецъ и мать («батько» и «матка»).

5.

Сывый соколъ въ постолахъ скаче,
Въ червоныхъ чобиткахъ пляше,
И йистъ и пье и въ бубенъ бье,
Въ сопивочку грае,
Батька прыпрошае:
Батьку честный,
Батьку поважный!
Повечеряйты зъ намы:
Пшеничный хлибъ,
Солоткій мидъ,
Ще и выно зелене
Для батька поставлене.

Поется при приглашеніи посаженнаго отца (а также и другихъ гостей, находящихся въ комнатѣ) къ свадебному ужину.

6.

Изъ-за горы ясный мисяцъ снияе,
Изъ-за другои Иванъ конемъ грае,
На прави руци сриблый перстинь мае.
Грае — вигравае, свои Маріи перстинецъ даруе.
До него війшлы селяны Кирстечина (с. Кирстинецъ),
Сталы перстинецъ торгуваты.
Я сей перстинецъ ны даю — ны продаю,
Я его Маріи подарую.

Поется при отправленіи жениха за невѣстой.

7.

Бувай, матко, здорова,
Бо я вже ны твоя.
Дай вареныки кочалысти (круглыя)
Ще и волыки чубанысти.

Поется когда невѣсту забираютъ изъ родительскаго дома въ домъ жениха.

8.

Изъ-за горы мисяцъ снияе,
Выбирайся, Маріе, зъ намы.
Якъ же-жъ мени зъ вамы ся выбираты,
Ны хочы ненько сыви волы даты.

Поется тогда же, когда и пѣсня № 7-й, причемъ повторяется нѣсколько разъ, пока родители не выдадутъ дочери-невѣстѣ все ея приданое.

9.

Утворы, мамко, лиску,
Бо веземъ тоби невистку,

Еще и вареныки кочалысти
И волыки чобанысти;
Коровы тоби ны здоитъ,
Бо ся фоста боитъ,
Хлиба ны замисы,
Бо шмарокъ зъ носа высы.

Пѣсня, шутливо обрисовывающая неопытность новой молодой хозяйки, поется при въѣздѣ невѣсты съ приданымъ въ домъ родныхъ жениха.

10.

Впала звызда зъ неба
Тай россыпалася,
А молода позбырала
Тай обтыкалася.

Пѣсня имѣетъ въ виду украшенія въ видѣ звѣздъ на одѣяніи невѣсты, главнымъ образомъ въ головномъ уборѣ. Украшенія дѣлаются изъ сусальнаго золота.

11.

У нашого батька
Малёвана хатка,
Зелененьки лавочкы,
Шобъ сидалы свашечкы.

Поется въ понедѣльникъ «свашками», ѣдущими за носажеными отцомъ и матерью.

12.

А мы у батька булы,
Мидъ-горивку пылы,
Мидъ-горивку тай выно,
Дай ему, Боже, все добро.

Поется «свашками» и другими участниками свадебнаго поѣзда при возвращеніи отъ посаженаго отца.

13.

Ны дума́й ты, Маріе, ны дума́й,
Переплылы дви рички, а третій Дунай.
А за Дунаемъ черешенька съ ягидкамы,
Бо вже тоби ны гуляты съ парубкамы.
А вышенька-черешенька ны подастся,
А твій станочекъ до дивочекъ ны придастся (т. е. къ дѣвушкамъ уже не пристанешь).

Поется при исполненіи обряда покрытія головы невѣсты въ понедѣльникъ вечеромъ.

14.

По пидъ Каменецъ
Втолоченный гостинецъ (вбитая дорога).
Хто-жъ его вбывъ?
Иванко зъ боярамы.
Ему калына дорогу заступыла,
Виймавъ шабельку,
Ставъ калыну рубаты,
А до ёго калына
Стала промовляты:
Ны для тебы
Калына насажена,
Тилько для тебы
Марійка наряжена.

б) Записанныя въ с. Вѣтрянкѣ.

1.

А въ городи [1]) чернобрывци росцвитають,
Вже Марійци русу-косу росплитають.

---

[1]) Въ огороди.

Росцвилыся чернобрывци до лику,
Вже росплелы Марійци русу-косу до вику.

Поется въ субботу какъ во время самаго плетенія вѣнка для невѣсты, такъ и по окончаніи его.

2.

Свиты, мисяцу-роговычу,
Намъ всю дорожыцу,
Шобы мы ны зблудылы,
Виночка ны загубылы.

Поется въ субботу, когда идутъ за вѣнкомъ, который затѣмъ прикрѣпляется невѣстой къ шапкѣ жениха.

3.

Братъ сестру за стилъ веде.
И хто туби, сестро, наймильнищый?
Наймильнищый отецъ,
Наймильнища маты,
И молодый Иванко.
Стань, отецъ, передъ свое дытя,
Та выпый передъ нею
Повну, повнесеньку (т. е. рюмку вина),
Съ доброю долесечкою (т. е. съ пожеланіемъ до-
Станьты, маты, передъ мены, [брой доли).
Та выпыйты до мены
Съ повною, повнесечкою,
Съ доброю долесечкою.

Поется въ то время, когда ведутъ жениха и невѣсту за столъ на такъ называемый «Поссадъ».

4.

Йилы маточка, йилы,
Пивъ горобчыка зъилы,

Въ масельце мочаючы,
По столи качаючы.

Поется при усаживаніи за столъ посаженой матери.

5.

Туби, ненько, ны журытыся,
Туби, ненько, высылытыся:
Твоя дочка добра,
Піймала суби бобра
Въ зеленимъ жыти,
Въ червонимъ кармазыни.

Поется въ понедѣльникъ «свашками» предъ домомъ матери невѣсты послѣ отправленія изъ дома жениха.

6.

Буды-жъ намъ, буды-жъ,
Забарылы-жъ насъ люды,
Видъ пана молодого,
Бо мы служечки его.
Ны бійтыся, люды,
Ничого вамъ ны буды,
Якъ тамъ люды,
Такъ тутъ люды,
Ничого вамъ ны буды.

Поется послѣ предложеннаго въ домѣ невѣсты угощенія «свашкамъ». Пѣсня выражаетъ какъ бы боязнь послѣднихъ, чтобы женихъ не сердился на нихъ за продолжительное отсутствіе.

7.

Пропій са бы чуе (т. е. чувствуется приближеніе
Медъ-горивочку чуе; [конца свадьбы),

Будемъ са бы чуваты,
Шобы у свата ночуваты.

Поютъ, когда ѣдутъ на такъ называемый «Пропій».

8.

По за двери ны ховайтыся,
За поронци ны лякайтыся.
Просымо до хаты
Марійку даруваты.
Чого дары тугіи?
Бо сусиды скупіи,
Ныхтя насъ даруваты,
Бо сами са хотятъ
Гараздъ маты (т. е. имѣть побольше денегъ).

II. Хороводныя, исполняемыя во время праздниковъ св. Пасхи.

Записаны въ с. Вѣтрянкѣ

1.

Крывого танцу.

Туманъ танецъ выводы;
Шо выведе тай стане,
По дивочкахъ погляне:
Вси дивочкы у винкахъ,
Лышь идна безъ винка,
Тота моя мыленька.

2.

Довгои лозы.

Та скакалы терномъ козы.
Якъ бы кизка ны скакала,

Тобы нижку ны зломала.
Выйтыся, огырочки,
Та зылени пупляночки,
Най са вьють,
Най са вьють,
Най са дивкы виддають.
Гей якъ, якъ мыленького выглядаты,
Гей якъ, якъ мыленькому воротечка вычыняты,
Гей якъ, якъ мыленького пускаты,
Гей такъ, такъ.

Варіантъ хороводной пѣсни № 2-й, записанный въ с. Каплевкѣ.

Скакалы дыки козы
По пидъ попови лозы,
За нымы козынята
Поломалы ножынята
То угору, то въ долыну,
То въ гай, то въ калыну.

III. Колядская.

Записана въ с. Вѣтрянкѣ.

Качалася снигурочка,
А ны есть то то снигурочка,
А есть то то гришная[1]) панна,
Гришная панна,
Панна Параска.
По хати ходы,
Ключыки носы.
Гей вы, ключыки,
Та ны брынить,
Мого братчыка
Та ны збудить,

[1]) Конечно «гречная».

Бо мій братчыкъ
Та иструженный (утомленъ),
Сегодня съ Хотиня
Та и пріизженный (пріѣхалъ).
Тай прывизъ мени
Дви-тры радуци (радости):
Першая радисть —
Та дорóга сýкня,
Другая радисть —
Шоловый поясъ (шелковый),
Третття радисть —
Золотый перстинчыкъ.
Дорогá сýкня
Слидъ замитае,
Шоловый поясъ
Клубы врывае,
Золотый перстинчыкъ
На пальци сіяе.

IV. Пѣсни различнаго содержанія.

1.

Вчера була ныдилечка,
Сегодня другый день,
Ишовъ мылый коло мены,
Ны казавъ: добрый день.
Ни добрый день, ни добрый день,
Ни добраго слова,
Махнувъ, махнувъ фустынкою:
Будь, мыла, здорова.
Гей, у выру [1]) воду быру,

---

[1]) У источника.

Коромысло гнется,
Стоитъ мылый зъ другою
Тай зъ мены сміется.
Гей, ны смійся, мій мыленькій,
Смихъ и съ тебы буды,
Трусыла тя симъ рикъ трясця,
Щей на осьмый буды.
Колы мене, мылый, любышь,
Любимся обое,
Бо якъ зроблю лыхо тыхо,
Зигне тебе вдвое.
А ны зроблю я сама,
Зробы туби моя маты,
Таки туби буды лыхо
Видъ нашои хаты.
Ны зробыть моя маты,
Зробыть моя титка;
Змарніешь и счерніешь,
Якъ изъ ружи квитка.

с. Вѣтрянка.

2.

Летила пава,
На ворота впала,
Шо Иванъ, то Марійка,
То соби пара.
Хоть пара, хоть ны пара,
Мусыть буты пара,
Бо Марійка Иванковы
Поясъ засукала [1]).

---

[1]) Для уясненія содержанія этой пѣсни необходимо отмѣтить слѣдующій обычай у русиновъ. Дѣвушка, прежде чѣмъ парень засы-

Засукала, засукала
Въ дванацать гудзивъ (узловъ)
А винъ ще іи до того
Корецъ кукурузивъ.
Корецъ кукурузивъ,
Коробочку проса:
Купы, купы черевычки,
Та ны ходы боса,
А якъ цеси зносышь,
Я други куплю,
Лышь ны кажы свои неньци,
Шо я тебе люблю.

с. Вѣтрянка.

3.

Мала ненька сына
Тай его оженыла,
Молоду невистку
Тай зненавыдила.
Тай послала сына
Въ далеку дорогу,
Молоду невистку
Въ поле до лену:
Якъ доберешь лену,
То прыйды до дому,
А ны доберешь лену,
То ны йды до дому.
Брала ленъ, брала

лаетъ къ ней сватовъ, даритъ ему нѣкоторые предметы, въ родѣ платка, коверчика, пояса (см. стихъ пѣсни: «поясъ засукала») и т. п., что служитъ какъ бы залогомъ ея согласія на вступленіе съ нимъ въ бракъ. Подарки уже никогда не возвращаются дѣвушкѣ обратно, даже если бы свадьба почему-либо разстроилась.

Тай ны дибрала,
Та на своимъ поли
Тополею стала.
Прыйшовъ сынъ съ дороги
Тай впавъ неньци въ ногы:
Ненько моя, любко моя,
Де мо́я мыленька?
Ны пытай, сынку,
Де твоя мыленька,
Алы пытай, сынку,
Де барда [1]) гостренька,
Та зрубай тополю
На своимъ поли,
Бо то ны тополя,
Твоя ридна доля.
Шовъ я, ненько,
Тры почти молдови (молдавскія),
Ны выдивъ тополи,
Лышь на своимъ поли,
Взявъ я бардынку
Та вдарывъ я разъ;
Вона стала са просыты:
Я жъ ны тополя,
А твоя ридна доля.

с. Вѣтрянка.

4.

Шовъ Грыць зъ вечерныць
Темненькои ночи,
Якъ ся вдарывъ въ потылыцю,
Ажъ вылизлы очи.

с. Вѣтрянка.

---

[1]) Топоръ.

5.

Гей, на гори корчма,
Муромъ мурована,
Билемъ билёвана,
Тамъ стоить дивчына,
Якъ намалёвана.
А е въ ти корчми
Та два та тры женци,
Та пьють та гуляють,
Дивча пидмовляють:
Мандруй, дивча, зъ намы,
Зъ намы козакамы,
Буде лучше,
Якъ у риднои мамы.
Дурне дивча послухало,
Сило въ визокъ поихало.
Перевелы дивча
На свій розумочокъ,
Та повелы дивча
Въ вишневый садочокъ.
Та повелы дивча
Темнымы лугамы,
Та привязалы дивча
До сосны косамы.
Выкрысалы огню
Съ черного кремню,
Зацалылы сосну
Зъ верха до корня.
Сосночка горыть
Дивчына говорыть:
Хто въ поли ночуе,
Най мій голосъ чуе,
Хто дивча мае,
Най его научае:

Въ вечеръ до корчмочки,
Най ны пускае.

с. Вѣтрянка.

6.

По той бикъ Днистра, Днистра,
Тай тамъ сыдыть сестра,
Та пшеныченьку полы,
Та кукелецъ выбырае,
Свого братчыка выглядае.
Йиды, братчыкъ, йиды,
Ворота мынае,
А до мены биднои
Тай ны повертае.
Горе, горе въ чужыни жыты,
Та такъ горе жыты,
Якъ той камень злоймыты.
Камень здойму —
Тай спочыну,
А въ чужыни жыты —
Марно згыну.
Хто чужыны тай ны знае,
Ныхай мене попытае.

с. Вѣтрянка.

7.

Зацвыла калыночка
Тай дыренъ,
Любывъ мени гарный хлопецъ
Тай Семенъ.
Прышло мени съ Семеномъ до ладу,
Россыпала коралычки на леду,
Прышло жъ мени съ Семеномъ на биду,

Вызбырала коралычки на леду.
Я думала, шо Семенъ чоловикъ,
А Семенъ поблика[1]) на весь викъ.

с. Вѣтрянка.

8.

А зъ вышеньки на колоду
Впала Марія по пахи въ воду.
Серце Маріе,
Душу загубышь.
Скажы по правди,
Кого ты любышь?
Люблю медочокъ,
Бо винъ солоденькій.
Люблю Иванка,
Бо винъ молоденькій.

с. Вѣтрянка.

9.

На гори сосна,
Тоненька выросла.
Витеръ повивае,
Сосною хиляе.
Ны хилыся, сосно,
Бо шосъ мени тосно,
Бо я у чужыни,
Якъ на пожарыни.
Нихто ны порады
При лыхи годыни;

[1]) Дрянный человѣкъ.

Ны порады отецъ,
Ны порады маты,
Лышь тота дивчына,
Шо я хочу взяты.

с. Вѣтрянка.

10.

Тай чого-съ мени фортуна ны служы
Тай чого-съ мене мій мылый ны любы:
Зъ вечера цулуе, любуе,
А въ пивночь до другои мандруе.
На разсвити до дому прыходы,
А мене молодую видъ хаты видгоны:
Иды, невгидна, видъ мены,
Бо е у мены краща видъ тебы,
Най ихъ буде двацать и штыре,
А я май [1]) старша мыжъ нымы.
Де ты, моя мыла, старшыны са набрала?
Середъ церковци на иднимъ рушнычку стоялы,
Тамъ идному Богу мы прысягалы,
Тамъ я и старшыны са набрала.

с. Вѣтрянка.

11.

Гей ты, мій мыленькій,
Голубе сывенькій,
Не по правди жыешь:
Ты съ свого околу (двора),
А въ мои ворота,
Та до другои идешь.

---

[1]) Май старша = найстарша.

Посады, мыла,
Ты, голубко сыва,
На воротяхъ вербу́;
Якъ я буду йсты (итти)
Видъ тои другои
Тай до тебе поверну.
Гей посадыла
Тай ще полывала,
Верба коринь ны пryймае.
А иде мыленькій
Видъ тои другои
Тай до мены ны повертае.
Гей ходыть мыленькій,
Тай голубъ сывенькій,
Та по крути гори,
Та грае въ супилку
А въ биленькыхъ ручкахъ,
Та робыть жаль мени.
Ны ходы, мыленькій,
Голубе сывенькій,
По крути гори,
Та ны грай въ супилочку
А въ биленькихъ ручкахъ,
Ны робы жаль мени.
Обтерны, мыленька,
Голубко сывенька,
Терныною двиръ,
Шобы ны заходывъ,
Витеръ ны заносывъ
Тай до тебы голосъ мій.
Устелы, мыленька,
Голубко сывенька,
Тай китайкою двиръ,
Шобы я ны поралявъ
Червоныхъ чобитокъ,

А золотыхъ пидкивъ.
А шобы ты, мылый.
Тай, голубе сывый,
Тай ты того ны диждавъ,
Шобы ты мою червону китайку
Пидъ ногамы топтавъ.

с. Вѣтрянка.

12.

Прывыды-но мени, хлопче,
Коня вороного,
Чы ны заговорыть моя мыла
Тай до мены молодого.
Козаче ныбожы,
Воронъ-коныкъ ны поможы
Якъ ны любыла тай ны говорыла
И говорыты ны буду.
Прынысы-но мени, хлопче,
Золоте сидельце.
Чы ны заговорыть
Тай слово промовыть
Тай до мены мое серце.
Козаче ныбожы,
Сиделечко ны поможы,
Якъ ны любыла тай ны говорыла,
Говорыты ны буду.
Прынысы-но мени, хлопче,
Золоту нагайку,
Чы ны заговорыть
Тай слово промовыть
До мены на останку.
Козаче ныбожы,
Нагаичка ны поможы,
Якъ ны любыла, ны говорыла,

Говорыты ны буду.
Вже-жъ моя нагаечка
Хатою забренила,
А вже-жъ моя мыла,
Мыла чернобрыва
Тай до мены загудила:
Гей, мылый мій, мылый,
Мылый мій друже,
Ны бый мене дуже:
Мое тило билесечке,
Якъ папиръ тонесечке,
Бо болыть мене дуже.

с. Вѣтрянка.

13.

Молодыце молодая,
Маешь чоловика,
Кажышь мени прыходыты,
Збавышь мени вика.
Не бійся, гильтяеку,
Мого чоловика,
Доки въ саду барвиночку,
Доты въ него вика.
Кевала молодыця
Пальчыкомъ до мены:
Покень, покень ципъ па току,
Та ходы до мены.
Та покень, покень ципъ на току,
Шапку на стози,
Поверны та до мены
Колы по дорози.

с. Вѣтрянка.

14.

Любы мене, мій мыленькій,
Та ны кажы никому,
Бо рознесуть люды селомъ,
Якъ витеръ солому.
Любылыся, кохалыся
До повтора року,
Ажъ доки са ны дизналы
Ворожечкы зъ боку.
Любылыся, кохалыся,
Шобъ ненька ны знала,
А теперь са залышаемъ,
Бо ненычка взнала.
Пиду я на толоку,
Та накосю дроку,
Хто на мены ворогуе,
Шобъ ны диждавъ року.
А ни року, ни пивроку,
А ни годыночки,
Шобы его вытлумило (поубивало, уничтожило),
Шо до родыночки.

с. Вѣтрянка.

15.

Въ саду, саду
Трава зелененька,
Гниваеться, пани брате,
Моя мыленька.
Визьму я косу,
Траву пидкосю,
Спросю [1]) людый добрыхъ,

[1]) Соберу.

Най мылу пырыпросять.
Просятъ іи люды добри
И вся родынка,
Видей [1]), іи пырыпро́сы
Лыхая годынка.
Ты гора каминная,
Чомъ са ны лупаешь?
Ты дивчына безумная,
Чомъ са не прызнаешь?
Хиба-бъ я съ писку була,
Шобъ я са лупала,
Хиба-бъ я дурна була,
Шобы са прызнала.

с. Вѣтрянка.

16.

Доломъ-долыною,
Та заросла стешка
Тай терныною.
Терномъ заросла,
Пыломъ прыпала,
Червона калына понадвисала.
Визьму я косу,
Теренъ пидкосю,
Червону калыну
Въ пучкы вывъяжу.
Видъ насъ пишла
Щей дытыною,
До насъ прылетила
Щей пташыною.
Летила я черезъ два сады,

---

[1]) Вѣроятно.

А якъ закувала,
Та все ны туды.
Прылетила по надъ батькивскій садъ,
Та якъ закувала,
То прышло на ладъ.
Старый, старый!
Послухай мене,
Шо за пташына
Въ нашимъ саду е?
Гей, стара, стара!
Послухай мене:
То-то ны пташына,
А наша ридна детына,
Видъ насъ пишла детыною,
До насъ прылетила пташыною.

с. Вѣтрянка.

Варіантъ пѣсни № 16. Записанъ въ с. Каплевкѣ.

Тырномъ, тырномъ, терныною,
Давно була зъ родыною.
Я у дядьки росла,
Видъ дядьки пишла,
А та стешка тырномъ заросла,
Пыломъ прыпала,
Червона калына понадвисала.
Ой сяду я у вишневимъ саду,
Та якъ закую,
Увесь садъ розивью,
Якъ заплачу,
Увесь садъ прымочу.
Мій дядычокъ по двори ходы,
Нериднy мамку за ручку воды.
Старый, старый, послухаймо,
Шо въ нашимъ саду зозулька куе.

То-жъ ны зозулька,
То-жъ моя дочка,
Бона безъ доли уродылася,
Въ далеку чужыну виддалылася.

17.

Пиду въ садочокъ,
Нарву квиточокъ,
Нарву квиточокъ
Повный фартушокъ
Тай сплету винокъ,
Пустю на ставокъ,
Кто винокъ пiйме,
Той мене возьме.
Прiихавъ козакъ съ Краинушки (Украйны),
Привязавъ коня до калынушки,
А самый пишовъ
Винокъ лапаты.
Первый разъ ступнувъ —
По колинца вгрязъ,
Другiй разъ ступнувъ —
По поясъ загрязъ,
Третiй разъ ступнувъ —
По шыйку загрязъ.
Четвертый разъ ступнувъ —
Лышь му волосъ всплывъ.
Якъ волосъ всплывъ,
Тай заговорывъ:
Ны стiй, коню, коло калыны,
Иды дай знать до родыны,
Ны кажы, коню,
Шо я ся втопывъ,
Але кажы, коню,
Шо я ся оженывъ,

Били каминци —
То мои винци,
Жовти писочки —
То мои свашки.

с. Капліевка.

18.

Хтила мне маты
За мелныка даты.
Я мелныка ны люблю,
За мелныка не пиду:
Мелныкъ мирки выбирае,
А мене проклынае.
Хтила мне маты
За шевчыка даты.
Я шевчыка ны люблю,
За шевчыка ны пиду:
А швецъ ходы горою,
Та все смердыть смолою.
Хтила мне маты
За пысаря даты.
Я пысаря ны люблю,
За пысаря ны пиду:
Пысарь буде пысаты,
Мене дома лышаты.
Хтила мне маты
За панычя даты.
Я панычя ны люблю,
За панычя ны пиду:
Панычъ буде пануваты,
А я буду бидуваты.
Хтила мне маты
За косаря даты.
За косаря пиду:

Косаръ буде косыты,
Мене щиро любыты.

с. Капліевка.

19.

Ивась на току,
А я хатку мету,
У Ивася черни очи,
За Ивася пиду.

с. Керстинцы.

20.

Гонывъ тато маму
Та загнавъ у вовчу яму;
Гей, мамо, ны смутыся,
Зъ нашымъ татомъ ны сварыся.

с. Керстинцы.

21.

Черни очи, щей кучери,
Ото-сте мни докучылы,
Всю ничъ ходю тай моргаю,
А въ день роблю тай дримаю.
Черни очи! ходимъ спаты,
Треба рано вставаты.

с. Каплевка.

22.

Ой ты, Маріе, ой ты,
Куды до тебы зайты.
Садомъ, Иаане, садомъ,
У мены горивка зъ медомъ,

Щей коныкови обрикъ (зерновый кормъ),
Подушечка пидъ бикъ,
Щей коныкъ вороненькій,
Иванъ молоденькій.

с. Керстинцы.

23.

Ой у поли береза стояла,
На берези зозулька кувала.
Ой кувала, березу пытала:
Ой, березо, чому ны зелена?
Видки мени зеленою буты:
Пидъ долыною козакы стоялы,
Шабелькамы гиля постынялы,
Копытамы норы добувалы,
Шенкареви бутли[1]) налывалы,
Шобы повни булы.

с. Грозинцы.

24.

Злетивъ оревъ съ чорнои хмары,
Розбывъ, розлучывъ голубку съ пары,
Голуба убывъ на дырывыни,
Пирячко рознисъ по всеи родыни,
А голубку взявъ за свою любку
Тай повивъ іи въ садъ-выноградъ
Тай давъ яру пшыныцу.
Голубка ны йисть, голубка ны пье,
Лышь пидъ яблуньку тужыты иде.
Ой чо ты, голубко, ны йишь тай ны пьешь,

---

[1]) Сосуды для воды, водки и т. п.

Пидъ яблуньку тужыты идешь?
Я того ны йимъ тай того ны пью,
Витки мни йисты и пыты,
Нема съ кымъ жыты.
Ой е у мены симъ паръ голубивъ,
Выбырай суби якій бувъ твій мылый.
Хоть най будутъ двацать и штыре,
Нема тай ны буды,
Якъ бувъ мій мылый, чернобрывый.

с. Грозинцы.

25.

Ой на гори жито-жито,
Добре его жаты,
При долыни кырныченька
Коня напуваты.
Чо ты, коню, ны йишь, ны пьешь,
Лышь на воду дуешь?
Чо ты, сынку Васыленьку,
Дома ны ночуешь?
Якъ мени, моя мамко,
Дома ночуваты,
Яка ничка осилна (т. е. осенняя, длинная)
Не съ кымъ розмувляты.
Маешь коня вороного,
Розмовляй до раня.
Абы тоби, мамко,
Такъ лехко конаты,
Якъ мени лехко
Съ конемъ розмувляты.
Рубай, сынку, яворынку,
Будуть гладки клыня,
Сватай, сынку, сыротынку,
Буде господыня.

Та ны съ всякои яворынки
Буде гладке клыня,
Та ны съ всякои сыротынки
Буде господыня.
Гой на ставу, на ставочку
Качка каче (кричитъ)
Сватай, сынку, сыротынку,
Най богачка плаче.

с. Каплевка.

26.

Ой прыихавъ чумакъ
Съ Крыму на базаръ
Тай волы-жъ му ся поболилы,
Самъ чумакъ заслабъ.
Охъ заслабъ, заслабъ,
Щей дужы лыжыть
Тай нихто-жъ го ся ны спытае,
Шо его болыть.
Охъ болыть тило-голова,
Тай бидна-жъ моя головочка,—
Се-жъ чужа сторона.
Прыходыть чумакъ,
Товарышъ его,
Тай береть его за голову,
Жалуеть его.
Охъ, товарышу мій,
Ны жалуй мене
Тай возьми-жъ соби сыви волы,
Поховай мене.
А тоти други
Дай мои жени
Тай шобы-жъ вона спомынала
Мене въ чужи сторони.

Въ ныдилю чуть свитъ,
Та вдарылы въ звинъ,
Та збигалыся, зъизжалыся
Увесь чумацкій ридъ.

с. Каплевка.

27.

Надлетилы вóроны съ чужои сторопы,
Заплакалы брави хлопци,
Шо сыдя въ неволи.
Та якъ воны заплакалы,
Та ще и заголосылы:
А у кого-жъ мы, наши братя,
Сего заслужилы?
Чы въ Господа Бога,
Чы у сеи громады,
Шо насъ такыхъ молоденькыхъ
Въ некруты забралы.
Давай, соцкій, кони, кони-ворони,
Най повеземо до пріёму хлопцивъ молодыхъ!
Ой везуть ихъ, везуть,
Зъ дорогы ны звыртають,
А за нымы ридни мамкы
Зъ жалю умливають.
Ой везуть ихъ, везуть
Сывымы воламы,
А за нымы десятныкы
Зъ голымы шаблямы.
Ой везуть ихъ, везуть
Бытымы шляхамы,
А за нымы плаче дивчына
Съ чернымы бровямы.
Ой плаче вона, плаче,
Та ще и прыповидае:

На кого жъ ты, мій мыленькій,
Мене покыдаешь?

с. Каплевка.

28.

Въ ныдилю рано
Тай море ся розиграло.
Та ны море то-то грае,
То Ганына потопае
Тай на мамку покрыкае:
Гой, я, мамко,
Гой, виратуйты мене зъ моря!
Тай ны моя, дочко, воля
Ратуваты тебе зъ моря,
Васыля, дочко, воля.
Тай подай ему ручку
Тай подай ему оби,
Най ратуе тебе соби.

с. Керстинцы.

29.

Ой за горъ горы
Идуть-идуть мазуры,
Идуть-идуть мазурыки,
Идуть-идуть нывылычки.
Оденъ мазуръ старый,
А другый молодый.
Стукъ! Брякъ! въ виконечко.
Выйды, моя коханечко,
Дай коню воды.
Я ны можу встаты,
Коню воды даты:
Мени маты прыказала,

Шобъ я съ паномъ ны гуляла
— Матуси боюсь.
Ты матуси ся ны бійсь,
Сидай на мій визъ,
Мы пойидемъ въ добрый край,
Обручаемся тай звинчаемся
Мы обое съ тобою.
Идуть мазурыки,
Идуть-идуть нывылычки,
Ведуть-ведуть симъ паръ коней,
Самъ панъ чернобровый
Дивчыночку везеть.

с. Каплевка.

30.

Ганусю якъ я тебе сподобавъ
До тебе рано-ввечеръ
Славну стежечку втоптавъ.
Топче, топче, бравый хлопче
Я ще шырршу простружу,
По надъ твою дорожечку
Виноградъ засадю.
Засадю я виноградомъ, тополею,
Побудь, мій мыленькій,
Хоть цу ничку зо мною.
Ой радъ бы я, моя мыла,
Зъ тобою ночуваты,
Лышь боюся, моя мыла,
Шобъ походу ны втыряты.
Ны бійся, мій мыленькій,
Я зорю ны засплю,
Лышь запіють перши куры,
Я тебе розбудю.
Піють куры, піють други,

Уже трети часують,
Я, маленька, мыленького
Лышь за ручку стыснула.
Вставай, вставай, мій мыленькій,
Бо вже день биленькій,
Стоять кони осидлани,
Лышь на тебе чекають.
Нехай воны зачекають,
Нехай воны постоять,
Най я съ своею мыленькою
Хоть сю ничку говорю.

с. Каплевка.

РАЗСКАЗЫ.

1

Тры дурни.

Бувъ соби чоловикъ и жинка, та малы сынка Иванка и дочку Марынку. Оть давъ Богъ имъ свативъ и посваталы Марынку, але на друге село. Выпылы, якъ воно са належы, могорычь тай пишлы сваты. Стара шось вздумала суби, сила тай плаче. Входы старый тай пытае жынку: «чого ты, стара, плачешъ?» Жинка говоры: «якій ты, старый, дурный; а якъ Марынка буды родыты, то хто у неи буды за мошу? [1]) А старый говоры: «добре ты, стара, кажышъ», сивъ тай суби плаче. Плаче и Марынка. Входы Иванко тай пытае: чого це вы вси поросплакувалыся?» Мама каже: «якій ты, сынку, дывный; якъ намъ ны плакаты, якъ Марынка иде на друге село и буды родыты,

---

[1]) Повивальная бабка.

то хто у неи буды за бабу?» Иванко каже: «тьфу, щезнить! стари-сты та дурни. Пиду свитомъ видъ васъ. Якъ найду такыхъ трехъ дурнивъ, якъ вы, то вернуся до васъ, а якъ ны найду, то ны вернуся.» Перехрестывся, взявъ торбу хлиба тай пишовъ.

Иде́, иде́, иде́, та здыбае хату, въ котри чоловикъ не прорубавъ викна [1]). Чоловикъ вмеръ тай лышылыся викна непрорубани, а жинка ны знае, шо зъ ными робыты. Тай каже: «Боже, Боже мій мылосердный! Въ людскыхъ хатахъ вытко, а въ мои ни; шо я буду робыты? Беру сыто тай буду загоныты сонце до хаты.» Выйшла зъ хаты и куды сонце и вона бигае съ сытомъ въ рукахъ и крычытъ: «сонце! сонце! до хаты, бо въ людскыхъ хатахъ вытко, а въ мои ни.» Але иде Иванко, вбачывъ жинку тай каже: «день добрый!» «Доброго здоровля!» Пытае Иванко: «що вы, титочко, робыты?» «Ны бачы—ты сонце загоняю до хаты. Дала бы-мъ тры рубли, якъ бы мени хто порадывъ, шобы було мени вытко». А винъ каже: я заразъ порадю. Дайты пылу». Жинка говоры: «почекай ты, а то я зразу ны зможу найсты». Отъ нашла тай дала му. Взявъ Иванко пылу, прорубавъ викна тай каже: «а дитъ [2])—зашло сонце до хаты.» «Отъ, дай же вамъ, Боже, здоровля за це,» каже жинка тай дала му тры рубли. Взявъ Иванко гроши и самъ суби говоры: «Слава Богу! маю тры рубли, та вже найшовъ идну таку дурну, якъ моя мама».

Иде́, иде́, иде́ винъ тай захопыла го ничь. Просытся винъ на ничь до идной жинки. А та каже: «ны знаю, шо робыты, бо у мены свыня съ поросяткамы пидъ прыпичкомъ и хлибъ маю мисыты, та щей чоловика нема дома, боюся, шобы винъ мене ны

---

[1]) Въ селахъ, прилегающихъ къ мѣстечку Секурянамъ, существуетъ у нѣкоторыхъ русиновъ обыкновеніе не сразу пробивать въ новыхъ домахъ всѣ окна. Нерѣдко одна половина дома цѣлыми годами стоитъ безъ оконъ. Для послѣднихъ оставляются снаружи стѣнъ или только простые слѣды или же маленькія отверстія, куда проходитъ воздухъ.

[2]) А глядить.

сварывъ». «Ны бійтыся, титочко, я ся прытулю де-ныбуть на лавци, шобы лышь въ хати буты, тай сидае на лавку, а вона каже: «сидаете таки? то вже сидайты». Тай стала вона класты хлибъ до печи, а лёха [1]) съ пидъ прыпичка: «рохъ, рохъ, рохъ!» «А бодай же ты здохла, а бола [2]) на твою голову!» Крычытъ жинка на свыню: «вона мени сего досы ны робыла, а витколысты силы, то я ны знаю, шо сесе таке». А Иванко каже: «ны знаете, титочко, чого вона се вамъ робы? Я вамъ скажу. Вона мене пизнала, бо я съ Поросяткова; вона до роду [3]) крычытъ; хоче, шобы я іи взявъ». Жинка каже: «ой, любко, якъ бы вы цу биду видъ мены взялы». Иванко говоры: «возьму, титочко, якъ ны возьму»! Дае вона ему свыню съ поросяткамы тай каже: «Дай же, Боже, вамъ, чоловиче добрый, здоровля, що вы ся лучылы [4]). Я сбудуса цего клопоту». Иванко взявъ свыню съ поросяткамы тай займывъ ихъ напередъ себе.

Отъ прыходы чоловикъ до дому. Сюды ны туды тай пытае: «жинко, жинко! а наша лёха де съ поросяткамы?» А та каже: «Богъ бы тебе побывъ! ты хиба, поблико, ны тямышь, шо вона давно хоче до Поросяткова? Бода просты Боговы святому [5]), шо мени добрый чоловикъ лучывся, шо винъ іи взявъ, и я цего клопоту збулася, бо я черезъ свыню хлиба ны могла всадыты въ пичь». А винъ пытае: «але давно?» А жинка крычытъ: «ще я буду туби розсказуваты колы взявъ! болы [6]) шо винъ іи взявъ». Поторкотивъ, поторкотивъ [7]) чоловикъ на жинку, та увыдивъ, шо зъ дурною ничого не вскурае [8]), сивъ скорище верхомъ на

---

[1]) Свинья.

[2]) Болѣзнь.

[3]) Родныхъ.

[4]) Случились.

[5]) Благодареніе Богу.

[6]) Хорошо.

[7]) Поворчалъ.

[8]) Ничего не подѣлаетъ.

коня тай пойихавъ за Иванкомъ паздогинъ. А Иванко вздривъ, що его догоняютъ, тай запровадывъ свыню съ поросятками въ лисъ, а самый иде противъ чоловика. Чоловикъ пидъихавъ до него тай каже: «день добрый!» «Доброго здоровля!» «Прошу я васъ, вы ны бачылы, ны гнавъ часомъ чоловикъ лёхи съ поросяткамы?» А Иванко каже: «ба гнавъ, гнавъ. Якъ бы-сты пишки, то бы его догонылы, а верхомъ ны догоныты, бо паскудно йихаты.» А винъ каже: «Отъ сарачія! [1]) шо-жъ я съ конемъ зроблю?» А Иванко говоры: я вамъ го можу потрематы. «Отъ, спасыби вамъ, якъ вы». Злизъ чоловикъ съ коня и давъ его трематы Иванковы, а самъ, дай Боже ногы, за горбочокъ. Побигъ тай ны вытко до Иванка, а той утявъ фистъ коневы та застромывъ его въ землю, а коня завивъ въ лисъ и наробывъ крыку: «Ай, гвавтъ, гвавтъ! чоловиче, чоловиче! кинь лизе въ землю!» Той чоловикъ вчувъ тай прыбигъ назадъ. Вздривъ винъ шо Иванко трымае коня за фистъ тай говоры: «Боже! поможы мени коня виратуваты». Якъ ухопывъ за фистъ, та до горы тай лышь фистъ вытягнувъ. Поклавъ его на плечи тай пишовъ зъ плачемъ до дому: «Боже, Боже! шо мени се Ты давъ, шо я таке нышастя побачывъ: поверхъ лёхи съ поросяткамы ще и коня са збувъ».

А Иванко взявъ коня, свыню съ поросяткамы, тры рубли грошей тай вернувся до дому, бо найшовъ такыхъ трехъ дурнивъ, якъ батько, маты тай сестра.

с. Вѣтрянка.

2.

Святый Ныколай и Кассіянъ.

На мори потопавъ корабель зъ народомъ. Копитанъ роспорядывся, шобы всяка душа, скилько ихъ було на корабли, куныла свичкы, по тры гроши кажду, и шобы ся вси молылы и

---

[1]) Бѣда, несчастіе.

просылы св. Николая спасты ихъ видъ потопа. Святый Ныколай явывся съ Кассіяномъ. Каже св. Ныколай Кассіяновы: «ходимъ та виратуемъ корабель. Выдышь вси, скилько ихъ е на кораблі, каждый дає свичку за тры гроши». А святый Кассіянъ каже: «шо я буду талапатыся въ води за тры гроши. Иды, якъ маешъ охоту.» Взявъ тай пишовъ соби до Бога. Якъ винъ прыйшовъ, Богъ его пытае: «де святый Ныколай?» А Кассіянъ каже: «отъ тамъ, Боже, талапается въ води за тры гроши». Псля прыйшовъ и св. Ныколай до Бога. Пытае го Богъ: «де ты бувъ, Ныколаю?» А винъ ему каже, шо ратувавъ народъ съ корабля. Тогды Богъ говоры: «тобі, Ныколаю, за сесе на рикъ два празныки, не оденъ. а тоби, Кассіяны, въ штыре роки оденъ та и то въ ночи, а не въ день.»

с. Керстинцы.

3.

Гайдамаки.

Бувъ соби иденъ багачъ тай прожывавъ въ полю, у степу. Пишовъ винъ разъ на весилля, а вдома лышывъ дивку — свою дочку. Дочка, шобы іи не такъ було скушно и страшно въ ночи, пишла въ село за дивкамы. Отъ, вернулася вона до дому съ трема дивкамы, и началы ти прясты кудели. Прядуть воны, а господыня тымъ часомъ кладе въ печи вогонь. Але чують чужи дивкы, шо пидъ постелью якъ-нибо шось шопортается; поглядилы збоку туды тай вздрилы гайдамакивъ. Штурхнула идна другу, выйшлы на двиръ, а видты прутко втиклы до дому. Звертилася багацька дивка, шо ихъ нема, выйшла на двиръ, здывувалась, чого-то дивкы пропалы, тай вернулась до хаты. Сумно іи стало на серци, але варыть вона соби вечерю. Тымъ часомъ киточка зачала вавкаты. Вона и каже китци: «небого! будемъ лышъ обыдви вечеряты, бо не маемъ кумпаніи». А иденъ зъ гайдамакивъ и

видклыкается съ-пидъ постели: «ны журыся, дивко, будешъ маты кумпанію». Уздрила дивка гайдамакивъ тай ся напудыла, а ти, иденъ за другымъ, вылазять съ-пидъ постели. Ихъ було тры. Кажуть воны дивци, шобы дала имъ гроши. Веде дивка ихъ. Иденъ иде за нею, а вона вылизла на пилъ, взяла косу и, лышь прыйшовъ туды гайдамака, видризала му голову; потимъ прыйшовъ другый, вона и тому видризала голову, а нарешти и третёму. Напослидокъ сама стала якъ-нибо безъ души; такъ ся залякала.

Пріизжае тато зъ весилля и каже на подвирю; «дочко, дочко! видей тебе вже на свити нема, шо худоба моя рыкае голодна коло хаты.» Скоро винъ іи надыбавъ чуть жыву, бо вона тры дни зъ переляку ны йила а ны пыла; насылу лышь видходывъ тато свою дочку.

Отъ разъ прыйшовъ иденъ зъ бративъ гайдамакивъ, котрыхъ заризала дивка, та файный на вроду [1]) и зачавъ свататы у тата дочку. Тай засватавъ. Дядя зробывъ имъ весилля. Цилу недилю пылы та гулялы. Букурія [2]) була така, шо люде давно вже ны бачылы и ны чулы. Каже дочка дядеви посли весилля: «ны жалуйты, дядю, мени дерявого мишка зъ мукою». Тато давъ іи дрантывый [3]) мишокъ зъ мукою тай пойихали соби молоди на нове жытельство. Дорогою, якъ воны йихалы, жинка лышала зъ мукы слидъ, шобы знаты дорогу до свого тата.

Отъ прывизъ гайдамака жинку до себе въ свій двиръ, лышывъ іи съ своею мамою, а самъ пишовъ на полюване. Мама и каже жинци: «шкода тебе, дытынко, тай твого роду: ты бачышь — сесе пичь ся готуе для тебе: ты маешь въ ни ся спычы. Якъ хочышь ще вику маты, то послухай, шо я туби скажу. За годыну вернется твій чоловикъ. Беры шматя [4]) тай иды буцимъ

---

[1]) Красивый лицомъ.

[2]) Торжество.

[3]) Порванный.

[4]) Бѣлье, одежда.

его праты до кирныци. Коло кирныци е пень; завый его рушныкомъ, шобы винъ походывъ нибо на жинку, а сама тикай прутко до свого дому видъ смерты А якъ вернысся чоловикъ, я скажу, що ты мыешь сорочкы коло кирныци и ны забавышся тамъ »

Крѣпко налякалася жинка, але такъ и зробыла: взяла казанъ для воды, цыберчыкъ [1]), шматя и праныкъ [2]) тай пишла до кирныци, лышыла це все коло пеп, завыла пень рушныкомъ, тай пустылася бигцемъ черезъ лисъ по слиду зъ мукы. Здыбае вона на дорози тры пидводи и просытся у идного чоловика: «бадю! [3]) визмить мепе на визъ». А винъ ны хоче. Посли просе другого и той ны хоче. А третый, хоть мавъ благеньки бычкы, послухавъ жинку, взявъ іи и схоронывъ въ вози. Якъ завизъ винъ іи до дому, тато жинки надарывъ его гришмы и давъ ему пару добрыхъ волывъ.

Пройшовъ тыждень. Прыходы до тестя зять тай каже: «день добрый!» «Доброго здоровля!» каже тато. Пытае тато зятя: «що здорова дочка? якъ хазяюеты, що поробляеты?» А той каже: «шожъ, ны знаеты, якъ жинка въ хати». А жинка сыдыть соби въ хати свого тата на печи. Тогды тато зъ дочкою за те, що гайдамака хтивъ іи стрибыты, росклалы вогонь въ печи тай спалылы го тамъ. Шо мала жинка получыты, то ся дистало гайдамакови.

с. Каплевка.

---

1) Продолговатый деревянный сосудъ.

2) Небольшой деревянный приборъ для мойки бѣлья.

3) Хозяинъ.

4.

Хытрый хлопецъ.

Шлы селомъ два злодіи — Клымъ та Максымъ. Вбачывъ Клымъ хлопця тай кажы Максымовы: «ады[1]), мой[2]) Максымы, хлопецъ. Наймымо его». Порадылыся злодіи тай крыкнулы на хлопця: «мой хлопче! ны хочышь наймытыся у насъ?» Хлопецъ каже: «чого-жъ, бадіи[3]), можу наймытыся». Отъ идутъ воны вже вси трое, а напередъ ныхъ веде якій-съ газда[4]) въ мисто барана. Кажутъ злодіи хлопцу: «мой бры! якъ украдешь видъ чоловика барана, будешь у насъ служыты, а ны вкрадешь, то намъ тебе ны треба». А хлопецъ говоры: «чы вкраду барана? ны тилько барана, але вкраду и штаны съ чоловика». «Добре», кажуть ти. Идутъ воны дорогою, а хлопецъ пишовъ въ село буцимъ просыты хлиба, та десъ вкравъ жовтый чобитъ и вернувся назадъ. Пишлы воны лисомъ. Хлопецъ выйшовъ на дорогу тай добре замастывъ вкрачженный чобитъ и кынувъ его напередъ того чоловика, шо вивъ барана, а самъ утикъ въ лисъ. Надходы чоловикъ. Выды—лыжытъ чобитъ, але крѣпко заваляниый, та ще якъ-нибо и старый. Ны захотивъ винъ его браты и пишовъ соби дали, а хлопецъ выйшовъ зъ лису, взявъ обтеръ чобитъ и, другымъ бокомъ, зновъ кынувъ его напередъ чоловика. Увыдивъ чоловикъ зновъ чобитъ тай началъ жалуваты, шо ны взявъ той замаряный, бо принисъ бы жинци жовти чоботы. Прывъязуе винъ барана до корча[5]), а самъ вертается за тымъ замащеннымъ чоботомъ. Прыйшовъ туды, а его вже нема, вернувся назадъ и сего вже нема чобота, тай ще и барана нема. А хлопецъ укравъ ба-

---

[1]) Смотри.

[2]) Эй, братъ. Точная передача значенія этого слова, часто употребляемаго въ русинскомъ языкѣ, затруднительна. Слово «мой» нерѣдко встрѣчается въ сочетаніи съ словомъ «бры», усиливающимъ его.

[3]) Хозяева.

[4]) Хозяинъ.

[5]) Куста.

рана и повивъ дальше въ лисъ тай тамъ зарубавъ его, голову встромывъ на патыкъ [1]) тай забывъ у воду, такъ шо тилько вытко було пысокъ [2]) и рогы. Газда шукавъ, шукавъ барана та увыдивъ, шо зъ воды вытко тилько пысокъ и рогы, подумавъ, що баранъ ся топы въ води. «А шобъ тебе прымха взяла [3]), це мои злыдни [4]) съ тобою»... куды securityзъ!» — крычытъ винъ. Скынувъ штаны, полизъ за бараномъ, а хлопець зайшовъ тай укравъ штаны. Чоловикъ имывъ за рогы витягаты барана, а тамъ тилько голова. Выйшовъ винъ на берегъ, а тутъ вже и штанивъ нема.

с. Керстинцы.

5.

Заблудывъ.

Було то въ зыми. Прыйшовъ кумъ до кумы тай ны мавъ якъ до хаты війты, бо песъ загавкавъ. Якъ песъ начавъ гавкаты, жинка и каже чоловиковы, шобы винъ злизъ съ печи: «злизь хоть на прыпичокъ», а винъ съ прыпичка на пса: «гуйтъ, гуйтъ, гуйтъ»! А жинка съ печи: «якій же ты, чоловиче, лыдащій, та злизь хоть на землю». Чоловикъ злизъ на землю та все на пса: «гуйтъ, гуйтъ, гуйтъ!» Крычыть жинка: «але жъ ты, чоловиче, нелюдяный [5])! Шо ты боешься выйты хоть за поригъ, чы шо»? Выйшовъ винъ за поригъ, а жинка зновъ: «та выйды, мой, хоть по за хату». Пишовъ винъ по за хату тай травыть пса: «гуйтъ, гуйтъ, гуйтъ!» А кумъ изъ-за другои стины та въ хату тай каже: «запры, Маріе, хутко хату». Тарахъ замкомъ—тай замкнулы.

---

[1]) Палка.

[2]) Ротъ.

[3]) Чертъ побралъ.

[4]) Несчастіе.

[5]) Нехорошій.

Чоловикъ подывывся по двори, баче, шо нема никого, тай вертается назадъ до хаты, а тутъ... двери заперти. Крычыть до жинки: «Маріе! Маріе! вичыны». А кумъ съ хаты: «ны пиды, ны пиды, я туби дамъ Марію; тутъ де Марія?» Чоловикъ бере клыче собачку; дывытся — рябенька, иде до воритъ — нови ворота, щытае хату — трета видъ Киндрата. «Тьфу!» каже: «рябый песъ... нови ворота... трета хата видъ Киндрата — моя хата! Маріе! Маріе вичыны»,—крычыть винъ знovъ. А кумъ съ хаты: «почекай, почекай, я выйду до тебы; яка тутъ твоя хата!» Той ходы по пидъ викна босый тай знову клыче пса: дывытся — рябый, иде до воритъ — нови ворота, щытае хату — трета видъ Киндрата. «Щезны!» каже: «рябый песъ... нови ворота... трета хата видъ Киндрата—моя хата!» Зновъ стукае въ двери: «жинко! жинко! отворы». А кумъ съ хаты: «мой бры! витчипыся, бо якъ выйду до тебы съ хаты»...

Ставъ чоловикъ. «Агій[1]) шо це таке», говоры винъ: «вытко дило, шо я заблудывъ; якій-съ дидько мене воды». Иде видъ хаты и надыбае кошару[2]). Бачыть — корова лыжыть; всунувъ ногы пидъ черево коровы тай гріе ихъ, бо було дуже студено. Тымъ часомъ жинка выпустыла кума, стала на порози хаты та крычыть: «Иване! Иване! де ты подився? Та иды-жъ-но до хаты, бо ногы видморозышь!» Схопывся чоловикъ. Виходы зъ кошары тай каже: «ой, ой, ой! якъ же я змерзъ». А вона говоры: «любчику ты мій! А тилько я на тебе крычала, а ты ны обизвався, ты, видей, до кого-съ ходывъ»? Каже Иванъ: «я твого голосу, жинко, ны чувъ... на мене крычавъ той, шо я пидъ его хату пійшовъ. Вытко дило, Маріе, шо я заблудывъ... шось мене водыло, бо то ничь... Дывлюсь на пса — рябый, на ворота — нови, щетаю хату — трета видъ Киндрата... Крычу на тебе, колыжъ съ хаты якій-съ чужый голосъ мене сварыть... Отъ лыхо! Заблудывъ, жинко, вытко дило заблудывъ».

---

[1]) Проклятіе, обычное у русиновъ.

[2]) Строеніе для скота.

Взяла жинка въ хату чоловика тай высадыла на пичь, обкрыла ногы кожухамы тай каже: «Иванку! Иванку! якъ бы са твои ножки ны полупылы, кабы ты са ны простудывъ, бо посыротышъ дитый тай мене бидну зъ нымы». Тай стала Марія голубыты свого чоловика.

с. Вѣтрянка.

ЗАГОВОРЫ.

1.

Отъ такъ называемой болѣзни «золотныка» (желудочнаго происхожденія).

Золотныкъ съ крыку,
Золотныкъ съ пыску,
Золотныкъ съ охоты,
Золотныкъ зъ роботы,
Золотныкъ съ страхомъ,
Золотныкъ зъ лыхомъ часомъ,
Золотныче, золотныче,
Добрый чоловиче!
Я жъ тебе просю,
Я жъ тебе молю,
Золотныкъ бушае (бушуетъ)
Золотныкъ пидъ груды пидступае.
Беру-жъ я тебе
Пятема пальцамы, шестою долонею,
Съ пидъ груды тя видтягаю,
Пидъ пупъ тя установляю,
Сядь соби на свое мисцечко
Такъ, якъ царь на крислычко,
Ны сама я прымовляю,
Свята Пречыста помогае
Рабу Божію (имя).

Заговоръ повторяется обыкновенно три раза въ сѣняхъ подъ дымовой трубой («каглой») при ножѣ, иголкѣ и вѣникѣ.

с. Керстинцы.

2.

Отъ укуса собаки для уничтоженія послѣдствій испытаннаго страха.

Бигъ песъ черезъ овесъ
И заросывся и замочывся.
Якъ пы повадыло
Псовы въ вивсовы,
Такъ шобы мени ны вадыло.

с. Вѣтрянка.

3.

Заговоръ, чтобы дѣвушка скорѣе вышла замужъ.

Водычко Орданна (Іордана),
Видъ Бога наданна,
Обмываешь прылуги (луга),
Каминня и креминня,
Вербамъ кориння,
Возамъ колеса,
Конямъ копыта,
А воламъ ратыци (ноги)
Вивцамъ папороты (ноги)
А теперь обмываешь мене,
Видъ виры, видъ суруги,
Хрещенну, наврожденну Паладію.

с. Каплевка.

4.

От болѣзни «жовны» (опухоль шейныхъ желѣзъ).

Бувъ соби жовниръ,
Та мавъ девять жинъ,
Зъ девять висимь,
Зъ висимь симь,
Съ симь шисть,
Съ шисть пять,
Съ пять штыре
Съ штырехъ тры,
Съ трехъ дви,
Зъ двухъ идну,
Зъ идпои ни одпои.
Якъ ся розишлы жоны́,
Шобъ такъ розишлыся жовны́.

с. Керстинцы.

ЗАГАДКИ.

1. Маленьке, крывеньке все поле збигало (серпъ).

2. Безъ виконъ и безъ дверей повна хата людый (арбузъ).

3. Загородю хливецъ на пять овецъ, а межы тымы вивцамы золотый баранецъ (церковь, люди, священникъ).

4. Идно каже — свитай Боже, друге каже — не дай Боже, а треты каже — мени иднако якъ въ день, такъ и въ ничь (постель, двери, окна).

5. Червоный кугутъ, пидъ землею піе (свекла).

6. Черненьке, маленьке по пидъ землю ходы червонци, находы (плугъ).

7. А дядя ще ся ны вродывъ, а сынъ вже ся находывъ (дымъ).

8. Пало съ поду (чердакъ) — ны разбылося, пишло на воду — ны росплылося (пухъ, перья).

9. Порося зилизне, а фистъ мутюзяниый (питяный) (иголка).

10. Въ одни бочци два вина — биле и червоне (яйцо).

11. Шыло — мотовыло по пидъ небеса са выло (дымъ).

12. Шовъ волохъ (молдаванинъ) — розсыпавъ горохъ, зачало свытаты, винъ взявъ збыраты (заря, звѣзды).

13. Надъ водою трусы червоною бородою (калына).

14. Билый песъ воду хлепчы (пьетъ) («пранык» — небольшой продолговатый деревянный четвероугольникъ, которымъ выбиваютъ моющееся бѣлье).

15. Штыре братя: два назади, а два впереди бижутъ, николы одни другыхъ ны наздогонять (колеса).

16. Пидъ дубкомъ ся звывся клубкомъ (ежъ).

17. Середъ села зарызалы вола, въ кажди хати по букати (куску) (выкопанный колодезъ и вода изъ него).

18. Въ Коленкивцахъ дрова рубають, а въ Грозинцы трискы (щепки) литять (колокольный звонъ) [1].

19. Круть, верть въ черепочку смерть (блоха).

20. За лисомъ, за пролисомъ Костянтынъ кони гоны (гребешокъ).

21. Выса высыть, хода ходыть; выса — пукъ, хода — хапъ (яблоко и человѣкъ).

22. Корова лыжыть, шкира до воды бижыть (моющаяся рубаха).

23. Середъ лиса шматъ (кусокъ) желиза (змѣя).

24 Бизъ рукъ, бизъ нигъ на пидъ лизе (дымъ).

25. Сыдыть кугутъ на верби, спустывъ косы до земли (береза).

26. Пидъ борознóю перевернулася коза до горы ногамы (тыква)

[1] Коленкоуцы и Грозинцы — два смежныя буковинскія села.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ.

1. Якъ нема добра зъ ранку, то ны буды и на останку.

2. Пишла Гандзя въ поле жаты тай забула серпы взяты, вернулася за серпамы тай забула хлибъ съ торбамы.

3. Ны будышь торкаты, то нихто ны буды вичыняты.

4. Якъ бы знавъ, де упаде, то бы простылывъ.

5. На то курка гребе, шобы выгрибла.

6. Половына свита плаче, а половына скаче.

7. Чого бы плакавъ слипъ, якъ бы бачывъ свитъ.

8. Хто годенъ, той ны голоденъ.

9. Якъ лизе въ болото, то ще втрутыты треба.

10. Обибрався грыбомъ, то лизь въ боршъ.

11. Добры диты — винецъ, а лыхи кинецъ.

12. Одна сорока съ кола, а десять на килъ.

13. Чешыся тымъ рогомъ, котрымъ ся можешь дистаты.

14. Просылы на дорози, шобы ны буты на порози.

15. Шо въ воду впало, то пропало.

16. Ны тогды псивъ годуваты, якъ на влове [1]) итты.

17. Ны мала баба клопоту, та купыла порося.

18. Приде, ляше, и на наше.

19. На тоби, гоже [2]), шо мени ныгоже.

20. Рана птаха зубы теребе, а пизна очи протырае.

21. Говоримъ на вовка тай говоримъ и за вовкомъ.

22. Ны радъ песъ шо убытый, ще и ногою дрыгае.

23. Якъ освятывъ пипъ паску, то ны стое въ ласку.

24. Баба зъ воза — кобыли лехче.

25. Якъ ны пыригъ, то и ны пырожыся.

26. Якъ бы то знатя, яке у кума пытя.

27. Пишла по масло — въ печи погасло.

28. Петривный гній робеть на волахъ лій [3]).

---

[1]) Охоту.

[2]) Пріятелю.

[3]) Сало.

29. Не все въ середу Пе́тра.
30. Далеко куцому до зайца.
31. Старшый Грыцко якъ Параска.
32. Приде коза до воза, скаже: «ме-ке-ке, дай сина»!
33. Прышла середа — розигнала весилля.
34. Ны кажы «гопъ» доки ны перескочышь.
35. Дурный думкою богатіе.
36. Якъ тревога, то до Бога.
37. Ны журится мновъ[1]), бо я иду зновъ.
38. Чорты съ хвостамы жыють пидъ мостамы.
39. Бабине грымне[2]) всимъ людямъ дывне.
40. Гуляй, доню, ны бороню.
41. Мовчы, смутку[3]), въ кутку.
42. Лышь до Дмытра[4]) дивка хытра.
43. Де верба—тамъ вода.
44. Треба путя (ума) до жытя.
45. Чувъ звинъ та ны знае де винъ.
46. Носывъ сало доки стало.
47. Якъ стара стала баба, ны цулують хоть бы рада.
48. Меньше на двори — лехче въ голови.
49. Якъ са гараздъ маемъ, то и кумы насъ знають.
50. Якъ бидный са жены, то и ничь мала.
51. Купывъ бы панъ село, колы въ кышени голо.
52. Шо буде, буде, а ты, Мацьку, грай.
53. Яке йихало, таке здыбало.
54. Ны шукай пана доброго, а сусида.
55. Бида биди и па слободи[5]).
56. Дурного хресты, а винъ каже пусты.
57. Якъ Богъ годыть, то и вогонь горыть.

---

[1]) Форма твор. пад. ед. ч. лич. мѣст. 1-го л.

[2]) Ошибка, промахъ.

[3]) Бѣдняга, несчастный.

[4]) Осенній праздникъ св. Димитрія.

[5]) Среди русинскихъ поселеній есть не мало слободъ.

58. Старша свашка заведія (коноводъ), а на свашку вся надія (надежда).

59. Скачы, враже, якъ панъ каже.

60. Ласкаве теля дви мами сце (сосетъ).

61. Де не посіешь, тамъ ся вроды.

62. Береженного и Богъ береже.

63. Бодлыви корови Богъ рогивъ ны дае.

64. Плывъ, плывъ, а коло берега втопывся.

65. За мое жыто, та мене же быто.

66. Зъ вылыкои хмары дощу нема.

67. Ны дай, Боже, зъ Ивана да папа.

68. Куды голка, туды и нытка.

69. Выдя очи, шо быруть.

70. Ны стане кышка за начинку.

71. Хоче гыря[1]) кисныка[2]).

72. Якъ помастышь, то и поидешь.

73. Зійшовся Якымъ съ такымъ.

74. Кого Богъ любе, того навичжае (посѣщаетъ).

75. Сподивався дидъ на мидъ, та лягъ безъ вечери.

76. Каждый цыганъ свою кобылу фалыть.

77. Якъ бы ны диты, то бы добре въ корчми сыдиты.

78. Свыню пусты пидъ стилъ, а вона лизе на стилъ.

79. Ны бійся сердытого, а дурного: сердытый пересердытся, а дурный дурнымъ лышытся.

80. Бида ны ходы по лиси, а по людяхъ.

МОЛИТВА. *Сонъ Божьей Матери.*

Записана въ с. Керстинцахъ.

На Осыянски гори въ зилю, въ дывыни (бурьянъ).
Свята Пречыста спала, спочывала,

---

[1]) Волосы.

[2]) Ленточка, тесемка для волосъ.

Суса Христа дожидала.
Прыснывся іи сонъ пречудесный:
Шо іи сынка жыдова спіймала,
На трехъ древахъ роспинала:
Одно калына, друге малына, трете кедрына,
Ручки-нижки до дошки гвоздямы прыбывала,
На головку терновый винокъ надивала.
Его кровь струямы спускала,
Зъ землею мишала.
А Винъ говоры мами:
«Сесе не сонъ, а истая правда.
Мене жыдова спіймала
И на трехъ древахъ роспынала
И терновый винокъ на голову надивала,
Ручки-ножки гвоздямы прыбывала.
Въ ныдилю рано, якъ сонце сходе,
Свята Пречыста по раю ходе,
Іисуса Христа за ручку воде.
Превыла его на утреню,
Зъ утрени на осонощны,
Зъ осонощны на службу Божу,
Съ службы Божей на сыне море.
На сынимъ мори тамъ плыта лежыть,
На плыти престолъ сыдытъ,
А на престоли Іисусъ Христосъ лыжыть,
Ручки сложывъ, ножки стулывъ,
Передъ Богомъ свои раны утворывъ.
Пришлы до него Святый Петро и Святый Павло:
Іисусе Христе! шо ты гадаешь (думаешь),
Шо за насъ таки муки прыймаешь.
Винъ имъ каже: «ны пытайте мои муки,
Берить золотый крестъ въ руки,
Ходитъ по свити и на вики,
Заказуйты старому и малому,
Крывому и слипому, нимому и глухому,

Хто буде Пресвятои Маріи Дивы
Сонъ при соби носысы и молытву цу говорыты,
То якъ буде маты гриху,
Якъ въ мори писку, а на дереви лыстку,
А якъ буде умираты,
Богъ ему буде вси грихы прощаты,
Богъ пришле два ангела
И возмутъ его душечку
До раю свитлого, до покою вичного,
Де вси святи и праведни витпочываютъ,
И ангелы-херувимы писни спиваютъ. Аминь.

Сообщ. **Петръ Несторовскій.**

Дополненіе къ статьѣ

„Къ исторіи образованія въ Украйнѣ".[1])

1) О Переяславской семинаріи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ.

Найденныя нами въ старомъ архивѣ Кіевской духовной консисторіи три вѣдомости даютъ нѣсколько свѣдѣній о состояніи Переяславской семинаріи въ 1760-хъ и 1770-хъ годахъ.

Первая изъ нихъ вѣдомость за 1764 г. Въ этомъ году въ Переяславской семинаріи преподавали: префектъ и учитель риторики священникъ Назарій Яворскій (состоявшій въ то же время настоятелемъ Рождество-Богородичной церкви въ Борисполѣ), въ піитикѣ—священникъ Герасимъ Калѣновичъ, въ синтаксимѣ и грамматикѣ — священ. Іоаннъ Савѣнскій, въ инфимѣ и аналогіи — Кондратъ Стрѣха, неимѣвшій священнаго сана. Учащихся было 137 человѣкъ, изъ нихъ—71 разночинецъ и 66 духовныхъ. По классамъ распредѣлялись такъ: въ аналогіи 19, въ инфимѣ 20, въ грамматикѣ 13, въ синтаксимѣ 33, въ піитикѣ 14 и въ риторикѣ 38.

По вѣдомости 1770 года префектомъ семинаріи былъ священникъ Іоаннъ Савѣнскій, преподававшій вмѣстѣ съ тѣмъ въ школѣ риторику, бывшій въ 1764 г. учителемъ синтаксимы и грамматики (единовременно съ преподаваніемъ въ семинаріи онъ состоялъ, какъ кажется, настоятелемъ въ Переяславѣ, въ Преображенской церкви, а послѣ былъ настоятелемъ Переяславской Покровской церкви и членомъ консисторіи).

---

1) См. Кіев. Стар. № 9.

Въ остальныхъ школахъ въ 1770 году преподавали: въ піитикѣ—Стефанъ Максимовичъ, свѣтское лицо, въ синтаксимѣ и грамматикѣ—іеродіаконъ Авраамъ, въ инфимѣ и аналогіи—Лука Романовскій, свѣтскій. 169 учащихся такъ распредѣлялись по классамъ: риторика—53, піитика—25, синтаксима—20, грамматика—14, инфима—12, аналогія—45. Дѣтей разночинцевъ въ семинаріи было въ данномъ году 73, духовныхъ значительно больше—96.

Такимъ образомъ начинается наблюдаемое и дальше увеличеніе количества учениковъ изъ дѣтей духовенства и уменьшеніе учащихся изъ свѣтскихъ. Первому содѣйствовали мѣры синода и мѣстныхъ архіереевъ, старавшихся о поднятіи образованія въ духовенствѣ, а также упроченіе новаго пути къ священству — не чрезъ избраніе прихода, а благодаря архіерейскому назначенію; второе было показателемъ пониженія вкуса къ образованію въ народѣ, экономическое положеніе котораго падало и котораго все больше и больше порабощало крѣпостное право, въ 1780 годахъ окончательно въ Малороссіи введенное.

17 сентября 1773 года епископъ Іовъ Базилевичъ открылъ въ семинаріи Переяславской школу-философію [1]). Вѣдомость 1774 года даетъ такія свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи Переяславской семинаріи, только что увеличившей курсъ своихъ наукъ. Въ новооткрытой 17 сентября 1773 года школѣ философіи сталъ преподавать учительствовавшій съ конца 1771 года въ семинаріи въ школѣ риторики священникъ Петръ Васильевичъ Базилевичъ, братъ епископа Іова; онъ-же все время епископства въ Переяславѣ брата (1771—1776 гг.) былъ префектомъ семинаріи. Въ другихъ школахъ 1774 г. учительствовали: священникъ Димитрій Смолодовичъ—въ риторикѣ, Иванъ Сподинскій, свѣтскій, въ грамма-

---

[1]) Найденная нами вѣдомость 1774 г. (см. въ стар. арх. Кіев. дух. кон.) даетъ несомнѣнныя данныя для этого утвержденія; такимъ образомъ должно быть отвергнуто принятое было въ печати положеніе, что философія открыта была въ Переясл. семинаріи въ 1774 г.

тикѣ и Иванъ Воскобойниковъ, тоже свѣтскій, въ аналогіи [1]). Учащихся въ 1774 году было 232. Разночинцевъ обучалось: въ аналогіи—22, въ грамматикѣ—14, въ риторикѣ—21 и въ философіи—6, всего—63. Количество воспитанниковъ изъ духовныхъ въ 1774 г. превышаетъ количество свѣтскихъ уже больше чѣмъ въ два съ половиною раза: ихъ было 169. По классамъ дѣти духовенства распредѣлялись такъ: аналогія—56, грамматика—42, риторика—60, философія—11.

Еще одно дѣло стараго архива Кіевской консисторіи даетъ нѣкоторыя данныя о Переяславской семинаріи—въ 1771—72 годахъ. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти отрывочны. Узнаемъ, что въ 1770—71 учебномъ году въ Переяславской семинаріи преподавали слѣдующія лица: въ риторикѣ префектъ Іосифъ Камѣнскій, въ піитикѣ—Стефанъ Максимовичъ, въ синтаксимѣ и грамматикѣ Лука Романовскій, въ аналогіи и инфимѣ—Василій Россинскій (всѣ свѣтскіе). Въ слѣдующемъ учебномъ году (1771—72) былъ такой составъ лицъ преподающихъ: учитель риторики и префектъ—вышеупомянутый Петръ Базилевичъ, учитель піитики Лука Романовскій, преподававшій въ предыдущемъ году въ синтаксимѣ и грамматикѣ, гдѣ теперь преподавалъ бывшій учитель аналогіи Василій Россинскій, уступившій свое мѣсто учителя аналогіи Григорію Шишацкому.

Получаемъ также извѣстіе, что въ іюлѣ 1771 года всѣмъ четыремъ преподавателямъ семинаріи изъ суммъ «кондиціональныхъ» (т. е. полученныхъ съ новорукоположенныхъ священниковъ и діаконовъ) выдано было по 10 рублей. Дальше, въ теченіе 1771—72 учебнаго года (какъ, кажется, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ—какъ прежде, такъ и послѣ этого года) преподаватели получали свое жалованье изъ «казны архіерейской» по третямъ въ такомъ размѣрѣ: префектъ и учитель риторики 10 рублей въ треть, учителя піитики и грамматики (съ синтаксимой)—по 8 рублей 33⅓ коп.,

---

[1]) Классы—инфима, синтаксима и піитика въ вѣдомости 1774 г. вовсе не упоминаются; они, видимо, были соединены—инфима съ аналогіей, синтаксима съ грамматикой и піитика съ риторикой.

учитель аналогіи и инфимы—по 6 рублей $66^1/_3$ коп. Изъ той-же «казны архіерейской», составлявшейся изъ сборовъ съ духовенства—и главнымъ образомъ со ставленниковъ, покупались и учебники для семинаристовъ: такъ, въ іюлѣ 1771 г. епископъ Іовъ выдалъ изъ казны 150 рублей на покупку въ Москвѣ «нужныхъ для семинаристовъ книгъ»; въ февралѣ 1772 г. куплены были въ «Кіевѣ 40 «Платоновскихъ катихисисовъ» (т. е. катихизисовъ, написанныхъ Платономъ, впослѣдствіи бывшимъ митрополитомъ Московскимъ), при чемъ за каждую книжку «катихисиса» платили по 15 копѣекъ. Не лишена своей выразительности такая запись, указывающая на экстраординарный расходъ «казны архіерейской»: 23 мая 1772 г. «куплено семинаристамъ ради праздника Вознесенія Господня мяса за рубль».

2) Семинаріи въ Лѣвобережной Украйнѣ въ 1785—97 годахъ.

Въ періодъ времени съ 1785 по 1797 гг. въ Лѣвобережной Украйнѣ было четыре семинаріи.

Древнѣйшая изъ нихъ—Черниговская, основанная Іоанномъ Максимовичемъ въ 1700 г., полвѣка существовала безъ двухъ высшихъ классовъ—философіи и богословія, безъ послѣдняго-же обходилась еще четверть вѣка. Въ 1790 г. въ ней обучалось 426 человѣкъ, въ томъ числѣ разночинцевъ всего 40 (между тѣмъ какъ въ первой половинѣ 18 вѣка число разночинцевъ значительно превышало количество духовныхъ). Распредѣлялись они по классамъ такъ: богословіе—13, философія—49, риторика—101, піитика—39, высшій классъ латинской грамматики—121 и низшій классъ грамматики—103. Въ 1797 г. въ этой семинаріи было 716 учащихся [1]), изъ нихъ разночинцевъ—88. Въ богословскомъ

[1]) Столь значительное увеличеніе количества учащихся, надо полагать, вызвано было послѣдовавшимъ въ началѣ 1797 г. закрытіемъ сосѣдней Новгородсѣверской епархіи и вмѣстѣ съ нею и семинаріи въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

классѣ училось 52 человѣка, въ философскомъ—72, въ риторикѣ—142, въ піитикѣ—120, въ высшемъ грамматическомъ—169, въ низшемъ—161.

Вторая по времени своего основанія (въ 1730 г. Арсеніемъ Берло), Переяславская семинарія, преподаваніе философіи въ которой началось въ 1773 г., а богословія—въ 1781 г., послѣ закрытія самостоятельной Переяславско-Бориспольской епархіи указомъ 28 марта 1785 г. была подчинена Кіевской академіи и утратила характеръ законченной школы—классы философіи и богословія были закрыты. Въ 1785—1797 гг. эта семинарія состояла изъ слѣдующихъ классовъ: риторики, піитики, высшаго грамматическаго и низшаго грамматическаго. Учащихся здѣсь было: въ 1790 г. — 205 человѣкъ, изъ которыхъ разночинцевъ — 55, въ 1797 г.—237, въ томъ числѣ 52 разночинца. На рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ Переяславская семинарія снова сдѣлана была полной со всѣми классами.

Во время существованія епархіи Новгородско-Сѣверско-Глуховской, 1785—1797 гг., была семинарія въ Новгородъ-Сѣверскѣ. Открыта она была въ 1785 г. въ сентябрѣ и, кажется, сразу-же, имѣла всѣ классы [1]). Въ 1790 г. здѣсь обучалось 473 человѣка, изъ нихъ разночинцевъ только 28. Въ богословіи было 20 учениковъ, въ философіи—27, въ риторикѣ—132, въ піитикѣ—112, въ низшемъ—125.

Въ концѣ 70-хъ годовъ XVIII вѣка, вслѣдъ за учрежденіемъ въ 1775 г. епархіи Словенско-Херсонской, скоро переименованной въ Екатеринославскую, учреждена была еще одна семинарія въ Лѣвобережной Украйнѣ—въ Полтавѣ, которая избрана была временной резиденціей архіереевъ новой епархіи. Въ Полтавѣ се-

---

[1]) По сей вѣдомости, еп. Иларіонъ, переведенный въ 1785 г. изъ Переяслава въ Новгородъ-Сѣверскъ, перевелъ съ собою большинство учениковъ Переяславской семинаріи въ новооснованную семинарію.

минарія эта просуществовала около 20 лѣтъ. 21 января 1786 г. здѣсь открытъ былъ заключительный классъ—богословскій. Въ 1789 г. здѣсь училось 271 человѣкъ, изъ нихъ разночинцевъ—73; по классамъ они распредѣлялись такъ: богословіе 9, философія—16, риторика—84 [1]), высшій классъ грамматики — 59, низшій—45, россійскій классъ—58.

Въ 1790 г. обучалось 292 человѣка, изъ нихъ 76 разночинцевъ (въ богословіи учениковъ было 16, въ философіи 26, въ риторикѣ 88, въ высшемъ грамматическомъ—54, въ низшемъ—58, въ россійскомъ классѣ—50). Въ 1793 г. здѣсь учащихся было 309, въ томъ числѣ 78 разночинцевъ (въ богословіи училось 18, въ философіи — 35, въ риторикѣ — 62, въ піитикѣ или школѣ поэзіи—46, въ высш. граммат.—65, въ низшемъ—54, въ россійскомъ классѣ—28). Въ 1797 г. училось въ Екатеринославско-Полтавской семинаріи 319, изъ которыхъ разночинцевъ было 66 (въ богословіи — 14, въ философіи — 25, въ риторикѣ — 77, въ піитикѣ—30, въ высш. граммат.—49, въ низшемъ—50, въ россійскомъ классѣ—74).

Въ Екатеринославско-Полтавской семинаріи въ данное время обучались: авторъ «Перелицованной Энеиды» и «Наталки-Полтавки» Ив. П. Котляревскій, пробывшій въ семинаріи съ 13 февраля до лѣтнихъ каникулъ 1789 г. (когда онъ вышелъ изъ богословскаго класса, немного не вполнѣ закончивъ семинарское образованіе), и переводчикъ «Иліады» Гомера Ник. Ив. Гнѣдичъ, поступившій въ семинарію 3 ноября 1792 г. и неизвѣстно когда изъ нея выбывшій [2]).

Преподавателями указанныхъ семинарій въ данное время были преимущественно малороссы. Такъ, въ 1790 г. изъ 7 на-

---

[1]) Въ вѣдомостяхъ этой семинаріи за 1789 и 1790 гг. почему-то вовсе не показаны ученики піитики.

[2]) Въ спискахъ 1793 г. онъ значится въ числѣ учениковъ низшаго класса латинской грамматики, при чемъ въ графѣ—«въ наукахъ имѣютъ ли понятіе?» о немъ значится «остръ, успѣваетъ хорошо»; въ спискахъ 1797 г. мы его уже не нашли.

чальствовавшихъ и учившихъ въ Черниговской семинаріи малороссовъ было 6 (1—префектъ и богословія учитель—великороссъ); всѣ 3 преподавателя Переяславской семинаріи—малороссы, изъ 7 учителей Новгородско-Сѣверской семинаріи — 6 малороссовъ (1— преподаватель французскаго языка—иностранецъ), въ Екатеринославско-Полтавской — изъ 9—7 малороссовъ (1 уроженецъ Семиградской области—ректоръ и 1 венгръ—учитель нѣмецкаго языка [1]).

Вл. П—ко.

---

[1]) См. дѣла архива св. синода—1790 г. № 344, 1791 г. № 361, 1794 г. № 417 и 1797 г. № 641.

Участіе запорожскихъ козаковъ въ возстановленіи (іерусалимскимъ патріархомъ Өеофаномъ) православной южно-русской церковной іерархіи въ 1620 году.

На Брестскомъ соборѣ, состоявшемся въ 1596 году, кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза съ тремя подвѣдомственными ему епископами принялъ унію, и тогдашній польскій король Сигизмундъ III отдалъ приказъ, чтобы и всѣ западно-русскіе православные епископы съ подвѣдомственными имъ паствами приняли унію, угрожая карою тѣмъ, которые не измѣнятъ православію. Но тогда же, въ томъ же Брестѣ, одновременно состоялся соборъ изъ множества ревнителей православія—епископовъ, князей, игуменовъ, священниковъ, дворянъ и выборныхъ отъ разныхъ городовъ и приходовъ, а особенно отъ церковныхъ братствъ. Всѣ они единодушно отвергли унію, предали проклятію всѣхъ отступниковъ отъ благочестія и дали за весь литовско-русскій православный народъ зарокъ или обѣтъ твердо стоять за сохраненіе православія, не щадя живота своего. Вслѣдъ затѣмъ они отправили къ Сигизмунду III петицію о низложеніи владыкъ-отступниковъ и о разрѣшеніи избрать на ихъ мѣста изъ шляхетскаго сословія лицъ, исповѣдующихъ греческую православную вѣру.

Отвѣтомъ на таковую петицію были тяжкія гоненія противъ всѣхъ ревнителей православія, а по преимуществу противъ епи-

скоповъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, для удержанія за собою архіерейскихъ каѳедръ, измѣнили православію, а твердые въ благочестіи были удалены изъ своихъ епархій и замѣнены приверженцами уніи. Спустя двадцать пять лѣтъ послѣ Брестскаго собора, на всю православную Русь, подвѣдомственную польскому королю, остался только одинъ епископъ Львовскій Іеремія Тиссаровскій, не принявшій уніи. Посполитая рѣчь тѣшила себя надеждою, что съ прекращеніемъ православной іерархіи сама собою уничтожится греко-россійская вѣра въ литовско-русскомъ краѣ. Но надежда эта не осуществилась, благодаря главнымъ образомъ заботливости запорожскихъ козаковъ о возстановленіи православной іерархіи.

Передъ описаніемъ живого участія запорожцевъ въ возстановленіи іерархіи, мы считаемъ весьма умѣстнымъ сообщить нашимъ читателямъ религіозно-нравственную характеристику запорожскаго войска, сдѣланную тогда же самыми компетентными въ этомъ дѣлѣ лицами. Въ рукописномъ синодальномъ архивѣ западно-русскихъ уніатскихъ митрополитовъ, подъ № 458, значится протестація кіевскаго митрополита Іова Борецкаго, которую онъ съ другими іерархами отъ 28 апрѣля 1621 года представилъ польскому королю Сигизмунду Ш. Въ этой протестаціи Іовъ Борецкій, между прочимъ, такъ пишетъ: «Козаки—нашъ родъ, наши братья и христіане православные. О нихъ думають, что они простецы, не имѣющіе ни занятій, ни разума, что они отъ духовныхъ получили внушеніе... У нихъ отъ природы острый умъ и Богомъ дарованная разсудительность. Ревность же по вѣрѣ, усердіе и любовь къ церкви издавна живутъ въ нихъ и процвѣтаютъ... До сего дня они рождаются, крестятся и живутъ въ той христіанской вѣрѣ, которую ихъ предки вмѣстѣ съ Владиміромъ Святымъ приняли отъ Константинопольской церкви. Живутъ они не какъ язычники, а какъ христіане; имѣютъ священниковъ, изучаютъ святое писаніе, знаютъ Бога и правила своей церкви. Когда пускаются въ море, они прежде всего творятъ молитву, свидѣтельствуя, что за вѣру христіанскую идутъ на невѣрныхъ.

Другою своею цѣлью ставятъ освобожденіе взятыхъ въ неволю. Даютъ при этомъ благочестивые обѣты: часть добычи удѣлять на церкви, монастыри, «шпитали» и на духовенство. Ради спасенія души своей выкупаютъ невольниковъ; церкви новыя и монастыри строятъ и обогащаютъ. Если въ пустынныхъ мѣстахъ они памятуютъ о вѣрѣ и благочестіи, то тѣмъ болѣе должны радѣть и заботиться, по возвращеніи домой, въ волости, имѣя отцовъ, братьевъ и родныхъ среди духовенства... Раньше того, какъ мы стали іерархами и какъ мы поселились въ Кіевѣ и на Украйнѣ, они о своей вѣрѣ заявляли, писали и присягали. Вѣдомо и слышно далеко, что они не только не нуждаются въ побужденіяхъ къ тому со стороны духовныхъ лицъ, но и сами наблюдаютъ, какъ за ними, такъ и за мѣщанами, напоминаютъ имъ, даже съ угрозами, чтобы въ вѣрѣ никакой не было перемѣны и чтобы съ отступниками уніатами не было общенія. Достаточно вспомнить о томъ, что недавно было и что едва не произошло въ Печерскомъ монастырѣ изъ-за того, что кіевскій бискупъ вошелъ въ олтарь. Какой ропотъ былъ и какое раздраженіе! Едва ихъ успокоили. Жалобу на монаховъ Печерскаго монастыря подали въ самое Запорожье, въ генеральное коло... Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что они имѣютъ свѣдѣнія о преслѣдованіи православныхъ уніатами: изъ разныхъ уѣздовъ, изъ городовъ и деревень, приходятъ люди для вступленія въ козачество—одни по своей охотѣ, другіе вслѣдствіе обидъ и разоренія, какъ духовные, такъ свѣтскіе. Ничто другое не производитъ столько смуты на Украйнѣ, сколько унія и преслѣдованіе изъ за нея Руси, а также беззаконіе и притѣсненіе бѣдныхъ людей. Поистинѣ уніаты сами разжигаютъ гнѣвъ козаковъ, когда гонятъ къ нимъ нашу обиженную братію и наполняютъ ею Украину».

Протестація митрополита Іова Борецкаго и другихъ православныхъ іерарховъ, изъ которой мы привели въ извлеченіи религіозную характеристику запорожцевъ, представляетъ нѣсколько данныхъ, позволяющихъ сдѣлать предположеніе о существованіи предварительныхъ (до прибытія на Южную Русь) сношеній запорожцевъ съ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ.

«Въ одно время,—сказано въ протестаціи,—въ одномъ году (въ январѣ и февралѣ 1620 г.) были въ Москвѣ и патріархъ и козаки въ числѣ пятнадцати человѣкъ во главѣ съ атаманомъ Петромъ Одинцемъ»... Безошибочно слѣдуетъ предполагать, что еще передъ отъѣздомъ изъ Москвы въ Южную Русь, патріархъ Θеофанъ былъ ознакомленъ съ религіозными интересами православныхъ въ польско-литовскомъ государствѣ. Самое прибытіе его въ Кіевъ не было для запорожцевъ неожиданнымъ. На границѣ, отдѣлявшей тогда московское государство отъ литовско-польскаго, патріарха встрѣчаетъ значительный отрядъ запорожцевъ, во главѣ съ гетманомъ Петромъ Сагайдачнымъ, и съ большимъ почетомъ провожаетъ его въ Кіевъ, куда онъ прибылъ 22 марта 1620 года (Исторія Русской Церкви Макарія т. XI стр. 247).

Въ Кіевѣ знаменитому гостю отведено было помѣщеніе въ домѣ Богоявленскаго Братства на Подолѣ, гдѣ онъ находился подъ защитой магистранскихъ властей и еще подъ особой козацкой охраной. Въ Густынской монастырской лѣтописи повѣствуется, что козаки, окруживши братскій домъ, «обточиша его (патріарха) стражбою, аки пчелы матицу свою». Хотя отъ польскаго правительства ему не выдано было разрѣшенія на церковно-іерархическія дѣйствія, однако же онъ, на основаніи своихъ полномочій отъ Цареградскаго патріарха, считалъ себя вправѣ не только посѣщать церкви и монастыри въ Кіевѣ и окрестныхъ мѣстахъ, но особыми благословенными грамотами утверждать существованіе православныхъ братствъ, давая имъ права патріаршихъ ставропигій. Изъ Кіева ѣздилъ онъ и въ козацкій Терехтемировскій монастырь, по приглашенію запорожцевъ.

Пріѣздъ въ Кіевъ патріарха Θеофана самъ по себѣ благопріятствовалъ осуществленію завѣтнаго желанія ревнителей православія возстановить свою оскудѣвшую церковную іерархію. Но во время этого пріѣзда и политическое положеніе польскаго государства представлялось наиболѣе удобнымъ для рѣшительныхъ дѣйствій православныхъ въ интересахъ своей церкви. Польшѣ угрожали тогда войны съ сосѣдними государствами; наконецъ Це-

царская битва окончилась полнымъ пораженіемъ турками польскаго войска. Кромѣ того, Посполитой Рѣчи слишкомъ опасно было раздражать своихъ еще многочисленныхъ православныхъ подданныхъ, а еще опаснѣе было раздражать запорожское войско, которое священнымъ долгомъ своимъ считало защиту угнетаемаго православія и которое неоднократно спасало Польшу отъ ея непріятелей.

Всѣми этими обстоятельствами и воспользовался гетманъ запорожскаго козачества Петръ Сагайдачный. Онъ и приглашенные имъ ревнители православія «почали раду чинити, жебы могли пастырей православныхъ мѣти въ церкви своей». Послѣ такой рады они явились къ патріарху и настоятельно просили возстановить православную іерархію. Въ этой просьбѣ наиболѣе активная роль принадлежитъ запорожскому козачеству. Митрополитъ Іовъ Борецкій съ другими іерархами въ своей вышеупомянутой протестаціи пишутъ такъ: «правда, были такіе, что не совѣтовали этого святѣйшему патріарху изъ-за тѣхъ опасностей, которыя теперь грозятъ намъ (т. е. новопосвященнымъ іерархамъ). Но люди рыцарскіе и пламенѣющіе духомъ сказали его святѣйшеству: «не будешь ты патріархомъ, не будешь добрымъ пастыремъ, не будешь намѣстникомъ Христа и апостоловъ, если не посвятишь и не оставишь русскому народу митрополита и епископовъ, въ особенности нашедши насъ гонимыхъ и безъ пастырей».

Настойчивая просьба запорожцевъ преодолѣла долго продолжавшуюся нерѣшительность патріарха въ небезопасномъ для него дѣлѣ—возстановленіи церковной іерархіи, объ уничтоженіи которой латино-уніатская партія въ теченіе двадцати пяти лѣтъ безостановочно хлопотала на всѣхъ сеймахъ, бывшихъ въ королевствѣ Польскомъ. Отъ имени патріарха были разосланы грамоты, убѣждавшія православныхъ обитателей тогдашней Польши, чтобы они избрали изъ своей среды лицъ, достойныхъ для посвященія въ епископскій санъ. Православные съ великой радостью отозвались на призывъ Ѳеофана, прибыли въ большомъ количествѣ въ Кіевъ къ храмовому празднику (15 августа) Печерскаго

монастыря и здѣсь избрали кандидатовъ на епископскія каѳедры. Хиротонія избранныхъ кандидатовъ началась въ октябрѣ 1620 года. Первымъ хиротонисомъ былъ 6 октября на Перемысльскую каѳедру межигорскій игуменъ Исаія Копинскій. Хиротонія его совершалась въ Богоявленской церкви Кіево-Братскаго монастыря. Но такъ какъ на возстановленіе православной іерархіи не имѣлось разрѣшенія отъ польскаго короля, то приняты были предосторожности противъ возможнаго вмѣшательства польскихъ властей, имѣвшихъ подъ своею командою значительные отряды жолнеровъ. Время для совершенія хиротоніи избрано было позднее, окна храма были завѣшены, читали и пѣли тихо, монастырь окруженъ былъ значительнымъ отрядомъ запорожцевъ. Кромѣ патріарха, въ хиротоніи Исаіи принимали участіе: болгарскій митрополитъ Неофитъ, уже нѣсколько лѣтъ проживавшій въ западнорусскихъ монастыряхъ и къ этому времени нарочно вызванный въ Кіевъ, и Стагонскій епископъ Авраамій, находившійся при Ѳеофанѣ. 8 октября въ той же Богоявленской церкви, съ такими же предосторожностями и при участіи тѣхъ же іерарховъ, посвященъ былъ на кіевскую и галицкую митрополію игуменъ Кіево-Михайловскаго монастыря Іовъ Борецкій. Вскорѣ послѣ того посвященъ былъ на полоцкую архіепископію Мелетій Смотрицкій. Затѣмъ, уже по выѣздѣ Ѳеофана изъ Кіева, на пути къ Востоку, имъ посвящены были (въ сослуженіи съ прежде хиротонисанными іерархами, провожавшими патріарха подъ охраною трехъ тысячъ козаковъ): въ Терехтемировскомъ монастырѣ тамошній архимандритъ Іезекіиль Курцевичъ на епископство владимірское и брестское; въ городѣ Бѣлой-Церкви игуменъ Исаакій Борисковичъ на епископство луцкое и острожское; въ городѣ Животовкѣ— мелецкій игуменъ Паисій Ипполитовичъ на епископство холмское и белзское. По всей вѣроятности, въ это же время, на туровскую и пинскую каѳедру назначенъ былъ греческій Стагонскій епископъ Авраамій. Православный Востокъ, въ лицѣ іерусалимскаго патріарха Ѳеофана, оказалъ православной Руси весьма цѣнную услугу въ очень трудный для нея моментъ. Честь и слава

запорожскому козачеству, которое главнымъ образомъ заботилось о возстановленіи западно-русской церковной іерархіи!

Возстановленіе православной іерархіи съ крайнимъ негодованіемъ и озлобленіемъ встрѣчено было латино-польскими и уніатскими властями. Они пустили въ ходъ всевозможныя средства и способы для подавленія всякаго значенія ея и немедленнаго уничтоженія. По проискамъ уніатскаго митрополита Рутскаго, Ѳеофанъ въ изданныхъ польскимъ королемъ универсалахъ объявленъ былъ шпіономъ турецкаго султана и обманщикомъ, не имѣвшимъ не только патріаршаго сана, но даже и священническаго, и посвященные имъ архіереи обвинялись въ ослушаніи королевской власти, въ измѣнѣ отечеству и возмущеніи народа, почему объявлялись внѣ покровительства государственныхъ законовъ. Ихъ велѣно было ловить, какъ государственныхъ преступниковъ, и заключать въ тюрьмы. Но, конечно, такіе универсалы легче было писать и разсылать, чѣмъ приводить въ исполненіе. Православные обитатели южно-русскаго края, а по преимуществу запорожцы, ревностно оберегали возстановленную іерархію, и примѣненіе къ ней королевскихъ универсаловъ могло вызвать на Украинѣ бурю народнаго негодованія. Впрочемъ, само польское правительство, въ лицѣ своихъ найболѣе умныхъ и дальновидныхъ представителей, предвидѣло тѣ пагубныя послѣдствія, которыя могли произойти отъ исполненія королевскихъ универсаловъ. Канцлеръ великаго княжества Литовскаго Левъ Сапѣга, къ которому были присланы упомянутые универсалы для оффиціальной скрѣпы, долгое время колебался прикладывать къ нимъ государственныя печати и мотивировалъ передъ королемъ свое колебаніе опасеніемъ поголовнаго возмущенія и большого кровопролитія, которое могутъ произвести въ Польшѣ и на Литвѣ православные обыватели, а въ особенности козаки, у которыхъ «сила много значитъ». Принимая во вниманіе такое вполнѣ основательное опасеніе, самъ Сигизмундъ Ш вынужденъ былъ измѣнить свое слишкомъ враждебное отношеніе къ возстановленной православной іерархіи и этимъ вызвать единодушную помощь козаковъ, въ которой

Польша тогда нуждалась гораздо больше, чѣмъ въ прежнія времена [1]).

Когда митрополитъ Іовъ Борецкій, имѣя въ виду опровергнуть передъ польскимъ правительствомъ клеветы, распространенныя латино-польскою партіею относительно патріарха Ѳеофана и оправдать его дѣйствія въ западно-русскихъ областяхъ Польши, отправилъ къ Сигизмунду III для личныхъ объясненій по этому предмету новопосвященнаго епископа Іезекіиля Курцевича, то король довольно ласково принялъ посланнаго, допустилъ его къ своей рукѣ и при прощаніи сказалъ: «имѣешь наше благоволеніе; скажи и другимъ (іерархамъ), чтобы поступали такъ же (т. е. чтобы лично явились къ нему, королю),—въ такомъ случаѣ и они пріобрѣтутъ нашу милость». Черезъ Курцевича посланы были митрополиту Борецкому и архіепископу Мелетію Смотрицкому охранныя грамоты, которыми гарантировалась безопасность предстоявшей имъ поѣздки въ Варшаву. Борецкій и Смотрицкій, заручившись охранными грамотами, въ началѣ 1623 г. пріѣхали въ Варшаву и подали королю петицію объ утвержденіи православной іерархіи и возстановленіи привилегій и правъ православной церкви. На состоявшемся тогда же сеймѣ польское пра-

1) Судя по документальнымъ даннымъ, обнародованнымъ въ последнее время, дѣло возстановленія православн. іерархіи въ 1620 г. представляется нѣсколько въ иномъ видѣ: король не только зналъ объ этомъ заранѣе, но и далъ тайное согласіе на посвященіе іерарховъ, обусловивъ его требованіемъ участія гетмана Сагайдачнаго и козаковъ въ Хотинскомъ походѣ, при чемъ посредникомъ въ этомъ тайномъ договорѣ былъ не кто иной, какъ самъ патріархъ Ѳеофанъ, при содѣйствіи королевскаго агента Обелковскаго (см. напр., Сборникъ Лѣтописей, относящихся къ исторіи Ю. и Зап. Руси, стр. 87—90 и предисловіе, стр. XXVI и LII). Изданный же затѣмъ грозный универсалъ противъ патріарха и посвященныхъ имъ іерарховъ былъ не болѣе, какъ дипломатической уступкой со стороны короля всемогущей въ тогдашней Польшѣ клерикальной партіи, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что универсалъ этотъ не имѣлъ для православныхъ іерарховъ никакихъ дурныхъ послѣдствій. *Примѣч. Ред.*

вительство, вслѣдствіе настойчивыхъ просьбъ своихъ православныхъ подданныхъ, а по преимуществу запорожскаго козачества, окончательно смѣнило грозные королевскіе универсалы противъ возстановленной іерархіи и обѣщало спокойное существованіе всему православному народонаселенію государства. Заручившись такимъ обѣщаніемъ, православные іерархи безбоязненно начали дѣйствовать въ видахъ охраненія и возвеличенія православной церкви. Съ этой цѣлью ими созываются соборы, на которыхъ изыскиваются мѣры къ уничтоженію разнаго рода недостатковъ церковной жизни, къ поднятію уровня просвѣщенія въ духовенствѣ и народѣ, къ изданію книгъ религіозно-нравственнаго содержанія, къ обращенію въ православіе отпадшихъ въ унію; разсылаются по всѣмъ литовско-русскимъ областямъ посланія съ воззваніями удаляться отъ апостатовъ-уніатовъ и при своихъ религіозныхъ нуждахъ обращаться къ своимъ православнымъ пастырямъ. Усилившееся религіозное движеніе стало охватывать всѣ западно-русскія области, но по преимуществу сосредоточилось въ Кіевѣ, который со времени хиротоніи Іова Борецкаго въ санъ митрополита опять сдѣлался резиденціею кіевскихъ митрополитовъ.

Протоіерей **Петръ Орловскій.**

Документы, извѣстія и замѣтки.

Указъ императрицы Анны Ивановны правителю Малороссіи князю Шаховскому — о бракахъ малороссовъ. Секретнѣйшей к князю Шаховскому. Понеже мы убѣдились, что смоленская шляхта с малороссійскими жителями в свойство вступаетъ, и со обоихъ сторонъ сыновей женятъ, и дочерей выдаютъ, что кажется *противно нашему інтересу*, а за пристойнее і полезнее разсуждаетца, дабы оной малороссійской народъ охоту імѣлъ своитца, і в свойство вступать с нашимъ великороссійскимъ народомъ (какъ было особливое намѣреніе к тому ихъ привесть блаженныя и высокодостойныя памяти Государя Дяди Нашего [1]), того ради повелеваемъ вам, дабы вы по вашему іскуству секретно под рукою особливо трудились малороссіянъ от свойства с Смоляны і с поляки і з другими зарубежными жителями отводить, а побуждать их і іскуснымъ образомъ приводить в свойство с великороссійскими, и пристойными разсужденіи дабы они своились і в свойство вступали болѣе с нашими великороссійскими подданными, и сие содержать секретно. Анна. Генваря 31, 1734 года. (Моск. Арх. м—ства юстиціи, № $^{79}/_{1806}$).

Сообщ. **Вл. П—ко.**

Къ вопросу о доходахъ и расходахъ архіерейскихъ каѳедръ въ 18 в. (доходы и расходы каѳедры переяславской въ 1771—1776 гг.). До изданія указа 10 апрѣля 1786 г., которымъ учреждены

---

[1]) Т. е. императора Петра перваго.

были въ Лѣвобережной Украинѣ штаты опредѣленнаго казеннаго содержанія архіереевъ, архіерейскихъ домовъ и монастырей, архіереи и учрежденія и лица, при нихъ состоявшія, не получали вовсе содержанія отъ казны, а существовали на сборы съ духовенства епархій. Сборы эти не имѣли строго опредѣленнаго характера и опредѣлялись обычно каждымъ архіереемъ при вступленіи въ управленіе своей епархіей; однако тутъ большое значеніе имѣлъ обычай—примѣръ сборовъ при предыдущихъ архіереяхъ. Дѣло синодскаго архива 1776 г. № 106 (о наслѣдствѣ, оставшемся послѣ Іова Базилевича, епископа Переяславскаго) сообщаетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о сборахъ, какіе практиковались въ Переяславской епархіи при епископѣ Іовѣ Базилевичѣ (1771—1776 гг.), а также отчасти при его предшественникахъ—Никодимѣ Сребницкомъ (1745—1751 гг.), Іоаннѣ Козловичѣ (1753—57 гг.) и Гервасіи Линцевскомъ (1757—1769 гг.). Какъ видно, сборы назначались по «собственнымъ опредѣленіямъ» каждаго архіерея, когда онъ вступалъ въ управленіе епархіей: сборы были «чинены мимо консисторіи» «однымъ вѣдѣніемъ архіереевъ»; казначеемъ состоялъ ризничій іеромонахъ архіерейскаго дома. При указанныхъ четырехъ епископахъ переяславско-бориспольскихъ, за время съ 1745 г. по 1776 г., взимаемо было однообразно: со ставленническихъ грамотъ принимающихъ священничество—15 рублей 45 копеекъ. если рукополагаемый бралъ грамоту на цѣлый приходъ, 12 руб. 40 коп., если онъ назначался на приходъ, съ котораго имѣлъ получать половину священническихъ доходовъ, 10 руб. 55 коп., если онъ назначался викарнымъ священникомъ; съ рукополагаемаго въ діаконы взималось за грамоту 10 руб. 20 коп.; съ антиминсовъ, которые разсылала по церквамъ архіерейская каѳедра, взимали отъ 1 до 5 рублей, «смякая какъ доброту ихъ, такъ и различіе матеріаловъ ихъ шелковыхъ и холстяныхъ, такъ же и во что они зъ Москвы (откуда получала ихъ каѳедра) становлятся». Кромѣ того, ежегодно въ пользу каѳедры собирались деньги такъ называемыя «столовыя» и «мировыя». Въ какомъ размѣрѣ онѣ собирались ежегодно съ духовенства—точно неизвѣстно и опредѣлить трудно [1]).

[1]) Г. Крыжановскій въ своей обширной статьѣ „Очерки быта малороссійскаго сельскаго духовенства въ 18 в." („Руководство для сельскихъ пастырей" 1861, 62 и 64 гг.) пытается, между прочимъ, точно опредѣлить количество этихъ сборовъ, утверждая, что „столовыхъ" каждый годъ брали по 2 к. съ приходского двора, а „мировыхъ" по $^1/_2$ к.; но указанія даннаго синодскаго дѣла нельзя согласить съ этимъ.

Съ 15 апрѣля 1771 г. по 29 декабря того-же года Переяславская каѳедра собрала денегъ: за грамоты (священническія, діаконскія и друг.) 848 руб. 95 коп, «мировыхъ» 142 руб. 50 коп. и «столовыхъ» 27 руб., всего 1018 руб. 45 коп. Изъ этихъ денегъ съ 5 іюля по 24 декабря того-же года было израсходовано 532 руб. 82 коп., въ томъ числѣ: учителямъ семинаріи Переяславской выдано было 43 рубля, на содержаніе семинаристовъ употреблено 193 руб. 15 коп., на домъ архіерейскій и служителей при немъ—132 руб. 50 к., на братію каѳедральнаго монастыря и служащихъ при немъ—102 руб., на консисторскихъ канцеляристовъ—30 руб., на «строеніе и подчинку церковныхъ вещей» (видимо, имѣются въ виду церковныя вещи каѳедральнаго монастыря)—14 руб. 32 к., на «нищихъ»—2 р. 50 к., на другіе разные расходы—15 р. 35 к. Отъ 1771 г. осталось 485 руб. 63 к. Въ теченіе 1772 г. со ставленническихъ грамотъ разнаго рода получено было 2805 руб. 45 коп., съ антиминсовъ—131 руб. 25 коп., «столовыхъ»—50 руб., «мировыхъ»—88 руб. 46 к., «данныхъ на церковь» (пожертвованныхъ на соборную церковь каѳедральнаго монастыря)—10 руб. 16 к., всего—3085 руб. 32 к. Въ 1772 г. расходъ каѳедры былъ такой: на учителей семинаріи—121 руб. 99½ к., на семинаристовъ—39 руб. 50 к., на пѣвчихъ архіерейскихъ—170 руб. 48 к., на домъ архіерейскій и служителей—954 р. 7 к., на братію и служащихъ каѳедр. монастыря—119 руб. 90 к., на «строеніе и подчинку церковныхъ вещей»—1082 р. 50½ к., на «нищихъ»—5 р., разныхъ расходовъ—288 р. 72 к., всего—2782 руб. 17 коп. Осталось 788 р. 78 к. Въ 1773 г. (когда особенно много было ставленниковъ изъ Польской Украины) въ каѳедральную казну поступило: съ грамотъ 5548 р. 50 к., за антиминсы—587 р., «столовыхъ» 37 р. 50 к., «мировыхъ» 203 р. 11 к., всего—6376 р. 11 к.; израсходовано-же было: на учителей—99 р. 99¾ к., на семинаристовъ—12 р., на пѣвчихъ—125 р. 56 к., на домъ архіерейскій и служителей—1306 р. 85 к., на братію и служителей—86 р., «на строеніе и подчинку церков. вещей»—788 р. 38 к., на «нищихъ»—15 р., друг. расходовъ—110 р. 37¾ к., всего 2544 р. 16½ к. Отъ 1773 г. осталось въ казнѣ—4620 р. 73 к. Въ 1774 г. собрано: съ грамотъ—1507 р. 5 к., за антиминсы—49 р. 25 к., «мировыхъ»—147 р. 50 к. [1]), «данныхъ на церковь»—

---

[1]) За 1774, 75 и 76 гг. полученіе „столовыхъ“ денегъ вовсе не указано.

20 р., всего—1723 р. 80 к.; израсходовано: на учителей—112 р. 90 к., семинаристовъ—9 р. 93 к., пѣвчихъ—167 р. 34 к., домъ арх. и служителей—989 р., братію и служителей—181 р., «строеніе и подчинку церк. вещей»—994 р. 89³/₄ к., «нищихъ»—25 р., друг. расходовъ—398 р. 95 к., всего—2879 р. 1³/₄ к. [1]. Оставалось въ казнѣ «въ наличіи» 3465 р. 51¹/₄ к. Въ 1775 г. поступило: съ грамотъ 816 р. 10 к., съ антиминсовъ—28 р. 50 к., «мировыхъ»—77 р. 83 к., на церковь—60 р., всего 982 р. 43 к.; израсходовано: на учителей—135 р., семинаристовъ—66 р. 1 к., пѣвчихъ 275 р. 84 к., домъ арх. и служителей—391 р. 90 к., братію и служителей—92 р., «строеніе и подчинку церк. вещей» [2]—953 р. 25 к., «нищихъ»—17 р., друг. расходовъ—73 р. 77¹/₄ к., всего—2004 р. 77¹/₄ к. Оставалось—2443 р. 17 к. «Зъ генваря по мая 2» [3]) 1776 г. поступило: съ грамотъ—90 р. 85 к., съ антиминсовъ—10 р. 25 к., «мировыхъ»—103 р. 97 к., на церковь—130 р., всего—335 р. 7 к.; израсходовано было: на учителей—83 р. 35¹/₄ к., семинаристовъ—6 р. 35 к., пѣвчихъ—39 р. 41¹/₂ к., домъ арх.—377 р. 35¹/₂ к., братію и служителей—125 р., «строеніе и подчинку церк. вещей»—1015 р. 95 к., нищихъ—19 р. 50 к., друг. расходовъ—434 р. 91 к., всего 2102 р. 83¹/₄ к. Осталось въ казнѣ 675 р. 40³/₄ к. Всего за время епископства въ Переяславѣ Іова Базилевича (за 5 лѣтъ, 1771—76 гг.) собрано было съ духовенства епархіи въ казну каѳедральную—13521 р. 18 к., израсходовано—12845 р. 77¹/₄ к. Неизвѣстно, сколько получалъ денегъ лично архіерей. Братья Іова Базилевича послѣ смерти его заявляли, что на 1776 г. онъ долженъ былъ лично получить 2876 р. 66 к. Консисторія съ ними не согласилась, но и сама высказалась по этому вопросу уклончиво.

---

¹) Так. образ. расходы 1774, 75 и 76 гг. значительно превышали доходъ.

²) На деньги, предназначавшіяся „на строеніе и подчинху церковныхъ вещей“, при Іовѣ, между прочимъ, довершалось въ деталяхъ возобновленіе каѳедральнаго Переяславскаго Вознесенскаго монастыря, пострадавшаго отъ пожара 1748 г.,—такъ: въ 1771 г. устроена была „ризница пономарка“, въ 1774 г. куплены въ Москвѣ 2 колокола (одинъ—въ 83 пуда, другой—въ 50 пуд.), въ 1776 г. „на черно“ сдѣлана была колокольня каменная и т. п.

³) 2 мая 1776 г.—день кончины еп. Іова. Вѣдомость составлена за время пребыванія Іова въ Переяславѣ на каѳедрѣ.

При преемникѣ Іова—Иларіонѣ Кондратковскомъ (на Переяславской каѳедрѣ съ 1776 по 1785 гг., потомъ на Новгородско-Сѣверской—1785—97 гг., ум. съ 12 на 13 янв. 1799 г.) сборы съ духовенства (судя по дѣлу синодскаго архива 1781 г. № 476) значительно возрасли и тѣмъ горшимъ бременемъ ложились на духовенство, что съ 1765 г. правительствомъ введена была опредѣленная незначительная такса за требы, уничтожена роковщина (сборъ съ прихожанъ натурою) и отдача земли въ пользованіе священникамъ [1]).

Вл. П—ко.

Дѣло епископа Черниговскаго Ираклія и іеромонаха Іереміи Гусаревскаго. Въ 1758 г. обострились отношенія между епископомъ Черниговскимъ Иракліемъ и префектомъ черниговской семинаріи іеромонахомъ Іеремією Гусаревскимъ. Ираклій, недовольный поведеніемъ Іереміи, сталъ его преслѣдовать; дѣло дошло до наказанія Іереміи плетьми. Тогда въ 1759 г. Іеремія бѣжалъ изъ Чернигова въ Петербургъ и тутъ принесъ Синоду жалобу на Ираклія. Послѣдній прислалъ объясненіе въ Синодъ, въ которомъ обвиняетъ Іеремію главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: «въ проповѣдяхъ своихъ мене ругалъ подъ видомъ якобы нравоученія». Особенно возмущенъ былъ Ираклій проповѣдью Іереміи, какую тотъ произнесъ 30 августа 1759 г. въ черниговскомъ Преображенскомъ соборѣ послѣ архіерейской литургіи предъ молебномъ; въ этой проповѣди, по увѣренію Ираклія, Іеремія «ясно разругалъ» своего архіерея. Тема проповѣди была — «въ каких должностях по чинам своим духовнаго и мирскаго класовъ

---

[1]) Любопытно, что послѣ смерти еп. Иларіона осталась масса вещей и денегъ—по билетамъ въ Московскомъ банкѣ—19,000 р., по 2 векселямъ—5050 р., наличной суммы—23,997 р. 10 к. и сверхъ того 334 червонца. Есть основанія предполагать, что кромѣ того еще часть денегъ была утаена. Столь богатое наслѣдство сильно разожгло аппетиты Черниговскихъ духовныхъ властей, но встрѣтился отпоръ въ лицѣ родственниковъ Иларіона. Дѣло затянулось и едва закончилось въ 1804 г. Къ этому дѣлу оказался въ значительной степени причастнымъ извѣстный дѣятель въ борьбѣ съ уніей Викторъ Садковскій, бывшій въ то время архіеп. Черниговскимъ (раньше онъ былъ еп. Переяславскимъ). Дѣло окончилось уже, когда Виктора не было въ живыхъ (см. дѣло арх. св. синода 1799 г. № 236).

а в том числѣ и духовніе пастиріе находятся иногда и при неудачахъ их по их предприниманіям и какъ находитис должны». Проповѣдникъ, по словамъ Ираклія, «прылучаніе неудачи изяснялъ» такъ, что всякій «моглъ узнать», что рѣчь направлена по адресу Ираклія. Особенно непріятна была Ираклію притча въ стихахъ, которою, вставивъ ее въ свою проповѣдь, Іеремія, по увѣренію Ираклія, «явно обругалъ» своего архіерея. Къ рапорту Ираклія въ Синодъ приложены и самые эти стихи, вызвавшіе такой гнѣвъ епископа Ираклія.

Вотъ они:

«Лишь толко дневной шумъ замолкъ,
Наделъ пастушье платье волкъ,
И взялъ пастушей посохъ в лапу
Прывесилъ к поясу рожокъ,
На уши вделъ широку шляпу
И крался тихо сквозь лесокъ,
На ужинъ для добичу к стаду.
Увиделъ тамо, что Жучко спитъ,
Обнявши пастушку Фирсъ храпитъ,
И все овцы лежалы сряду,
Онъ моглъ из них любую взять
Но не довольствуясь уборомъ
Хотелъ прыкрасить разговоромъ,
По имени овецъ назвать,
И толко свою пасть разинулъ
Раздался в рощахъ волчой вой,
Пастухъ свой славной сонъ покинулъ
И Жучко бросился к нему в бой.
Еденъ дубиной волка встретилъ,
Другой за горло ухватилъ.
Тутъ позд(н)о бедной волкъ прыметилъ,
Что чрезчуръ перемудрылъ:
В полахъ и в руковахъ связался
И волчимъ голосомъ сказалъ,
Но Фирсъ не долго размишлялся
Уборъ и кожу с него снялъ.
Я прытчу сію коротшимъ толкомъ

Могу вамъ господа мои протолковать
Кто в светѣ семъ родился волкомъ
Тому лисицею векъ не бывать».

Дѣло Ираклія съ Іереміею протянулось до смерти послѣдняго, послѣдовавшей 31 января 1764 г. (См. въ архивѣ св. синода дѣло 1759 г. № 217).

Вл. П—ко.

Статистическія свѣдѣнія о церквахъ и православномъ населеніи русской части Малороссіи въ 1780 годахъ. Въ началѣ 1780-хъ гг. Кіевская епархія (въ той части своей, которая тогда входила въ составъ Россійской имперіи) заключала въ себѣ 963 церкви, 100.565 приходскихъ дворовъ, 558.787 мужчинъ и 552.843 женщины—православнаго населенія. Въ Черниговской епархіи тогда-же было 550 церквей, 40.525 приходскихъ дворовъ, 285.260 мужч. и 273.381 женщ. Переяславская епархія въ это-же время имѣла всего 340 церквей, 34.109 приходскихъ дворовъ, православнаго населенія—225.800 муж. и 218.149 жен. Такимъ образомъ, въ Кіевской епархіи на 1 церковь приходилось (по приблизительному разсчету) 104 двора и 580 человѣкъ мужскаго населенія, въ Черниговской—73 двора и 518 мужчинъ, въ Переяславской—100 дворовъ и 664 мужчинъ.

Кромѣ этихъ трехъ епархій, малороссійскихъ въ полномъ смыслѣ этого слова, съ преобладающимъ малороссійскимъ населеніемъ были епархіи—славянская (архіерей которой жилъ въ Полтавѣ) и бѣлгородская. Въ первой въ данное время было 424 церкви, 62.801 приходскій дворъ, 297.036 мужч. и 250.469 женщ. (т. е, на 1 церковь приходилось 149 дворовъ и 700 мужч.). Во второй (бѣлгородской)—1.146 церквей, 157.053 приходскихъ двора, 740.444 мужч. и 726.147 женщ. (т. е. на церковь—137 дворовъ и 654 мужч.).

Сообразно съ состоявшимся въ 1781 г. раздѣленіемъ имперіи на губерніи, рѣшено было произвести новое распредѣленіе епархій. Въ 1785 г., между прочимъ, послѣдовало такое новое распредѣленіе малороссійскихъ епархій: къ кіевской отнесено 636 церквей (въ томъ числѣ 340 бывшей переяславской и только 296 прежней кіевской), 61.104 прих. двора, 380.210 мужского населенія; къ черниговской—572 церкви (въ томъ числѣ отъ прежней черниговской 124 и отъ кіев-

ской 448), 59.495 дворовъ и 357.532 мужч.; новообразованная Новгородская епархія получила 636 церквей (отъ Черниговской 426 и отъ Кіевской 210), 53.183 прих. двора и 326.609 мужч. (см. дѣло арх. св. Синода 1784 г. № 28).

Вл. П—ко.

Избіеніе евреевъ въ Малороссіи въ 1631 — 1632 гг. (*изъ раввинскихъ книгъ XVII в.*). Въ респонсахъ Брестъ Литовскаго раввина р. Іоиля Серкесса, издан. въ 1697 г. въ Франкфуртѣ на Майнѣ подъ названіемъ „Шалосъ Утшувосъ Габахъ", находимъ факты объ избіеніи евреевъ козаками на Украйнѣ въ 1631 г.

№ 105. Передъ нами въ засѣданіи трехъ судей явился Іуда Израилевъ изъ Гридинга, что близъ Сатанова, и далъ такое показаніе: Впавъ по недоразумѣнію въ уголовное дѣло, я переселился изъ Гридинга въ Украйну, гдѣ возлѣ Днѣпра шли тогда сраженія, въ которыхъ убито много евреевъ. Разоренный вслѣдствіе этого и обуянный страхомъ, я долженъ былъ съ пустыми руками, какъ нищій, оставить тотъ край и на вопросъ: куда? я отвѣтилъ, что изъ-за упомянутаго уголовнаго дѣла я не могу вернуться въ родной край, а долженъ направиться въ Бреста-гродненскую страну. Тогда мнѣ мѣстные люди вручили списокъ убитыхъ, подписанный канторомъ и служкой синагоги г. Пирятина. Списокъ мною потерянъ, но въ немъ значился Аврамъ сынъ Шабсевъ изъ Гродна убитымъ въ сраженіи козаковъ того времени. Показалъ въ Вильнѣ 2-го мѣс. Швата 5391 (1631 г.).

№ 106. Передъ нами въ засѣданіи судей явился Гершъ Шмаревъ изъ Львова и показалъ: въ будущій праздникъ Пятидесятницы (5392) исполнится два года, какъ въ Обусѣ-Анейнѣ (Басань?) во время войны съ козаками возлѣ Пиреислава (Переяславъ) близъ Днѣпра, засталъ я много евреевъ, между прочими нѣкоего Авраама. На мой вопросъ послѣдній мнѣ сообщилъ, что онъ изъ Городна; ростомъ онъ былъ очень высокій, но худого сложенія. Въ Обусъ-Анейнѣ я вступилъ съ нимъ въ товарищество по покупкѣ товаровъ, при чемъ я ему вручилъ 50 золотыхъ, а также лошадь съ повозкой, и онъ поѣхалъ купить спирта вмѣстѣ съ другими евреями, которые были убиты *всѣ*... Узнавъ объ этомъ, мы Обусъ-Анейнск. евреи наняли 30 козаковъ для доставки убитыхъ евреевъ. Козаки дѣйствительно доставили убитыхъ, и мы 'ихъ хоронили. Упомянутаго Аврама я своими руками

похоронилъ во второй день праздника Пятидесятницы 2 года тому назадъ. 12-го Ира 5392 (1632 г. по Р. Х.).

Равинъ Іоиль Серкессъ занималъ должность раввина въ разныхъ городахъ въ Литвѣ и Польшѣ. Допросъ свидѣтелей объ убитомъ Аврамѣ былъ адресованъ къ нему, какъ видно, во время пребыванія его въ Краковѣ.

В. Затуловскій.

Еще варіантъ малорусской баллады о Бондаривнѣ. Въ мартовской книжкѣ «Кіевской Старины» за 1905 г. сообщены г. В. Доманицкимъ *новые варіанты* замѣчательной народной пѣсни *о Бондаривнѣ* и *Панѣ Каневскомъ*; при чемъ указана литература этой пѣсни. Не такъ давно намъ посчастливилось записать еще одинъ варіантъ этого характернѣйшаго памятника малорусской народной словесности; такъ какъ онъ особенно выдается своею простотою и естественностію въ сравненіи съ другими варіантами, — то мы полагаемъ, что и его слѣдуетъ прибавить ко все увеличивающейся литературѣ этого памятника.

У мистечку Берестечку
Команда стояла, —
Молодая Бондаривна
Въ ратуши гуляла.

—

Десь ны взявся Панъ Коневській —
Звеливъ танець граты,
Та якъ начавъ Бондаривну
За ручку стыскаты.

—

Молодая Бондаривна
Цыхъ жартивъ не знала,
Та пидняла билу ручку —
Єму въ морду дала.

—

А тамъ булы таки люды,
Що сказалы стыха:

«Тикай, тикай, Бондаривно,
Буде тоби лыхо!..»

—

Утикала Бондаривна
Зъ миста та на мисто,
А за нею Панъ Коневськiй
Зо всимъ своимъ вiйськомъ...

—

Утикала Бондаривна
Темнымы лугамы,
А за нею два гайдуки
Зъ гострымы мечамы.

—

Одынъ пiймавъ, одынъ пiймавъ
Прыгорнувъ до себе:
— Ой жаль мени, Бондаривно,
Ой жаль мени, тебе!

—

Другый пiймавъ, другый пiймавъ
За чорную косу:
— Годи жъ тоби, Бондаривно,
Щей гуляты доси!

—

Та прывелы-жъ Бондаривну
Въ новiи покои,
Посадылы Бондаривну
За столы тесови.

—

Посадылы Бондаривну
До стины плечима,
А до пана Коневського
Чорнымы очима.

—

Посадылы Бондаривну
На золотимъ кресли.
— Спивай, спивай, Бондаривно,
Жалобнои пѣсни.

—

Якъ начала Бондаривна
Писеньки спиваты, —
Ой якъ начавъ панъ Коневській
Жалью умливаты!

—

— А чы маишъ, Бондаривно,
Въ цыхъ покояхъ жыты, —
А чы маишъ, Бондаривно,
Въ сыри земли гныты?

—

— Лучче жъ мени, лучче мени
Въ сыри земли гныты,
Чимъ зъ тобою безлюдныкомъ
Въ цихъ покояхъ жыты!..

—

Якъ ударывъ панъ Коневській
Зъ новои рушныци,
Та попавъ же Бондаривну
Въ ти красненьки лыця.

—

— Дайте жъ, слуги, дайте слуги
До Бондара знаты,
Нехай прыйде старый Бондаръ
Дочку поховаты.

—

Якъ прыйшовъ же старый Бондаръ —
Якъ начавъ плакаты:
— Однымъ одну дочку маю —
Мушу поховаты.

—

Нема-жъ меи Бондаривны,
Тилько тая прысьба,
Що сыдило що-вечира
Кавалеривъ триста.

—

Записано 12 Августа 1905 г. въ г. Одессѣ — отъ *Елизаветы Григорьевны Бѣловой*, которая заучила эту пѣсню отъ своей матери

Маріи Өедоровны Даниловой, для коей эта пѣсня была *любимой*. М. Ө. Данилова скончалась 6 авг. 1904 г., 53 лѣтъ отъ роду. Много знала малорусскихъ пѣсенъ и при работѣ пѣла ихъ.

Сообщ. **Л. М.**

Объ одномъ изъ памятниковъ Украинской старины. Въ Полтавскій земскій естественно-историческій музей поступило цѣнное пожертвованіе П. Д. Шкларевича, а именно: замѣчательная старинная рукописная книга 1-ой половины 18 столѣтія „Проэктъ свода законовъ для малорусскаго народа". Проэктъ этотъ, занимающій свыше 1000 страницъ, состоитъ изъ 30 главъ, обнимающихъ весь кругъ регулируемыхъ закономъ отношеній въ старой Украинѣ. Вотъ, представляющій не малый интересъ, перечень нѣкоторыхъ изъ этихъ главъ.

1-я глава, о «силѣ и важности правъ малороссійскихъ». Здѣсь устанавливается всеобщность и неизмѣнность примѣненія этихъ правъ «Малороссіи», какъ по отношенію къ коренному населенію, такъ и по отношенію къ проживающимъ здѣсь иностранцамъ, а также къ пріѣзжимъ изъ другихъ областей Россіи и вообще изъ-за границы;

2-ая глава относится къ «чести Божіей»;

3-ья — «о Высочайшей чести и о власти Монаршеской»;

4-ая — «о вольности и свободахъ малороссійскихъ и о выборѣ военныхъ чиновъ;

5-ая — «о службѣ Государевой и о порядкѣ воинскомъ»;

6-ая — «о судахъ духовнымъ чинамъ съ мирскими и о приходскихъ священникахъ»;

7-ая — «о судахъ, судіяхъ и другихъ персонахъ къ суду надлежащихъ и о содержаніи правнаго порядка въ дѣлахъ судебныхъ и о выборѣ ихъ»;

8-ая — «о челобитчикѣ и отвѣтчикѣ и о судовомъ процессѣ, о декретахъ или приговорахъ, о апелляціяхъ»;

9-ая — «о производеніи суда въ разныхъ случайныхъ дѣлахъ и о давности земской»;

10-ая — «о сговорахъ свадебныхъ, о приданномъ и вѣнѣ, о наслѣдіи мужа по женѣ и жены по мужу и о разводахъ».

Дальнѣйшія главы, подробное обозначеніе которыхъ въ настоящемъ случаѣ заняло бы слишкомъ много мѣста, касаются права лич-

наго и общественнаго, опредѣляютъ отношенія имущественныя вообще и земельныя въ частности, касаются проступковъ гражданскихъ и уголовныхъ, опредѣляютъ сословныя отношенія въ старой Украйнѣ и т. д.

Происхожденіе свода объясняетъ сдѣланная въ концѣ занимающей насъ книги приписка составителей этого крупнаго труда, на выполненіе котораго, какъ увидимъ ниже, потребовалось много лѣтъ работы цѣлой коллегіи украинскихъ законовѣдовъ козацкой поры.

Вотъ эта приписка, приводимая здѣсь дословно. „Вишшеписанніи права изъ полского и латинскаго языковъ на россійскій діалектъ нами нижеподписавшимися въ комиссію перевода и свода правныхъ книгъ опредѣленніи, мы по данной въ ту комиссію инструкціи, въ силу имянного указа, изъ трехъ книгъ въ одну книгу сведени и, что надлежало въ тѣхъ же трохъ книгахъ къ сокращенію, сокращено, и неприличное одставлено, а что надлежало къ прибавленію изъяснено и поправлено, на Высочайшую Ея Императорскаго Величества волю и благоусмотрѣніе.

О томъ по силѣ вышеозначенного жъ имянного указу и инструкціи Всеподданнѣйше одъ оной перевода и свода комиссіи проэкти, особливо учиненніе, и при семъ сообщени суть, которие такъ какъ (далѣе два слова неразобраны) сочиненіи права руками нашими подписани».

Подписей членовъ комиссіи, составлявшихъ занимающій насъ сводъ не находимъ, однако, въ данномъ экземплярѣ.

Цѣнныя указанія на обстоятельства, при которыхъ выдвинутъ былъ вопросъ о составленіи свода законовъ для „малороссійскаго" народа находимъ въ обширной монографіи выдающагося правовѣда, покойнаго профессора А. Ѳ. Кистяковскаго „Права, по которымъ судится Малороссійскій народъ". Приводимъ наиболѣе существенныя подробности названнаго ученаго труда.

По договорнымъ статьямъ 1654 г. между Царскимъ правительствомъ и войскомъ Запорожскимъ, Малороссія получила право управляться и судиться по своимъ стародавнимъ правамъ и законамъ. Ненарушимость правъ Малороссіи неоднократно подтверждалась какъ въ 17, такъ и въ первой половинѣ 18 столѣтія. Даже Петръ Великій, предпринявшій первую рѣшительную попытку наложить крѣпкую руку центральной власти на самоуправленіи Малороссіи, въ отдѣльныхъ случаяхъ въ своихъ указахъ признавалъ особыя права „малороссійскаго" народа. При преемницѣ Петра Великаго Императрицѣ Ека-

теринѣ 1-й, рѣшительными пунктами 1728 года былъ возстановленъ прежній порядокъ суда и управленія Малороссіей. Тогда же предписано было особымъ указомъ перевесть права, по которымъ судится малороссійскій народъ, на великороссійскій языкъ и потомъ свесть ихъ въ одно цѣлое. Указъ этотъ мотивировался тѣмъ, что въ Малороссіи дѣйствуютъ магдебурскіе и саксонскіе статуты, которые другъ съ другомъ не согласны, вслѣдствіе чего, — говорится въ указѣ — можетъ происходить въ судахъ помѣшательство. Для составленія этого свода законовъ предоставлялось избрать надлежащій составъ изъ представителей судебной власти, включая въ этотъ составъ также и епископа, какъ представителя духовной власти. Мѣстомъ дѣятельности комиссіи назначенъ былъ городъ Глуховъ.

Дѣятельность комиссіи, однако, не налаживалась. Въ инструкціи, данной въ 1734 г. временному правленію, замѣнявшему въ эту пору гетманскую власть въ Малороссіи, говорится, что „хотя рѣшительными пунктами повелѣно было перевесть и свесть въ одни права, по которымъ судится малороссійскій народъ, но что по сіе время того всего не сдѣлано“. Предписывалось приложить стараніе для осуществленія того повелѣнія и при томъ безъ упущенія времени. Послѣ этого комиссія составлена была изъ 12 членовъ въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы „оныя права для пользы малороссійскаго народа въ совершенство приведены были“. Выборъ лицъ въ комиссію предоставленъ былъ правителю Малороссіи кн. Шаховскому. Мѣстомъ работы комиссіи назначена Москва вмѣсто Глухова. На содержаніе 12 членовъ комиссіи назначено было всего 2 тыс. р. въ годъ. Жалованье это выдано членамъ комиссіи только за 1735 годъ, а затѣмъ съ переводомъ дѣятельности комиссіи въ 1836 г. изъ Москвы снова въ Глуховъ, уже не выдавалось „по соображенію, что будучи тамо, члены комиссіи могутъ довольствіе свое имѣть отъ домовъ своихъ“. Характерна одна подробность, относящаяся къ дѣятельности комиссіи въ Москвѣ. Въ 1735 году было предписано сенатской конторѣ къ 12 членамъ изъ малороссійскихъ чиновъ присоединить „одну искуссную персону изъ великороссіянъ“, „дабы и тѣ малороссіяне подъ смотрѣніемъ той персоны свое дѣло прилежнѣе отправляли и непродолжительно кончили“. Этотъ странный, по замѣчанію пр. Кистяковскаго, способъ дисциплины, объясняемый только тогдашними нравами, не обезпечилъ, разумѣется, успѣшности работы. Успѣшность работы тормозилась, вопервыхъ, тѣмъ, что комиссія не получила отвѣта на поставленный ею рядъ вопросовъ принципіаль-

наго характера, разрѣшеніе которыхъ она считала необходимымъ для успѣшности своей дѣятельности. На эти вопросы комиссія просила дать выразную реляцію, „понеже дѣла, нами зачатаго, производить далѣй нельзя будетъ".

Еще болѣе существеннымъ тормазомъ для дѣятельности комиссіи было несогласіе во взглядахъ въ составѣ комиссіи по вопросу о методѣ составленія свода. Наиболѣе яркими выразителями мнѣній по этому предмету были генеральный судья Иванъ Борозна, (предсѣдатель комиссіи), являвшійся сторонникомъ группировки матеріала по образцамъ старинныхъ статутовъ, а съ другой стороны лохвицкій сотникъ Василій Стефановъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ составителей свода. Въ концѣ концовъ взяли перевѣсъ взгляды лохвицкаго совѣтника, который изложилъ и основанія метода, какимъ руководились члены комиссіи при составленіи свода. „Вышепрописанное все не такимъ порядкомъ, якъ въ старыхъ книгахъ, но новымъ, *къ натуральному близкимъ*, располагаемъ и пишемъ, чтобы одно, елико возможно, ближе другого слѣдовало и вязалось; инако же дѣлать показалось намъ не порядочно и не мощно".

Составъ членовъ комиссіи нѣсколько разъ измѣнялся, такъ какъ члены ея, по распоряженію изъ Петербурга, нерѣдко получали другое назначеніе. Въ 1738 г. составъ членовъ комиссіи былъ восполненъ до 18 человѣкъ, выполнявшихъ свою работу въ Глуховѣ до ея окончанія. Оконченъ сводъ составленіемъ въ 1743 году, т. е. черезъ 15 лѣтъ послѣ начала этого дѣла. Въ 1744 сводъ былъ представленъ въ сенатъ, гдѣ и пребывалъ безъ движенія въ теченіе 12 лѣтъ. Въ 1756 году по именному указу Императрицы Елисаветы Петровны возвращенъ былъ гетману Разумовскому, который только черезъ два года созвалъ генеральную старшину въ Глуховъ для разсмотрѣнія этого свода. Въ генеральной канцеляріи 1785 года закипѣла работа. Пересмотръ свода, однако, былъ прерванъ и отложенъ до слѣдующаго года. Но ничего не было сдѣлано и въ слѣдующемъ году. Вскрылись опять разногласія относительно способа составленія свода, повторился старый споръ лохвицкаго сотника Василія Стефанова и генеральнаго судьи Ивана Борозны. Послѣ этого оффиціальныя свѣдѣнія о сводѣ прекращаются.— Сводъ, очевидно совсѣмъ не имѣлъ практическаго примѣненія. Въ 1761 году ставится уже вопросъ о новой редакціи литовскаго статута и уже въ видѣ прибавочной работы въ связи съ общимъ планомъ кодификаціи отечественныхъ законовъ. Въ 1767 году

созывалась Екатериной II извѣстная комиссія для новаго уложенія уже общерусскихъ законовъ. Хотя мѣра эта тогда не осуществилась, но было ясно, что въ это время уже не могло быть и рѣчи о составленіи свода отдѣльныхъ малороссійскихъ законовъ. Уже подготовлялось распространеніе на Малороссію положенія о губерніяхъ. Это произошло въ 1783 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ старое судоустройство козацкое, гдѣ оно оставалось, замѣнено порядкомъ установленнымъ въ положеніи о губерніяхъ. Настали земскіе суды, земскіе исправники и городничіе, дѣйствовавшіе до реформы 1861 года. Отъ стародавнихъ правъ малороссійскихъ сохранились къ тому времени лишь обломки, удержавшіеся и до нынѣ въ видѣ особыхъ законовъ, дѣйствующихъ въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ.

Необходимо замѣтить, что источниками для занимающаго насъ проекта свода законовъ явились Литовскій статутъ, Зерцало Саксонское, порядокъ права Цесарскаго, право Магдебургское и разнаго рода указы Петербургскаго правительства, давшіе матеріалъ для „прибавленій“ въ сводѣ.

Крайняя суровость, можно сказать, жестокость, соотвѣтствовавшія стародавнимъ порядкамъ жизни, въ велѣніяхъ закона по названнымъ источникамъ, поражаютъ современнаго читателя. Проектъ свода интересенъ, такимъ образомъ не своимъ содержаніемъ, а своимъ общимъ смысломъ. Существованіе проекта является краснорѣчивымъ указаніемъ на то, что полтора вѣка съ небольшимъ тому назадъ право украинскаго народа на самоопредѣленіе пользовалось всеобщимъ признаніемъ.

Извѣщенія Редакціи. Редакція журнала «Кіевская Старина» симъ извѣщаетъ нижепоименованныхъ лицъ, что ею получены въ теченіе сентября мѣсяца 1905 г. слѣдующія суммы.

1) На сооруженіе *памятника Т. Г. Шевченку:* а) Отъ доктора Л. В. Гогина — 5 руб.; б) отъ М. Ф. Лободовскаго — 3 руб. — *всего 8 руб.*; что, вмѣстѣ съ прежде поступившими 544 р. 60 к. (см. № 9-ый), составитъ *562 р. 60 к.*, которые будутъ храниться въ редакціи до времени учрежденія постоянной коммиссіи по устройству памятника Т. Г. Шевченку. Туда-же будутъ направлены и всѣ новыя пожертвованія.

2) На поддержаніе *могилы Т. Г. Шевченка*: а) изъ Петербурга— отъ С. Ф. Жилко, С. И. Соловьева, Е. С. Грибенюка — по 5 руб., А. П. Кобелева, О. Г. Лопатинскаго—по 3 р., К. І. Храневича—2 р., Ниночка Жилко, В. В. Рудницкаго, Е. Р. Ярмольчука, М. Булаха, К. А. Болеславлевой, М. А. Стальбергъ — по 1 р., В. Н. Люшковскаго, В. Якобсона — по 50 к., Е. О. Магеровской — 35 к., — итого 30 р. 35 к.; б) отъ Марка и Лизы — 1 р.— всего 31 р. 35 к., что, вмѣстѣ съ прежде поступившими 443 р. 20 к. (см. № 9-й), составитъ *474 р. 55 к.* На эти средства будетъ весной 1906 года устроена каменная лѣстница на могильный курганъ, а также начаты уже работы по посадкѣ деревъ и кустарниковъ на площади, вновь прирѣзанной г. Каневомъ къ усадьбѣ Шевченковой Горы.

3 На образованіе *капитала имени И. С. Левицкаго-Нечуя:* отъ М. Ф. Лобсдовскаго 2 р., отъ Мани и Лизы 1 р., — итого 3 р., что, вмѣстѣ съ прежде поступившими 135 р. 11 к. (см. № 5-й), составитъ *138 р. 11 к.*

Текущія извѣстія.

35-лѣтній юбилей профессорской дѣятельности В. В. Антоновича. Въ сентябрѣ сего года исполнилось 35 лѣтъ со времени вступленія на кафедру заслуженнаго профессора Университета Св. Владиміра—Владиміра Бонифатьевича Антоновича. По этому поводу, въ виду заслугъ В. Б. Антоновича по изученію южно-русской исторіи, по преподаванію въ университетѣ и по дѣятельности въ качествѣ члена историч. Общества Нестора-Лѣтописца, въ Совѣтѣ послѣдняго былъ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи при названномъ Обществѣ преміи В. Б. Антоновича за труды по южно-русской археологіи и исторіи.

Въ настоящее время, согласно постановленіямъ Совѣта и общаго собранія Истор. Общества Нестора-Лѣт., уже возбуждено соотвѣтствующее ходатайство о разрѣшеніи объявить подписку для сбора капитала на упомянутую премію; дальнѣйшая же разработка вопросовъ, связанныхъ съ организаціей сбора капитала на эту премію, возложена на особую комиссію изъ лицъ, подавшихъ объявленіе въ Совѣтъ Общества объ учрежденіи преміи (Н. П. Дашкевича, Г. Г. Павлуцкаго,

И. М. Каманина, С. Т. Голубева, А. М. Лободы, М. В. Довнаръ-Запольскаго, и О. И. Левицкаго, В. П. Науменка, Н. П. Василенка, М. С. Грушевскаго.

Паралелльно съ этимъ, независимо Общества, возникла мысль о сборникѣ въ честь В. Б. Антоновича на началахъ, о которыхъ можно судить по слѣдующему обращенію инициаторовъ этого дѣла къ ученикамъ и почитателямъ В. Б. Антоновича:

«Въ сентябрѣ 1905 г. исполняется тридцатипятилѣтіе со времени вступленія на кафедру, а въ 1906 г. сорокапятилѣтіе со времени появленія первой статьи въ „Основѣ" профессора В. Б. Антоновича. Ученики и почитатели маститаго ученаго, ввиду этихъ юбилеевъ, рѣшили издать Сборникъ статей, посвященныхъ В. Б. Антоновичу. Сборникъ будетъ носить названіе „Сыну Украины".

Лица, взявшія на себя трудъ веденія изданія Сборника, обращаются къ Вамъ съ просьбой принять въ немъ участіе и прислать для него статью. При этомъ необходимо выяснить имена лицъ, пожелавшихъ принять участіе въ Сборникѣ, въ первыхъ числахъ сентября 1905 г. и названія обѣщанныхъ ими статей (хотя бы приблизительное) такъ какъ предполагается оглавленіе Сборника съ первыми статьями (печатаніе ихъ начнется лѣтомъ) преподнесть юбиляру въ сентябрѣ же. Окончательный срокъ присылки статей предположенъ въ октябрѣ —ноябрѣ 1905 г.

Относительно средствъ на изданіе статей въ Сборникѣ предположено слѣд.: 1) предположено обратиться къ почитателямъ В. Б. Антоновича, которые бы не пожелали принять участіе въ Сборникѣ своими статьями, принять таковое участіе добровольнымъ денежнымъ взносомъ для покрытія, или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія типографскихъ расходовъ, падающихъ на участвующихъ въ сборникѣ своими статьями; 2) въ случаѣ, еслибы означенными добровольными взносами почитателей участниковъ Сборника не были покрыты расходы по его изданію, то недостающая сумма будетъ разверстана на авторовъ статей, пропорціонально числу страницъ.

Въ виду того, что почитателей и учениковъ проф. В. Б. Антоновича весьма много и лица, живущія въ Кіевѣ, легко могутъ не знать всѣхъ, то они покорнѣйше просятъ Васъ сообщить имъ имена учениковъ и почитателей для привлеченія ихъ къ участію въ „Сборникѣ".

Извѣщенія, статьи и запросы просятъ обращать къ одному изъ слѣд. лицъ: 1) Оресту Ивановичу Левицкому (Круглый Спускъ № 4, съ 1-го сентября, а до 1-го сент. Центр. Архивъ Университета); 2) проф. Митрофану Викторовичу Довнаръ-Запольскому (М-Владимірская 45); 3) проф. Николаю Павловичу Дашкевичу (Университетъ); 4) проф. Андрею Митрофановичу Лободѣ (Михайловскій пр. 30); 5) Владиміру Ивановичу Щербинѣ (Рыбальская, 16; 6) Ивану Михайловичу Каманину (Университетъ, Центр. Архивъ).

Пожертвованія на изданіе Сборника слѣдуетъ направлять казначею Ист. Общ. Нестора Лѣтоп. проф. Григорію Григорьевичу Павлуцкому (Никольско-Ботаническая, соб. домъ).

Оффиціальное увѣдомленіе объ этихъ начинаніяхъ и чествованіе маститаго ученаго назначены мѣстными учениками и почитателями послѣдняго, по соглашенію съ истор. Обществомъ Нестора-Лѣтописца, —на 14-ое ноября 1905.

Народный языкъ въ народной школѣ. Народная школа должна передавать учащимся въ ней дѣтямъ все на родномъ языкѣ; и учитель, и фельдшеръ, и врачъ, и священникъ тысячу разъ убѣждались въ этомъ и считались съ этимъ въ повседневной практикѣ; но, несмотря на это, находятся еще люди, и они даже составляютъ пока превалирующее большинство, для которыхъ политика обрусенія въ инородческихъ школахъ, иначе говоря, политика огульнаго обезличиванія представляетъ одно изъ самыхъ необходимыхъ условій правильнаго и, по ихъ мнѣнію, послѣдовательнаго развитія государства.

Я уже высказывался однажды въ печати, („Южныя Записки", книжка 37, стр. 50. „Печальное недоразумѣніе") о томъ, что преподаваніе въ инородческихъ школахъ должно вестись только на родномъ языкѣ. Касаясь малорусскихъ школъ, я указывалъ, между прочимъ, на то обстоятельство, что ребенокъ-малороссъ, являясь въ школу, на первыхъ же порахъ сталкивается съ чужою и мало понятною для него рѣчью; между нимъ и его домашними сразу устанавливается никому не нужная рознь; „въ школи треба балакаты по паньски, а дома по мужицьки"—думаетъ мальчуганъ, и, при всемъ желаніи, онъ не въ состояніи передавать семьѣ свои школьныя впечатлѣнія и наблюденія, такъ какъ добрая половина великорусской книжной рѣчи и для него, и для семьи кажется китайскою грамотою. Можетъ быть, „че-

резъ милліонъ лѣтъ", какъ выражается одинъ мой добрый пріятель, міръ будетъ пользоваться однимъ общимъ для всѣхъ языкомъ и нарѣчіемъ, теперь же намъ необходимо проводить знаніе въ народъ тѣмъ путемъ, который разумнѣе и доступнѣе.

14 лѣтъ безвыходно я пробылъ учителемъ въ малорусскомъ селѣ, и все время мнѣ приходилось переводить книжную рѣчь на понятный для школы языкъ, иначе говоря, къ тяжелому и безъ того учительскому труду прибавлялась лишняя работа.

Конечно, я могъ отнестись, согласно циркуляру, къ своей миссіи гораздо спокойнѣе и ко времени экзаменовъ приготовить нѣсколько довольно сносныхъ экземпляровъ, выпускныхъ попугаевъ, но, къ несчастью, я былъ учителемъ по призванію и считалъ такого рода дѣятельность безсовѣстной и преступной: повторяю, что я 14 лѣтъ мучился съ переводомъ на малорусскій языкъ всего, что мнѣ приходилось читать и говорить дѣтямъ и народу; неимовѣрныхъ усилій стоило мнѣ завоевать довѣріе населенія и вызвать его на откровенность; тогда только я разглядѣлъ ту бездну, которая раздѣляетъ народъ и школу, тогда только, убѣжденный личнымъ горькимъ опытомъ, я увидѣлъ, что народная школа можетъ жить и развиваться, при условіи преподаванія въ ней на родномъ для населенія языкѣ, и что лишь при такихъ условіяхъ могутъ слиться и объединиться въ одно цѣлое семья, школа и народъ.

Минувшее тираспольское собраніе уклонилось отъ прямого рѣшенія вопроса, касающагося свободнаго выбора языка при обученіи дѣтей въ инородческихъ и малорусскихъ школахъ, и передало детальное разсмотрѣніе этого чрезвычайно важнаго и назрѣвшаго вопроса управѣ, поручивъ ей представить къ слѣдующему собранію подробно разработанный докладъ.

Собраніе прибѣгло въ данномъ случаѣ къ излюбленному способу откладыванія дѣлъ въ долгій ящикъ, несмотря на то, что членъ тираспольской управы Н—ъ, близко стоящій къ школьному дѣлу, представилъ минувшему собранію богатый фактическій матеріалъ, коротко ознакомившись на экзаменахъ въ начальныхъ училищахъ уѣзда съ результатами, какіе даетъ „система" обрусенія; онъ, между прочимъ, говоритъ: „Если въ прошломъ году у меня еще осталась тѣнь сомнѣнія, то теперь я твердо убѣжденъ, что въ инородческихъ школахъ обученіе обращается въ самое тяжелое мученіе, въ одинаковой степени, какъ для учащихся, такъ и для учащихъ.

Отупляющее дѣйствіе русской грамоты на нѣмецкихъ дѣтей можно легко прослѣдить, переходя изъ отдѣленія въ отдѣленіе и всматриваясь въ физіономіи учащихся. Въ первомъ изъ нихъ вы видите веселыя, оживленныя дѣтскія лица съ устремленнымъ на васъ яснымъ взглядомъ, но чѣмъ дальше вы подвигаетесь впередъ, тѣмъ болѣе лица становятся печальными, вытянутыми, а взоръ затуманеннымъ и, наконецъ, въ выпускномъ отдѣленіи предъ вами рядъ измученныхъ дѣтей, съ убитыми лицами и совершенно отупѣлымъ взоромъ. Неужели это — не мученіе для обѣихъ сторонъ: учащихъ и обучаемыхъ, неужели это просвѣщеніе, а не помраченіе"?

Вспоминаю случай, когда даровитую учительницу, уроженку Тверской губерніи, учебное начальство послало, въ видахъ обрусенія населенія, въ молдавское село; полная энергіи, творческаго таланта, дѣвушка до того измѣнилась, пробывъ лишь одну зиму среди молдаванъ, что ее трудно было узнать; она постарѣла, осунулась, потеряла вѣру въ свои силы и въ самую жизнь, а почему? потому только, что вмѣсто простой, родной для ребенка фразы „кумъ нумиле" (какъ твое имя) она глушила новичка великорусскою рѣчью, и онъ, таращa на нее недоумѣвающіе глазенки, вѣроятно, думалъ въ своемъ маленькомъ молдаванскомъ мозгу: „какъ же это такъ, наша учительница пришла насъ учить и не знаетъ нашего языка"; и правъ, тысячу разъ правъ этотъ ребенокъ, ибо *„наша учительница непремѣнно должна знать нашъ языкъ, иначе она чужая, безполезная для школы и для народа"* (Югъ, № 2160).

Георгій Федоровъ.

Родной языкъ — родная и школа. Совѣщаніе по народному образованію, при херсонской губернской земской управѣ, прошло довольно оживленно; особенно много вниманія было удѣлено вопросу — какой языкъ долженъ имѣть превалирующее значеніе въ преподаваніи въ начальной школѣ.

Прежде всего, я считаю долгомъ отмѣтить, что представительство отъ учительскаго персонала на совѣщаніи было выражено весьма слабо, вслѣдствіе чего не представлялось возможнымъ имѣть болѣе или менѣе опредѣленное мнѣніе мѣстныхъ, стоящихъ непосредственно у дѣла работниковъ, что значительно ослабляло продуктивность совѣщанія.

Замѣтна была также нѣкоторая тенденція на предрѣшеніе вопросовъ со стороны доминирующаго элемента; но нужно отдать справедливость меньшинству, которое упорно и горячо отстаивало каждое свое положеніе.

Сторонники преподаванія въ начальныхъ школахъ на русскомъ языкѣ, исходя, между прочимъ, изъ положенія, что школа должна облегчать задачу государства, отводили родному языку лишь мѣсто вспомогательнаго орудія; и то на первыхъ ступеняхъ обученія, дальше, по ихъ мнѣнію, господствующая роль должна была переходить къ русскому языку, какъ языку государственному; при чемъ однимъ изъ участниковъ совѣщанія было даже выражено опасеніе, что если мы допустимъ распаденіе школъ въ смыслѣ преподаванія на отдѣльныя національныя группы, то тѣмъ самымъ дадимъ возможность нѣкоторымъ изъ нихъ, хотьбы, напримѣръ, нѣмецкимъ, совершенно отказаться отъ русскаго языка.

Сторонники преподаванія во всѣхъ школахъ на родномъ языкѣ, устраняя такое опасеніе, находили его даже нелогичнымъ и непослѣдовательнымъ уже потому, что врядъ-ли кто откажется отъ изученія русскаго языка, который имѣетъ для всякой національности, входящей въ составъ русскаго государства, чисто практическое и научное значеніе. Что-же касается родного языка, то въ защиту его выставлялось два главныхъ основанія: во первыхъ, двумя участниками совѣщанія указывалось на значеніе родного языка, съ точки зрѣнія чисто педагогической; говорилось, что такъ какъ главная и основная задача школы воспитывать изъ ребенка будущаго гражданина, то болѣе чѣмъ нецѣлесообразно мучить его непонятной терминологіей, заставлять его вникать не въ сущность вещей, о которыхъ ему сообщаютъ, а прежде всего въ форму, вслѣдствіе чего ему приходится все преподаваемое претворять и приспособлять къ своимъ національнымъ понятіямъ и представленіямъ. Во вторыхъ, ребенокъ, получившій первоначальное развитіе и воспитаніе на родномъ языкѣ, затѣмъ будетъ болѣе способенъ къ воспринятію и всякихъ другихъ незнакомыхъ языковъ, въ томъ числѣ и необходимаго для него государственнаго языка, такъ какъ при ихъ изученіи онъ будетъ работать уже сознательно.

Если мы теперь оставимъ педагогическую точку зрѣнія и посмотримъ на родной языкъ съ точки зрѣнія государственной необходи-

мости, то врядъ ли здѣсь является настоятельная потребность подчиненія и обезличиванія національнаго народнаго духа.

Всякое насиліе вызываетъ ненависть и озлобленіе и въ наименьшемъ случаѣ тупое равнодушіе; если мнѣ скажутъ, что при свободномъ существованіи каждой отдѣльной національности, нашей арміи придется считаться съ разнорѣчіемъ новобранцевъ, какъ съ однимъ главнѣйшимъ тормазомъ ея правильнаго и планомѣрнаго развитія, то я на это отвѣчу, что именно въ томъ заключается все зло современнаго строя, что онъ наивно думаетъ на почвѣ насильственно порабощеннаго духа строить будущую защиту и оплотъ государства; татаринъ-новобранецъ, избравшій висѣлицу вмѣсто изученія «устава» на русскомъ языкѣ, довольно ясно иллюстрируетъ продуктивность подобнаго строя.

Будемъ же надѣяться, что въ народной школѣ въ самомъ недалекомъ будущемъ будетъ и народный языкъ; такъ по крайней мѣрѣ рѣшило минувшее совѣщаніе; можно думать, что къ такому же выводу придетъ и предстоящее губернское земское собраніе. (Югъ, № 2168).

Къ украинской печати и слову. 1) Газеты сообщили, что вопросъ объ отмѣнѣ ограниченій для украинской печати снятъ съ очереди.

Несомнѣнно, говорятъ «Кіевск. Откл.», вопросъ объ украинскомъ языкѣ въ теченіе почти сорока лѣтъ носилъ политическій характеръ, и ему придавалось большое значеніе въ дѣлѣ государственной безопасности. Въ этомъ смыслѣ былъ сдѣланъ запросъ и начальнику юго-западнаго края ген.-ад. Н. В. Клейгельсу, который, какъ и его предшественникъ М. И. Драгомировъ, дали заключеніе вполнѣ благопріятное для снятія органиченій съ украинскаго слова. Но комитетъ министровъ не ограничился однимъ этимъ. Имъ были запрошены также академія наукъ и университеты кіевскій и харьковскій. Всѣ эти учрежденія высказались за необходимость безусловной отмѣны всякихъ ограниченій украинскаго слова. Академія наукъ обосновала свое рѣшеніе въ особой запискѣ. Стоя на научной точкѣ зрѣнія, она доказывала, какой большой вредъ для культурнаго развитія страны приноситъ ограниченіе украинскаго слова. Казалось, послѣ этого могло бы быть одно только рѣшеніе—всѣ ограниченія украинскаго языка должны быть немедленно сняты. Слабую надежду на это давали про-

никшіе въ печать слухи о печатаніи украинскаго евангелія. Это до сихъ поръ была запретная для украинцевъ книга на родномъ языкѣ. Но, съ другой стороны, ясно было, что вопросъ въ его цѣломъ остается безъ движенія.

Теперь носятся упорные слухи о его отрицательномъ рѣшеніи.

Такимъ образомъ, послѣ того какъ начальникъ юго-западнаго края высказался за отмѣну ограниченій для украинскаго слова; послѣ того какъ высшее ученое и два высшихъ учебныхъ заведенія признали необходимой такую отмѣну для культурной жизни страны—бюрократія рѣшаетъ дѣло по своему.

Удивляться тутъ, впрочемъ, нечему. Мы имѣемъ дѣло съ обычнымъ явленіемъ нашей жизни, когда игнорируются самые жизненные интересы, какъ-бы настоятельно, какъ-бы властно ни заявляли они о себѣ. Бюрократія, какъ всегда, такъ и въ данномъ случаѣ, остается вѣрной себѣ. Все—и заключеніе начальника края, и заключеніе академіи, и университетовъ—для нея не имѣетъ значенія. Она поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Логика говоритъ одно, бюрократія дѣлаетъ другое. Она не думаетъ даже о внесеніи вопроса въ государственную думу и рѣшаетъ его по своему усмотрѣнію. Это является лучшимъ доказательствомъ того, какъ живучъ еще бюрократическій режимъ, и какъ мало придаетъ онъ значенія происшедшимъ въ нашемъ государственномъ строѣ перемѣнамъ.

2) *Протесты на археологическомъ съѣздѣ въ Екатеринославѣ.*

Члены археологическаго съѣзда въ г. Екатеринославѣ подали слѣдующее заявленіе:

При изученіи Южной Руси и устройствѣ областныхъ съѣздовъ на Югѣ Россіи, Императорскому археологическому обществу пришлось установить чрезвычайно интересный фактъ, что Южная Русь составляетъ предметъ всесторонняго изученія на территоріи части той-же исторической Южной Руси, а именно—въ Галиціи и Буковинѣ. Отсюда было естественное желаніе использовать труды этихъ ученыхъ, привлечь ихъ къ совмѣстной работѣ. Одновременно съ этимъ, многими изъ сказанныхъ ученыхъ была изъявлена полная готовность примкнуть къ общей работѣ.

Но еще на XI съѣздѣ въ Кіевѣ возникъ вопросъ чисто формальнаго характера о полной свободѣ участія галицкихъ и буковинскихъ ученыхъ въ занятіяхъ съѣзда, въ виду того, что работы ихъ будутъ представлены на украинскомъ языкѣ. Свобода же этого языка,

свобода выраженія духовной жизни цѣлаго народа оказалась подъ сомнѣніемъ даже въ уставѣ ученаго общества. Въ концѣ концовъ условность немедленнаго разъясненія этихъ затрудненій министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ явнымъ ущербомъ для дѣла, заставила кіевскій съѣздъ совершенно отказаться отъ возможности заслушать доклады галицкихъ ученыхъ въ Кіевѣ.

Но идя на встрѣчу правильному разрѣшенію этого вопроса въ будущемъ, Императорское археологическое общество исходатайствовало измѣненіе части устава, которое, казалось бы, безусловно обезпечивало свободное участіе галицкихъ ученыхъ въ дальнѣйшихъ работахъ съѣздовъ.

Однако на XII съѣздѣ въ Харьковѣ приглашенія отдѣльнымъ ученымъ хотя и были посланы, но очень поздно, такъ что они не имѣли возможности принять участіе въ работахъ того съѣзда. Вотъ почему тогда-же въ Харьковѣ было отмѣчено это печальное явленіе и было высказано безусловное пожеланіе предупредить его на будущее время.

Теперь намъ стало извѣстно, что на XIII археологическій съѣздъ, посвященный главнымъ образомъ изученію Южной Руси, сказаннымъ ученнымъ совершенно не посылались приглашенія.

Имѣя въ виду все предыдущее, несомнѣнно для каждаго, что пріѣздъ галицкихъ и буковинскихъ ученыхъ возможенъ былъ бы при непремѣнномъ условіи приглашенія ихъ на съѣздъ.

Неприглашеніе вообще заграничныхъ ученыхъ на XIII съѣздъ должно быть признано фактомъ крайне печальнымъ, но отсутствіе галицкихъ и буковинскихъ ученыхъ, послѣ того какъ еще на XI съѣздѣ принципіально признано желательнымъ ихъ участіе, послѣ того какъ былъ даже измѣненъ уставъ общества, является для настоящаго съѣзда не случайнымъ и непоправимымъ ущербомъ всему дѣлу широкаго, всесторонняго и правдиваго изученія прошлаго Южной Руси, исторической Украины.

Въ виду всего вышеизложеннаго, мы нижеподписавшіеся члены XIII археологическаго съѣзда, предлагаемъ съѣзду признать: что отсутствіе на XIII съѣздѣ зарубежныхъ ученыхъ наноситъ существенный ущербъ дѣлу научной разработки исторіи нашего родного края. Но такъ какъ время упущено и уже нельзя сдѣлать возможнымъ присутствіе зарубежныхъ гостей на нашихъ засѣданіяхъ, то мы предлагаемъ: 1) выразить отъ имени съѣзда глубокое сожалѣніе по поводу

отсутствія среди насъ зарубежныхъ ученыхъ; 2) выразить крайнее удивленіе предварительному комитету съѣзда, что не были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы даже на историко-археологическомъ съѣздѣ въ центрѣ Запорожья присутствовали всѣ ученые, посвятившіе свои силы изученію исторіи козачества и Украины вообще; 3) послать отъ имени съѣзда телеграмму ученымъ историкамъ Галичины и Буковины, выразивъ привѣтствіе съѣзда и глубокое уваженіе ихъ ученымъ трудамъ и крайнее сожалѣніе по поводу ихъ отсутствія и 4) принять мѣры, чтобы на будущихъ археологическихъ съѣздахъ такіе печальные инциденты болѣе не повторялись и чтобы интересы свободной науки не нарушались больше какими бы то ни было чуждыми ей вліяніями и соображеніями».

Слѣдуетъ 40 подписей изъ 106 всѣхъ членовъ.

Лицами, не пожелавшими принять участія въ съѣздѣ, былъ заявленъ протестъ слѣдующаго содержанія:

«Пожелавъ принять участіе въ засѣданіяхъ XIII археологическаго съѣзда, мы узнали, однако, къ крайнему нашему удивленію, что въ занятіяхъ его не будутъ участвовать представители научныхъ силъ родственной намъ Галиціи и Буковины. Какъ оказывается, предварительный комитетъ не счелъ нужнымъ на нынѣшній съѣздъ, какъ и и на съѣзды, бывшіе въ Кіевѣ и Харьковѣ, посвященные, главнымъ образомъ археологіи и исторіи юга Россіи,—пригласить Галичанъ, работавшихъ въ этой области и которыми, какъ это извѣстно, приготовлено было много серьезныхъ докладовъ. Въ зависимости отъ этого и нѣкоторые изъ желающихъ принять участіе въ съѣздѣ, къ сожалѣнію, не могли внести своихъ докладовъ, такъ какъ они имѣли тѣсную связь съ докладами галичанъ.

«Въ объясненіе принятія столь непонятнаго и оскорбительнаго для насъ рѣшенія говорятъ, что комитетомъ постановлено вообще не приглашать на съѣздъ ученыхъ изъ заграницы, въ виду яко-бы грустнаго положенія дѣлъ въ Россіи.

«Археологическіе съѣзды посвящены разработкѣ науки, а область научной дѣятельности должна быть чужда всякой условности, которая въ данномъ случаѣ проявлена предварительнымъ комитетомъ. Но принимая во вниманіе, что галичане на кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ были поставлены въ такія условія, при которыхъ читать докладовъ не могли, такъ какъ они были написаны на украинскомъ языкѣ, а на харьковскій и нынѣшній екатеринославскій съѣздъ, со-

бравшійся на территоріи бывшаго Запорожья, и совсѣмъ не были приглашены, а также принимая во вниманіе всѣмъ извѣстное положеніе, въ которомъ находятся языкъ и литература украинскіе въ Россіи,—по необходимости приходится признать, что вышеозначенное рѣшеніе комитета является результатомъ извѣстной системы и продиктовано въ дѣйствительности или политическою нетерпимостью, или недостойною науки угодливостью.

«Но то, что по печальной необходимости переносилось въ прежнее время, не можетъ быть допущено теперь, когда пробуждающіеся къ новой общественной и политической жизни народъ и общество властно заявляютъ о своихъ правахъ на участіе въ творческой работѣ своего общественнаго устроенія. Проникнутые такимъ сознаніемъ и отвѣтствѣностью передъ нашимъ народомъ, въ сознаніи нашихъ правъ и обязанностей, мы,—подписавшіе настоящее заявленіе,—горячо протестуемъ противъ принятаго комитетомъ съѣзда рѣшенія въ отношеніи научныхъ дѣятелей Галиціи, какъ оскорбительнаго для насъ и нашего народа; вмѣстѣ съ этимъ протестуемъ и противъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергаются въ Россіи языкъ и литература украинскіе».

Протестъ покрытъ 290 подписями.

3) *Ходатайства объ украинской газетѣ и украинскомъ клубѣ въ Кіевѣ.*

Необходимость освободить украинскую литературу отъ тяготѣющихъ надъ нею спеціальныхъ стѣсненій и допустить изданіе повременныхъ изданій на украинскомъ языкѣ давно уже сознана передовыми элементами юга Россіи независимо даже отъ ихъ національности. Въ послѣдніе годы—особенно же въ «эпоху довѣрія»—заявленія въ этомъ смыслѣ сдѣланы весьма многими общественными учрежденіями и, кромѣ того, возбуждено много ходатайствъ частныхъ лицъ о разрѣшеніи ежедневныхъ или еженедѣльныхъ изданій. Къ сожалѣнію, всѣ эти ходатайства и въ эпоху довѣрія, и послѣ нея, какъ и прежде, оставляются безъ удовлетворенія. Тѣмъ не менѣе, попытки въ этомъ направленіи продолжаются. Такъ, г. Сташевскимъ послано ходатайство о разрѣшеніи издавать въ Кіевѣ ежедневную газету на украинскомъ языкѣ. Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ и другое ходатайство, возбужденное передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ кіевскимъ домовладѣльцемъ Рябошапкой, о разрѣшеніи открыть въ Кіевѣ «клубъ украинцевъ». Главная цѣль клуба—объединеніе разрозненныхъ украинцевъ; членамъ вмѣняется въ обязанность учиться и разговаривать на малорусскомъ языкѣ.

Имѣя въ виду необходимость развитія украинскаго языка и изученія его возможно большимъ числомъ интеллигентныхъ силъ въ цѣляхъ подготовки достаточнаго контингента учителей для будущихъ украинскихъ школъ, — нельзя не пожелать этому начинанію возможнаго успѣха.

4) Записка Полтав. Общ. сельскаго хозяйства.—Записка полтавскаго общества сельскаго хозяйства *объ уравненіи правъ украинскаго языка* съ русскимъ, въ отпечатанномъ видѣ, препровождена на дняхъ въ особое совѣщаніе по пересмотру законоположеній о печати, предсѣдателю этого совѣщанія, въ главное управленіе землеустройства и земледѣлія и нѣкоторымъ другимъ правительственнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Въ заключеніе этой записки о—во сельскаго хозяйства признаетъ необходимымъ: 1) немедленную отмѣну ограничительныхъ распоряженій 18 мая 1876 года и 8 октября 1881 года, 2) полное уравненіе правъ малороссійскаго языка съ языкомъ русскимъ въ устномъ словѣ, печати и преподаваніи въ низшихъ школахъ; 3) преподаваніе малороссійскаго языка, какъ отдѣльнаго предмета въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Между прочимъ правленіе о-ва сельскаго хозяйства, имѣя въ виду, что *свобода украинскаго языка* для населенія Харьковской губ. столь же важна, какъ и для Полтавцевъ, особенно въ смыслѣ изданія сельскохозяйственныхъ книгъ, которыя бы съ наибольшимъ успѣхомъ могли быть распространены въ народѣ, обратилось къ Харьковскому сельскохозяйственному обществу съ предложеніемъ поддержать въ правительственныхъ сферахъ ходатайство объ отмѣнѣ всѣхъ ограничительныхъ распоряженій относительно украинскаго языка. Вмѣстѣ съ тѣмъ отослана Харьковскому обществу въ двухъ экземплярахъ записка Полтавскаго о-ва по этому вопросу. 18 сентября, въ общемъ собраніи харьковскаго с.-х. общества была розсмотрѣна эта *записка*. Собраніе постановило поддержать ходатайство полтавскаго с.-х. общества.

—

Къ сооруженію памятника Т. Г. Шевченку. Золотоношское уѣздное земское собраніе, желая почтить память поэта Т. Г. Шевченка сооруженіемъ ему памятника въ г. Кіевѣ, въ сентябрѣ 1904 года постановило учредить особый фондъ путемъ ежегодныхъ ас-

сигнованій опредѣленной суммы и испросить разрѣшеніе на подписку для сбора пожертвованій. Но такъ какъ подписка разрѣшена Полтавскимъ губернаторомъ только въ предѣлахъ Полтавской губерніи и едва-ли можетъ вполнѣ обезпечить выполненіе предпринятаго дѣла, то земство вошло съ представленіемъ о разрѣшеніи всероссійской подписки на этотъ памятникъ. Одновременно съ этимъ Полтавское губернское земское собраніе 40 очередного созыва, въ засѣданіи 9 декабря 1904 года ознакомившись съ содержаніемъ постановленія золотоношскаго земства, поручило управѣ ходатайствовать и отъ губернскаго земства о разрѣшеніи такой подписки въ предѣлахъ всей имперіи. Возбуждая въ настоящее время передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ это ходатайство, губернская земская управа, съ своей стороны, добавляетъ: «что поэтическія произведенія незабвеннаго пѣвца Украины, стяжали ему вполнѣ заслуженную извѣстность повсюду, гдѣ только слышится южнорусская народная рѣчь, а сказавшаяся въ этихъ задушевныхъ произведеніяхъ безграничная любовь автора къ опоэтизированному имъ родному краю создали такую благодарную память о немъ, что мысль о постановкѣ ему памятника къ предстоящему 100-лѣтію его рожденія составляетъ завѣтное желаніе всего малорусскаго народа, независимо мѣста жительства отдѣльныхъ его членовъ. Поэтому, управа находитъ, что не представляется справедливыхъ основаній ограничивать подписку на памятникъ чтимому поэту предѣлами только одной Полтавской губерніи и лишать всѣхъ другихъ его почитателей возможности откликнуться на призывъ избранной золотоношскимъ земствомъ комиссіи къ посильному участію и своей лептой въ этой подпискѣ».

Въ своемъ докладѣ земскому собранію *объ ассигнованіи суммы на сооруженіе памятника поэту Т. Г. Шевченку*, полтавская уѣздная управа замѣчаетъ, что въ необходимости сооруженія памятника не можетъ быть и сомнѣнія, но что, по ея мнѣнію, фондъ для этой цѣли долженъ быть образованъ всѣмъ населеніемъ Украины не путемъ обязательныхъ взносовъ въ видѣ земскихъ сборовъ, а добровольными сборами. «Пусть это будетъ копѣйка,—говоритъ управа,—пусть на эти копѣйки будетъ воздвитнутъ скромный памятникъ, за то памятникъ этотъ будетъ дѣйствительно народнымъ, а не земскимъ».

Въ общемъ управа все-таки высказывается за единовременное ассигнованіе на сооруженіе памятника ста рублей. *Полтав. № 252.*

Украинское евангеліе. Въ кіевскихъ газетахъ на-дняхъ уже опровергнутъ ложный слухъ, будто печатаніе украинскаго перевода Евангелія Морачевскаго встрѣтило какія-то непреодолимыя препятствія. Слухъ этотъ возникъ, вѣроятно, вслѣдствіе того, что московская синодальная типографія, куда послана была изъ Каменца исправленная и одобренная особымъ комитетомъ рукопись евангелія, еще въ началѣ іюля, почему-то замедлила присылкой корректуръ; но теперь эти корректуры уже получены въ Каменцѣ и дѣло печатанія пойдетъ безостановочно. На-дняхъ намъ пришлось видѣть первые корректурные листы, заключающіе въ себѣ I—VIII главы евангелія отъ Матѳея, и мы хотѣли бы хоть въ нѣсколькихъ словахъ подѣлиться вынесеннымъ впечатлѣніемъ. Языкъ перевода Морачевскаго положительно плѣняетъ своею простотою и какою-то задушевностью, такъ гармонирующею съ духомъ евангелія. Ни такъ называемыхъ «кованныхъ» словъ, ни искуственныхъ ad hoc придуманныхъ выраженій — ничего этого нѣтъ и въ поминѣ. Живая, вполнѣ народная рѣчь, свободная отъ вульгаризмовъ, строго соотвѣтствуетъ точному смыслу основныхъ текстовъ—греческаго и славянскаго. Иныя выраженія настолько удачны, что равныхъ имъ по силѣ, точности и колоритности рѣчи намъ не случалось находить ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ переводовъ.

Форматъ изданія будетъ тотъ-же, что и въ русскомъ переводѣ, т. е. in 8⁰ Украинскій текстъ напечатанъ параллельно съ церковнославянскимъ.

Если будетъ осуществлено первоначальное намѣреніе св. синода — выпускать въ свѣтъ украинскій переводъ отдѣльными выпусками, по евангелистамъ, то можно полагать, что евангеліе отъ Матѳея мы будемъ имѣть въ рукахъ еще нынѣшнею осенью, во всякомъ случаѣ не позже конца текущаго года. (Полтавщина № 231).

О. Левицкій.

Вопросъ о національной автономіи на Московскомъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей. 1) Приводимъ отчетъ со словъ «Нов. Дня». Денное и вечернее засѣданіе 14 сентября, происходившія подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Щепкина, посвящены были обсужденію доклада о правахъ національностей.

Открылъ пренія представитель Ковно г. Врублевскій. Онъ утверждалъ, что заблуждаются тѣ, которые увѣряютъ, что поляки заняты

агрессивной политикой, что они стремятся подавить другія національности. Если бы это было такъ, то это, по мнѣнію г. Врублевскаго, было бы со стороны поляковъ равносильно самоуничтоженію, самопожиранію, потому что, напримѣръ, въ сѣверо- и юго-западныхъ губерніяхъ они все таки составляютъ меньшинство. Поляки явились на съѣздъ отстаивать не свои только интересы, но и интересы всѣхъ другихъ шести народностей, населяющихъ сѣверо-западный и юго-западный край и Царство Польское. Если бы поляки такъ широко не смотрѣли на вопросъ, они не отстаивали бы, напримѣръ, предоставленія евреямъ участія въ городскомъ самоуправленіи, завѣдомо зная, что евреи подавятъ ихъ въ томъ же городскомъ самоуправленіи численностью. Поляки протестовали противъ всякихъ ограниченій вообще, рискуя даже оставаться въ меньшинствѣ. Это—единственный принципъ, который они проводили, и на съѣздъ они явились за тѣмъ, чтобы добиться права на культурное самоопредѣленіе для малороссовъ, литовцевъ, бѣлоруссовъ и евреевъ, а не только для себя.

Попутно г. Врублевскій выдвинулъ и вопросъ о правѣ меньшинства, о защитѣ правъ меньшинства въ народномъ представительствѣ, чтобы это меньшинство населенія, принадлежащее къ той или другой національности, тоже имѣло свое представительство. Онъ привелъ нѣсколько примѣровъ, какъ этотъ вопросъ разрѣшенъ въ испанской и германской конституціяхъ, и предложилъ съѣзду, чтобы онъ поручилъ бюро разработать вопросъ о гарантіи правъ меньшинства въ народномъ представительствѣ. Это предложеніе единогласно принято съѣздомъ.

Представитель Сибири, редакторъ мѣстной газеты „Восточное Обозрѣніе“ г. Поповъ, горячо отстаивалъ права народностей, населяющихъ Сибирь, изображая ихъ положеніе въ высшей степени загнаннымъ и тяжелымъ.

Представитель Екатеринослава г. Александровъ, доказывалъ, что предоставленіе правъ національностямъ и децентрализація ведутъ не къ сепаратизму, а къ единенію. Общество устало отъ централизаціи. Не въ силу писанной конституціи, а въ силу реальныхъ соображеній общихъ выгодъ государства надо стремиться къ децентрализаціи.

Когда затѣмъ перешли къ отдѣльнымъ пунктамъ, графъ Гейденъ настаивалъ, чтобы съѣздъ принялъ только принципъ, не вдаваясь въ детали, потому что каждая мѣстность имѣетъ свои особенности, свое численное преобладаніе одной народности надъ другой. Какъ устано-

вить свободу языковъ въ школѣ въ такой мѣстности, гдѣ сразу живетъ шесть народностей, какой языкъ признать тогда роднымъ? Нельзя же вести школу на разныхъ языкахъ для каждой отдѣльной національности, которая будетъ въ данной школѣ. А между тѣмъ у насъ въ одномъ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ—шесть народностей, на Кавказѣ—еще больше. Эти детали затруднительно разрѣшать безъ точныхъ статистическихъ данныхъ, безъ серьезной разработки. Графъ Гейденъ напоминалъ собранію, чтобы оно не забывало, что оно представляетъ изъ себя только съѣздъ, а не законодательное собраніе. Вырабатывая извѣстную программу, которой члены съѣзда должны будутъ держаться, если они попадутъ въ государственную думу, съѣздъ не долженъ связывать своихъ сочленовъ такими деталями, которыхъ они не смогутъ осуществить, которыхъ они не смогутъ отстоять. Вѣдь не всегда то, что кажется прекраснымъ въ теоріи, возможно провести на практикѣ. Взявъ же на себя обязательство отстаивать детали, какія навязываются проектомъ бюро, что сдѣлаютъ члены съѣзда, если они встрѣтятъ сопротивленіе, невозможность провести эти детали? Такое собраніе, какъ съѣздъ, направленное къ образованію сплоченной партіи, должно установить только абстрактные принципы, не вдаваясь въ конкретныя детали, и поэтому представляется совершенно достаточнымъ ограничиться установленіемъ основнаго принципа о правѣ каждой національности на культурное самоопредѣленіе. Все остальное должно уже быть работой законодательнаго учрежденія. Но съѣздъ не согласился съ этими доводами и принялъ всѣ предложенія бюро о правахъ національностей.

Вопросъ о децентрализаціи управленія и децентрализаціи законодательства вызвалъ горячія пренія. Оппозиція возражала главнымъ образомъ противъ децентрализаціи законодательства, т. е. противъ федеративнаго государственнаго устройства, въ которомъ усматривала опасность для цѣлости Россіи. Къ этой группѣ ораторовъ принадлежали А. И. Гучковъ, графъ П. А. Гейденъ, саратовскій городской голова Немировскій, калужскій земецъ Кашкаровъ, г. Дмитріевъ и нѣкоторые другіе.

Ораторы другого направленія и сторонники децентрализаціи и автономіи были гораздо многочисленнѣе. Первымъ изъ нихъ говорилъ г. Колюбакинъ.

Ораторъ убѣждалъ съѣздъ согласиться съ его доводами тѣмъ болѣе потому, что онъ проситъ не законодательства, а принципа.

Оратора поддерживаетъ проф. М. М. Ковалевскій, указывающій, что если можно еще говорить противъ широкаго самоуправленія для внутреннихъ русскихъ губерній, то несомнѣнно существуютъ въ Россіи части Имперіи, которыя по основамъ своего историческаго прошлаго могутъ разсчитывать на автономію. Таковы, напримѣръ, Финляндія, Польша, отчасти Украйна, которая еще въ XI вѣкѣ имѣла свои автономныя учрежденія. Во всякомъ случаѣ, желательно, чтобы съѣздъ установилъ не какія нибудь философскія теоріи, а практическое положеніе, что желательна широкая свобода въ мѣстныхъ дѣлахъ равенство всѣхъ передъ закономъ, автономія Польши.

Петербургскій гласный Оппель, сочувствуя идеѣ автономнаго устройства, предлагалъ, однако же, считаться съ избирателями, которые не поймутъ всѣхъ этихъ деталей, предлагаемыхъ бюро. Избирателямъ надо выставить только принципъ, не разбрасываясь въ деталяхъ; давъ, напримѣръ, обѣщаніе полякамъ, мы не будемъ, можетъ быть, въ состояніи ихъ исполнить, какъ мы проведемъ эти обѣщанія въ государственной думѣ? А разъ мы провозгласимъ принципъ, поляки уже сами, на основаніи этого принципа, смогутъ добиваться въ думѣ осуществленія своихъ идеаловъ. Въ виду этого г. Оппель предлагалъ замѣнить всѣ семь пунктовъ по вопросу о децентрализаціи законодательства, предложенные бюро, однимъ принципіальнымъ пунктомъ о желательности въ будущемъ автономнаго устройства.

Затѣмъ, съѣздъ перешелъ къ разсмотрѣнію резолюціи относительно автономіи Царства Польскаго.

Первымъ опять говорилъ представитель Ковно, г. Врублевскій, призывавшій къ демократическому чувству съѣзда. Польша давно нуждается въ реформахъ, она давно требуетъ гминныхъ судовъ. Для членовъ съѣзда и для Россіи это не имѣетъ значенія, но когда Россія требовала реформъ, они говорили, что ихъ требованія неотложны, необходимы,—пусть они этой же точки зрѣнія придерживаются и по отношенію къ полякамъ. Основной принципъ этики—желать другому всего того, чего желаешь себѣ. Если русскіе стремились къ освобожденію, пусть они желаютъ того же для поляковъ. Если члены съѣзда — демократы и добиваются отвѣта на свои демократическія стремленія, они должны отвѣтить и полякамъ на ихъ призывъ, и на этотъ ихъ призывъ они могутъ отвѣтить только утвердительно.

Г. Каппировъ говорилъ, что надо поскорѣе покончить съ этимъ кошмаромъ, что пора исправить историческую ошибку, и, чѣмъ скорѣе,

чѣмъ единогласнѣе отвѣтитъ съѣздъ на это требованіе, тѣмъ это будетъ справедливѣе...

Г. Родичевъ говорилъ, что хотя общее мнѣніе съѣзда и установилось, но надо еще выяснить, что этотъ вопросъ поднятъ не поляками, а иниціативой самаго съѣзда, что поляки явились не какъ истцы, а какъ полноправные члены съѣзда. Съѣздъ не можетъ допустить, чтобы часть страны управлялась не по праву и справедливости, а по силѣ завоеванія. Съѣздъ долженъ оттѣнить, что первыя слова русскаго народа и русской націи—будутъ освобожденіе тѣхъ, кого угнетали много лѣтъ. Принявъ автономію для Польши, мы отпускаемъ старый грѣхъ, въ которомъ русскій народъ неповиненъ. Но, кромѣ вопроса права и справедливости, тутъ существуетъ еще вопросъ европейскаго мира. Свободная Польша явится оплотомъ противъ имперіалистскихъ стремленій нѣкоторыхъ нашихъ сосѣдей. Русскіе должны создать такое положеніе, при которомъ русскій полякъ будетъ гордиться званіемъ русскаго патріота. Теперь, когда нарождается русскій гражданинъ, польскій гражданинъ долженъ гордиться связью съ Россіей, долженъ видѣть въ ней оплотъ. Въ этомъ шагѣ польской автономіи есть еще другая сторона. Современники недостаточно оцѣниваютъ значеніе обновленной Россіи для всего міра. Мы пойдемъ теперь не назадъ, не въ Монголію, а къ идеаламъ Запада. Автономія Польши—это первый шагъ къ огромной федераціи славянъ съ Россіей во главѣ. Одно изъ первыхъ условій общаго мира—это возстановленіе права на окраинахъ. Если русскіе не хотятъ гибели русскаго государства, они должны стремиться къ автономіи, къ автономному управленію.

Противъ польской автономіи возстаетъ только А. И. Гучковъ. Онъ думаетъ, что автономія Польши будетъ первымъ шагомъ къ федеративному устройству Россіи, на что онъ согласиться не можетъ; въ этомъ не представляется, по его мнѣнію, надобности, такъ какъ будущія реформы дадутъ возможность процвѣтать окраинамъ и безъ федеративнаго устройства.

Затѣмъ резолюція объ автономіи Польши принимается большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного (А. И. Гучкова).

2) Пользуемся выдержками изъ другихъ газетъ для пополненія только-что приведенныхъ дебатовъ по этому вопросу, особенно тѣхъ лицъ, мнѣнія которыхъ слишкомъ слабо освѣщены были выше.

Г. Дмитріевъ, выражая пожеланіе видѣть Россію сильной, спрашивалъ, достигнемъ ли мы этой цѣли, если пойдемъ на уступки тре-

бованіямъ автономнаго управленія со стороны Польши, Украйны, Кавказа?

Мы выслушали проектъ о федеративномъ устройствѣ всего государства, т. е.—что вся Россія будетъ разбита на массу областей, и невольно является представленіе о тяжеломъ времени удѣльно-вѣчевого періода. Съ другой стороны, мы видимъ смуты въ Грузіи, домогательства Финляндіи, смуты въ Царствѣ Польскомъ.

Сепаратизмъ ли это, или стремленіе къ лучшимъ формамъ государственнаго устройства? Вопросъ слишкомъ сложный.

Объ этомъ вопросѣ рѣчь должна быть тогда, когда Россія получить народное представительство. Говорятъ, что нужно выдѣлить вопросъ о Польшѣ и дать ей автономію, которой она вполнѣ достойна по своему историческому прошлому.

Но чѣмъ хуже Остзейскія губерніи, Кавказъ и т. п.?

Если начнемъ заниматься устройствомъ Польши, то получимъ массу заявленій отъ бѣлоруссовъ, Украйны и т. п. Лучше передать этотъ вопросъ для разработки въ бюро.

Обновленная Россія саздастъ условія, при которыхъ будетъ возможна совмѣстная жизнь.

Представитель новгородскаго земства А. М. Колюбакинъ высказалъ мысль, что относительно областной автономіи совѣщаніе находится въ томъ же положеніи, какъ при обсужденіи вопроса о конституціи, когда точно также возражали, что государство распадется, а ему необходимо быть сильнымъ.

Но несомнѣнно, что и при областной автономіи сила государства отнюдь не уменьшится.

Развѣ Сѣверо-Американскіе штаты слабы, развѣ кто посягаетъ на ихъ самостоятельность? Развѣ Германія не сильнѣе въ военномъ смыслѣ? Развѣ бюро предлагаетъ распаденіе Россіи на рядъ суверенныхъ государствъ? Среди окраинъ нѣтъ никакого стремленія къ отпаденію.

Если Польша будетъ стремиться къ отдѣленію, то ее сейчасъ же проглотитъ Германія. Сознаніе выгоды жить въ правовомъ государствѣ, гдѣ нѣтъ мѣста произволу, всегда удержитъ окраины отъ отпаденія.

Мы только что провозгласили права личности,—и развѣ мы убоялись, что свобода, предоставляемая 140 мил. личностей, составля-

ющихъ населеніе Россійской имперіи, поведетъ къ ослабленію государства?

Такой же принципъ надо провозгласить и для отдѣльныхъ національностей. Провозглашеніе это имѣетъ особенно важное значеніе. Недостаточно только написать конституцію, но важно, чтобы она была и сохранена. Возможно, что и послѣ объявленія конституціи наступитъ реакція, но съ ней легче справиться, когда въ странѣ будетъ цѣлый рядъ самоуправляющихся единицъ.

Стремленіе къ болѣе обширному союзу, чѣмъ губернія, развѣ теперь не существуетъ? Когда является желаніе болѣе широкаго объединенія, не мѣшайте объединиться и не мѣшайте разъединенію крупныхъ административныхъ центровъ.

Когда отдѣльныя мѣстности получатъ права не только административнаго хозяйства, но и политическія, тогда никто не посягнетъ на ихъ свободу.

Почему отдѣльнымъ провинціямъ и областямъ не предоставить право суда, завѣдыванія народнымъ образованіемъ и т. п.?

Нельзя всѣми этими огромными механизмами управлять изъ центра. Мы такъ отстали отъ народовъ западной Европы, что намъ нужно лихорадочно работать въ дѣлѣ развитія своей страны, чтобы сравняться съ ними. Повторяю, не нужно бояться распаденія, это—миражъ, теперь не время мелкихъ государствъ, отъ союза—всѣ выгоды.

Кто пойдетъ изъ свободнаго государства, когда каждая мѣстность можетъ развивать свою культуру?

Наоборотъ, сепаратизмъ развивается изъ централизаціи, изъ подавленія мѣстныхъ органовъ. Чѣмъ болѣе свободны мѣстные организаціи, тѣмъ прочнѣе ихъ союзъ.

При автономіи провинцій государство будетъ сильнѣе уже потому, что ему во время какой либо внѣшней войны не придется отвлекать свои военныя силы на поддержаніе внутренняго порядка; при такомъ строѣ явится движеніе не къ отпаденію, а къ присоединенію провинцій.

Великое государство можетъ создаться тамъ, гдѣ свобода и право получатъ полное господство. Безъ областной федераціи осуществленіе этого невозможно.

Въ заключеніе ораторъ предлагалъ провозгласить принципъ: если гдѣ народъ стремится къ соединенію или разъединенію, откройте свободный выходъ, чтобы достигнуть осуществленія областной автономіи.

Представитель г. Саратова А. М. Немировскій, заявляя, что онъ рискуетъ не встрѣтить сочувствія своимъ мнѣніямъ, считаетъ, однако, же, необходимымъ высказать то, что онъ думаетъ. Высказываются за автономію и устраненіе централизаціи. Говорятъ, автономія—самоуправленіе въ самомъ широкомъ смыслѣ. Но если къ такому самоуправленію присоединяется право законодательства, то это и есть автономія.

Намъ говорятъ, что федеративный строй обезпечиваетъ силу государства, и, между прочимъ, приводятъ въ примѣръ Германію. Но съ 1870 года въ Германіи все дѣлается для усиленія центра, прусское правительство противодѣйствуетъ федеральнымъ стремленіямъ германскихъ государствъ, вводятся общіе уголовные и гражданскіе суды и т. п.

М. М. Ковалевскій указываетъ, что нѣкоторыя части имперіи должны имѣть автономію. Что касается Малороссіи, то нельзя понять возстановленія малороссійской автономіи. Нѣтъ языка малороссійскаго есть только малороссійское нарѣчіе русскаго языка.

Развѣ малороссъ Гоголь не есть великій русскій писатель, а великороссъ Тургеневъ развѣ не великій писатель и для Малороссіи? Если страшно давленіе изъ центра, то развѣ не страшенъ сепаратизмъ? Развѣ нельзя ожидать, что на окраинахъ могутъ образоваться самостоятельныя государства и Россія сойдетъ на нѣтъ? Какъ бы при такой децентрализаціи не пришлось, какъ встарь, идти на Волгу, Каму, снова завоевывать эти области, не говоря уже объ отдаленныхъ окраинахъ.

Говорятъ, не будетъ такихъ частей Россіи, которыя пожелали бы въ свободномъ государствѣ отдѣлиться. Но вопросъ даже не объ отдѣленіи. Я сомнѣваюсь, чтобы русскій народъ послалъ въ народное представительство лицъ, которыя подписались бы подъ разъединеніемъ государства. Я боюсь уронить наше значеніе въ глазахъ населенія. Когда мы явимся къ своимъ избирателямъ съ программами федераціи, автономіи, боюсь, что населеніе намъ скажетъ: вы—мечтатели, а не практическіе политики, мы за вами не пойдемъ, а пойдемъ за другими, на знамени которыхъ написано: „единство Россіи". Либеральная Англія даетъ автономію своимъ колоніямъ, которыя находятся за

тридевять морей, но по отношенію къ Ирландіи у нея иная политика. Дѣло государственнаго устройства не есть дѣло чувства сердца, это—суровое дѣло, дѣло разсчета, ума. Пусть съѣздъ совершенно устранитъ вопросъ объ автономіи. Если этотъ вопросъ современемъ возникнетъ, онъ найдетъ разрѣшеніе въ болѣе компетентномъ собраніи. Повторяю я боюсь съ такой программой являться къ избирателямъ,—они скажутъ: мы пойдемъ за другими.

А. И. Гучковъ, считая крайне важнымъ вопросъ о федераціи, заявилъ: «Если только по одному этому вопросу мы разойдемся, мы—политическіе враги, если сойдемся—мы союзники». Говорятъ, наше государство должно сдѣлаться федеральнымъ, союзнымъ, но гдѣ будетъ положенъ предѣлъ количеству федеральныхъ областей, что останется за центральною властью, къ какимъ областямъ и народностямъ это относится, намъ не говорятъ. Неудивительно, если тогда многіе города вспомнятъ о своихъ вольностяхъ,—Новгородъ, Псковъ,—а за ними потянется Тверь, и дѣло, пожалуй, дойдетъ и до Москвы. Неизвѣстно, какъ далеко пойдутъ въ дѣлѣ раздробленія государства, Когда у насъ, стоящихъ за обновленіе существующаго строя, будетъ предъ избирателями партійная программа скрытаго федерализма, то несомнѣнно сильнымъ нашимъ противникомъ явится партія, защищающая настоящій режимъ и самыя реакціонныя мѣры. Тогда нельзя сомнѣваться, какой партіи народъ дастъ предпочтеніе, и въ обновленной Россіи явится прежній произволъ. Между тѣмъ, и безъ федераціи окраины найдутъ удовлетвореніе своихъ нуждъ, получивъ права политическія, которыхъ нѣтъ еще и у передовыхъ государствъ, права самаго широкаго мѣстнаго самоуправленія. Дальше предоставленія этихъ правъ самоуправленія съѣзду нельзя идти—ни на одну іоту больше, ни на одну іоту меньше.

Представитель калужскаго земства В. М. Кашкаровъ высказалъ, что, высказываясь за федерацію, съѣздъ поставитъ на карту все, что было выработано и достигнуто земскими и городскими дѣятелями за послѣдніе два года,—все это должно погибнуть.

Представитель тамбовскаго земства проф. В. И. Вернадскій возражалъ противъ мнѣнія А. И. Гучкова и другихъ ораторовъ, что будущій автономный строй поведетъ къ распаденію русскаго государства. Напротивъ,—автономный строй представляетъ собою единственную возможность сохранить силу и величіе государства и необходимость его вызывается условіями нашей жизни. Если предполагаютъ,

что это—теоретическій вопросъ, грозящій цѣлымъ рядомъ плохихъ практическихъ послѣдствій, то это—большая ошибка. Напротивъ, это—вопросъ практическій, и немного мѣсяцевъ пройдетъ, когда онъ явится во всей наготѣ. Автономное устройство русскаго государства вызывается не требованіями національностей, а иными требованіями, которыя стоятъ на нашей платформѣ. Самое главное изъ этихъ требованій—есть демократическій строй русскаго государства. Демократическій строй Россіи, при огромности территоріи, захватывающей 150 мил. жителей, не можетъ быть построенъ на національныхъ началахъ. Вызовъ живыхъ силъ страны возможенъ, когда цѣлый рядъ функцій центральнаго управленія будетъ переданъ на мѣста.

Предстоящая Россіи мировая задача совершенно новаго устройства, не имѣетъ примѣра въ исторіи, такъ какъ нѣтъ такого огромнаго государства съ демократическимъ строемъ. При разнообразіи физическихъ, географическихъ, бытовыхъ условій разныхъ мѣстностей Россіи, разные вопросы, какъ напр. аграрный, не могутъ получить единообразнаго рѣшенія изъ центра. Разрѣшеніе такихъ вопросовъ надо предоставить мѣстнымъ живымъ силамъ страны. При автономіи, при вызовѣ живыхъ силъ къ мѣстному управленію, Россія будетъ сильной и могущественной страной. Организація автономнаго государства должна разрабатываться съ точки зрѣнія не центральной власти, а народныхъ потребностей. Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ сохраненіе тѣхъ гарантій свободы, которыхъ мы добиваемся.

С. А. Котляревскій, защищая принципъ автономіи, выражалъ опасеніе, что при иномъ строѣ политическая свобода можетъ остаться только на поверхности общества дѣломъ небольшого слоя населенія.

Когда французскія провинціи получили свободу, то мѣстная жизнь (мѣстное самоуправленіе) была раздавлена.

Большое счастье для Россіи въ томъ, что мы прошли черезъ школу учрежденій мѣстнаго самоуправленія. Отъ этого мѣстнаго самоуправленія нужно идти далѣе до областной автономіи.

Необходима децентрализація политической свободы, необходимо ввести ее въ мѣстную обывательскую жизнь, а при этомъ ни о какомъ раздробленіи Россіи не можетъ быть и рѣчи.

Проф. И. В. Лучицкій указалъ, что при автономіи громадная масса денежныхъ средствъ, затрачиваемая на петербургскую централизацію, отвлечется на мѣста. Касаясь затѣмъ федеративнаго строя, ораторъ находитъ въ немъ большую гарантію для мѣстнаго само-

управленія, которое не можетъ быть достигнуто въ полной мѣрѣ безъ автономіи. Не бойтесь распаденія государства. Въ Швейцаріи, если какая либо область не исполняетъ общихъ законовъ страны, то центральная власть принимаетъ мѣры, посылаетъ даже войска для возстановленія законнаго порядка. Не бойтесь федераціи,—если есть одно центральное представительство, то оно, въ силу своего положенія, имѣетъ право дѣлать измѣненія въ законѣ. Въ федераціи—самая вѣрная гарантія свободы, конституціи, которая безъ нея можетъ быть легко измѣнена. Вторая палата не представляетъ надежнаго средства для охраны конституціи. Сохраненіе конституціи, власти народныхъ представителей, обусловливается только дарованіемъ права каждой области имѣть свою конституцію, согласную съ общей, и существованіемъ верховнаго суда. Безъ автономіи каждая область будетъ стремиться къ сепаратизму.

Представитель тамбовскаго земства В. В. Измайловъ видитъ какую-то наивность въ отрицаніи автономіи. Это все равно, если бы оградить себя китайской стѣной отъ всего свѣта. Но ограждаютъ стѣнами только тюрьмы, изъ которыхъ бѣгутъ. Неужели-же Россію хотятъ сдѣлать тюрьмой, чтобы изъ нея бѣжали народности? Мы только наканунѣ признали права человѣка и гражданина, а теперь хотимъ тоже сдѣлать для національностей? Неужели же можно бояться дать имъ это право?

В. Е. Якушкинъ заявилъ, что онъ принадлежитъ къ числу приверженцевъ федераціи, но не думаетъ, чтобы она возможна была завтра вездѣ. Принципъ федераціи не чуждъ Россіи. Онъ выдвинутъ былъ еще въ конституціи, намѣченной декабристами. Федеративный строй будетъ содѣйствовать и облегчитъ ей задачу ея доставленіемъ полныхъ мѣстныхъ данныхъ.

О. Ѳ. Кокошкинъ, возражалъ противникамъ автономіи тѣмъ, что за программой бюро пойдутъ Польша, Кавказъ, Сѣверо-западный край, а за другой они не пойдутъ. Довольно выдвинуть разные пугала и страхи о распаденіи государства отъ автономіи, которые также выдвигались при обсужденіи вопроса о конституціи и всеобщемъ избирательномъ правѣ. Предполагается лишь существованіе мѣстнаго законодательнаго собранія, а это не федерація. Съ того времени, какъ въ Россіи начали возникать проекты конституціи, всѣ они были основаны на одномъ началѣ — областной автономіи. Даже

славянофилы стояли за политическое освобожденіе Польши. Неужели мы сдѣлаемъ шагъ назадъ, неужели бюрократическій режимъ на насъ такъ подѣйствовалъ, неужели мы откажемся отъ того, что лучшіе русскіе люди говорили въ XIX столѣтіи?

Украинскій митингъ. На 29-е сентября въ аудиторіи стараго физическаго института спб. университета назначена была сходка у студентовъ-украинцевъ.

Къ назначенному времени собралось очень много публики—студентовъ-университантовъ, студентовъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, курсистокъ, рабочихъ...

Помѣщеніе оказалось настолько тѣснымъ, что не было возможности открыть сходки. Послана была депутація къ ректору съ просьбой разрѣшить перенести сходку въ актовый залъ университета. Ректоръ удовлетворилъ ходатайство студентовъ.

Собравшаяся толпа, около 2,000 человѣкъ, направилась въ актовый залъ, гдѣ избраннымъ предсѣдателемъ былъ открытъ украинскій митингъ.

Первый ораторъ указалъ, что данное собраніе есть *первый* украинскій митингъ въ Россіи за 250 лѣтъ. Украинцы получили возможность въ первый разъ заявить о своихъ нуждахъ передъ русскимъ обществомъ, охарактеризовать отношеніе русскаго правительства къ украинскому вопросу.

Затѣмъ приступлено было къ выполненію программы митинга, т. е. чтеніе намѣченныхъ рефератовъ.

Сущность перваго реферата „Генезисъ автономнаго движенія на Украйнѣ", сводится къ слѣдующему: начало движенія среди украинскаго общества необходимо считать съ того момента, когда оно начало себя отличать отъ татаръ, поляковъ.

Въ началѣ XIX вѣка начинается движеніе національно-демократическое.

Движеніе это на первыхъ порахъ проявлялось лишь въ университетскихъ городахъ, затѣмъ постепенно распространялось и по провинціи.

Лучшимъ выразителемъ этого движенія является „Кирилло-Мефодіевское братство", организаторами котораго были — Шевченко, Костомаровъ, Кулишъ и друг.

Основная мысль этого братства — равноправіе всѣхъ національностей, уничтоженіе сословности и автономія Украйны.

Въ заключеніе референтъ высказалъ увѣренность, что украинскій народъ будетъ добиваться своихъ естественныхъ національныхъ правъ просвѣщенія, школъ, газетъ на украинскомъ языкѣ.

Второй ораторъ въ яркихъ краскахъ охарактеризовалъ отношеніе русскаго правительства и общества къ украинскому вопросу и полагаетъ, что по отношенію къ освободительному движенію украинскаго народа русское общество дѣйствовало заодно съ русскимъ правительствомъ.

Третій и четвертый ораторы отмѣтили „драконовскіе" законы по отношенію къ украинскому слову.

Послѣдній же ораторъ подробно остановился на существующихъ различныхъ украинскихъ партіяхъ. Онъ указалъ, что въ настоящее время существуютъ слѣдующія партіи: буржуазно-демократическая и пролетарская, которая въ свою очередь подраздѣляется на украинско-революціонную партію и чисто народную.

Послѣ прочтенія докладовъ, приступлено было къ преніямъ, въ которыхъ ораторы старались доказать крайнюю исключительность даннаго момента, необходимость сплоченія для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Представитель польской молодежи, привѣтствуя собраніе товарищей-украинцевъ, сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: „польская молодежь, страдающая вмѣстѣ съ вами, готова вмѣстѣ съ вами бороться". Привѣтствіе это было покрыто дружными аплодисментами. Послѣ всѣхъ преній приступлено было къ чтенію резолюціи.

Единогласно принята слѣдующая резолюція:

„Мы, украинцы, собравшись 28-го сентября 1905 года на первомъ украинскомъ митингѣ въ Петербургѣ, постановили:

„Въ виду того, что употребленіе родного языка во всѣхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ является однимъ изъ важнѣйшихъ способовъ культурнаго и экономическаго развитія науки;

въ виду того, что Украйна, какъ національная единица, выражается еще цѣлымъ рядомъ соціально-экономическихъ особенностей, находимъ, что при существующемъ режимѣ никакое обезпеченіе національныхъ правъ невозможно. А потому мы признаемъ необходимымъ: 1) созваніе учредительнаго собранія на основахъ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права; 2) возстановленіе автономіи Украйны на широкихъ демократическо-федеративныхъ началахъ. (Бирж. Вѣд. № 9055).

Къ вопросу о музеѣ имени И. П. Котляревскаго въ Полтавѣ. Истина, что уваженіе къ древности въ жизни народовъ наступаетъ не скоро и служитъ показателемъ ихъ развитія; истина, что дикари, какъ и животныя, не знаютъ ни своихъ предковъ, ни героевъ, а малокультурные народы скоро ихъ забываютъ или вообще мало ими интересуются. Поэтому проявленіе интереса къ старинѣ служитъ однимъ изъ показателей культурности народа. Полтавцы не такъ давно проявили свою культурность. Послѣ того, какъ ихъ земляки, со всѣхъ сторонъ Украины, начали настойчиво указывать на приближающееся столѣтіе со дня выхода въ свѣтъ безсмертной „*Энеиды*“ И. П. Котляревскаго, не только заинтересовались свѣтлой, полной обаянія личностью перваго національнаго поэта, но даже памятникъ и школу ему поставили. Нельзя, разумѣется, умолчать о томъ, что всѣ это сдѣлано „*съ немалыми хлопотами и великою запомогою*“ многихъ иногороднихъ почитателей поэта, но все же поставили... Да какъ же и непоставить тому, о комъ одно воспоминаніе (а оно еще живетъ въ Полтавѣ) уже вызываетъ улыбку симпатіи, тому, кто еще при жизни своей пользовался исключительно любовію согражданъ, кто однимъ своимъ присутствіемъ уже овладѣвалъ обществомъ, настраивалъ его на бодрый, жизнерадостный тонъ; тому, чье остроуміе озаряло собравшихся подобно вспышкамъ молніи, чья сатира, чья ѣдкая каррикатура и пламенныя изреченія такъ и искрились неподражаемой веселостью, скрашивая въ дѣйствительности горькіе замыслы автора моралиста; тому, наконецъ, кто шелъ далеко впереди своего вѣка, не только какъ гуманный образованный и талантливый писатель, но и какъ сознательный украинецъ, проводившій взгляды, которые лишь теперь получаютъ должное объясненіе и оцѣнку. Кстати сказать, мы совершенно не можемъ согласиться съ людьми, пишущими, что И. П. былъ,

такъ сказать. — стихійный украинецъ и руководствовался въ своихъ работахъ не сознательно поставленной цѣлью, а лишь инстинктомъ любви къ родинѣ. Достаточно припомнить его слова, сказанныя имъ въ 1837 году И. Срезневскому объ исторіи и этнографіи Украины, чтобы убѣдиться, что мы ничуть не преувеличиваемъ называя И. П. сознательнымъ украинцемъ.

„Когда то мы дождемся историческаго описанія Малороссіи, ея достойного!“— воскликнулъ глубокій старикъ, — „когда желаніе понять ее будутъ замѣнять желанія ее описать“—отвѣчалъ молодой ученый. — „Ваша правда: теперь оно невозможно“, — „и Иванъ Петровичъ, припоминая о томъ, что сдѣлано, прекрасно высказалъ, чего еще недостаетъ въ массѣ матеріаловъ. Видно было, что онъ слѣдитъ зорко за движеніемъ разработки матеріаловъ“... — Когда разговоръ коснулся патятниковъ народной словесности, то И. П. винилъ собирателей въ недальнозоркости, въ неумѣніи пользоваться сокровищами. — „А сокровища все болѣе пропадаютъ, и скоро не надъ-чѣмъ будетъ и трудиться; бывало десятками, сотнями слышимъ старинныя пѣсни и думы, а теперь разъ въ годъ придется услышать одну.

Пусть бы эти сокровища остались не болѣе какъ тѣмъ, чѣмъ остались пирамиды для Египта, все же-бъ остались памятникомъ народа, стоющаго памяти“... Когда Срезневскій сообщилъ Ивану Петровичу свои надежды и предположенія объ этнографическихъ записяхъ на Украйнѣ, то послѣдній, ободряя его, произнесъ: — „Колыбъ-то такъ уси за дило пріймалысь! Та ще колыбъ не москали, а наши“... послѣ чего перешелъ съ нимъ на исключительно украинскій языкъ. Свидѣтельство ученаго слависта о томъ, что И. П., предварительно разобравъ, что сдѣлано по исторіи Малороссіи, прекрасно высказалъ, чего еще не достаетъ, и что видно было, что онъ зорко слѣдилъ за движеніемъ разработки матеріала (и это въ 68 лѣтъ!),—очень цѣнно и говоритъ въ пользу нашего предположенія.

Какъ бы то ни было, однакожъ, въ культурномъ мірѣ такъ ведется, что постановка памятника не есть еще окончательное дѣйствіе выраженія признательности общества. Оно, это общество, и далѣе не перестаетъ заботиться и собирать все, что такъ или иначе касается памяти чествуемаго писателя. Такъ должно быть и въ Полтавѣ по отношенію къ И. П. Котляревскому — вѣдь каждая его книга, каждая рукопись или письмо — это частица его души, это чистый, благо-

ухающій экстрактъ его разума. Каждая картина, иллюстрація или рисунокъ — это наглядная лѣтопись, художественное поясненіе невоплощенныхъ въ реальныя формы недосказанныхъ мыслей и образовъ, принадлежащихъ автору. Каждое воспоминаніе, каждое изслѣдованіе или критическій, разборъ его произведеній — это новый лучъ, въ преломленіяхъ котораго засверкаетъ обновленный образъ гуманиста, возродителя литературной Украины.

Каждая мелочь его обстановки, а также быта его времени — это необходимое дополненіе фона картины, въ которой долженъ представиться будущему потомству этотъ первый *«вторично-рожденный»* избранникъ народа. Все перечисленное должно собирать самымъ тщательнымъ образомъ и сохранять на память будущему потомству; потомство же наше несомнѣнно будетъ и образованнѣе и любознательнѣе насъ. Оно съ величайшей признательностію вспомнитъ тѣхъ, кто позаботился о первомъ національномъ писателѣ и тѣмъ самымъ облегчилъ трудъ разысканія матеріаловъ о немъ. Короче: нужно возможо скорѣе осуществить музей имени И. П. Котляревскаго. Полтава, въ лицѣ своей думы, какъ извѣстно, принципіально признала необходимымъ устройство такого музея, но признать — одно, а исполнить другое. Прошло уже очень много времени, а дѣло едва ли серьезно подвинулось впередъ. Мало желающихъ и свѣдущихъ лицъ, чтобы энергично работать въ этомъ направленіи. Очень давно было какое то приглашеніе «жертвовать что можно», собиралась комиссія, но общество толкомъ ничего не знаетъ. Тѣмъ не менѣе, очень упорно передавался слухъ, что музей имени Котляревскаго предполагается соединить съ музеемъ губернскаго земства. Ничего не могло быть пагубнѣе подобнаго предложенія! И если таковое дѣйствительно исходило отъ г. членовъ управы, то оно можетъ разсматриваться какъ формальное умываніе рукъ отъ данныхъ обществу обѣщаній. Нельзя лучше похоронить идею музея!..

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что всякая небольшая коллекція, будучи поставлена въ губернскій музей, обязательно потонетъ тамъ въ числѣ множества другихъ вещей. Только индифферентизмъ къ судьбѣ музея имени Котляревскаго, только колючія тернія косности, очевидно уже вонзившіяся въ прекрасное культурное начинаніе, тормозятъ и губятъ начатое благородное дѣло. Музей имени И. П. Котляревскаго долженъ быть самостоятельнымъ учрежденіемъ. — Пусть онъ начнетъ свое скромное существованіе при той же школѣ имени

Котляревекаго. Что бы ни говорили, а пока лучшаго мѣста для него и придумать невозможно. Пуста онъ ютится только въ одной изъ комнатъ построеннаго зданія, — для начала этого вполнѣ достаточно. Современемъ, когда общество увидитъ его, повѣрьте, оно озаботится, чтобы музей развился и даже процвѣталъ, оно добровольными пожертвованіями охотно дополнитъ отдѣлы музея. У многихъ почитателей поэта найдется кое-что достойное занять мѣсто въ музеѣ его имени, но эти же почитатели врядъ ли отдадутъ свои вещи при условіи, что коллекція будетъ размѣщена въ губернскомъ земскомъ музеѣ, гдѣ нибудь рядомъ съ коллекціей сорныхъ травъ черноземной полосы или со сторонними литографіями допотопной фауны земного шара. Посмотрите на европейскіе, даже небольшіе городки: вѣдь тамъ всюду существуютъ, а съ величайшей ревностію поддерживаются, мѣстные музеи въ честь родившихся или только жившихъ тамъ писателей родины. Муниципалитеты тамошнихъ городковъ отлично сознаютъ, что подобныя учрежденія, какъ единицы культурныхъ институцій, прежде всего поднимаютъ въ глазахъ всей страны значеніе самого городка. Туда ѣдутъ туристы, туда заглядываютъ многіе соотечественники. Естественно поэтому, что жители съ гордостью показываютъ и говорятъ о своихъ достопримѣчательностяхъ. Почему-же Полтавѣ не послѣдовать этому благоразумнѣйшему примѣру нашихъ западныхъ сосѣдей? Результатъ вѣдь будетъ тотъ же, что и тамъ — всякій просвѣщенный посѣтитель Полтавы заинтересуется ея достопримѣчательностями, и это помимо основного значенія такого музея не только для Полтавы, но и для всей Украины. И многіе изъ этихъ просвѣщенныхъ посѣтителей скажутъ свое благодарное слово по адресу отцовъ города, озаботившихся устройствомъ просвѣтительнаго учрежденія. Значеніе И. П. для Украины огромно, и оцѣнка его дѣятельности будетъ современемъ лишь расти. Надо удивляться, что болѣе ста лѣтъ назадъ этотъ необыкновенный человѣкъ первымъ поднялъ высоко знамя сознательнаго украинскаго писателя и безъ всякаго колебанія держалъ его въ рукахъ всю свою долгую жизнь.

Везикій Гоголь, называвшій украинскій языкъ «*языкомъ души*», всю свою жизнь не могъ выработать себѣ такого «*убѣжденія*» и, по выраженію г. Ефименко, «палъ жертвой душевной раздвоенности, имѣвшей свои глубочайшіе корни въ раздвоенности національной». Такъ кто-же повѣритъ въ непоколебимость «убѣжденій» современныхъ «сыновъ Украины»?

И. П. Котляревскій былъ на прямой дорогѣ, ведущей въ сердце его родины, онъ не зналъ колебаній, онъ зналъ, что дѣлалъ и что надо дѣлать для блага его жизни. Такіе писатели заслуживаютъ и памятниковъ и музеевъ ихъ обожаемаго имени.

А. Сластіоновъ.

Выставка при Кіевскомъ музеѣ. Комиссія по устройству выставки прикладнаго искусства и кустарныхъ издѣлій при Кіевскомъ музеѣ опубликовала слѣдующее воззваніе.

«На Югѣ Россіи кустарные промыслы и особенно тѣ, въ которыхъ проявляется народное художественное творчество, вообще слабо развиты, въ большей же части нашего обширнаго края и совсѣмъ отсутствуютъ.

Съ другой стороны, благодаря наплыву фабричныхъ издѣлій, изъ крестьянскаго обихода постепенно вытѣсняются предметы домашняго производства, очень часто интересные въ художественномъ отношеніи, и то, что явилось результатомъ многовѣковой самобытной жизни народа, безслѣдно исчезаетъ.

Имѣя въ виду хотя отчасти прійти на помощь дѣлу развитія на Югѣ Россіи кустарныхъ промысловъ, могущихъ служить, какъ показалъ примѣръ центра и сѣвера Россіи, немаловажнымъ подспорьемъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ, и съ цѣлью собрать, пока еще не поздно, образчики народнаго искусства, которые должны лечь въ основу дальнѣйшаго, практическаго ихъ примѣненія, въ Кіевскомъ Музеѣ Императора Николая II предположено устроить въ январѣ 1906 г. *„Выставку прикладного искусства и кустарныхъ издѣлій“*.

Выставка будетъ заключать предметы по слѣдующимъ производствамъ:

I.

I. *Гончарство* (посуда, изразцы, игрушки).

II. *Плетеніе* (издѣлія изъ соломы, лозы, лыка, бересты, рогозы, шерсти и т. д.).

III. *Ткачество* (издѣлія изъ холста и шерсти съ затканнымъ орнаментомъ; изъ шерстяныхъ издѣлій особаго вниманія заслуживаютъ старинныя плахты и ковры).

IV. *Вышиваніе* (только самобытныя народныя вышивки).

V. *Набойки* (а также набойныя рѣзныя доски).

VI. *Издѣлія изъ цвѣтной кожи* (выкладки на полахъ кожуховъ).

VII. *Рисованіе* (рисунки на разныхъ предметахъ; писанки).

VIII. *Рѣзьба по дереву.*

IX. *Издѣлія изъ кости и рога.*

X. *Издѣлія изъ камня, фаянса и стекла.*

XI. *Издѣлія изъ металловъ.*

XII. *Фотографіи и рисунки,* иллюстрирующіе процессъ различныхъ производствъ, а также фотографіи и рисунки костюмовъ, построекъ, бытовыхъ сценъ и т. д.

II.

Особый отдѣлъ на выставкѣ займутъ *предметы прикладного искусства, исполненные на основѣ народнаго орнамента.*

—

Комиссія по устройству выставки обращается съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ просвѣщенномъ содѣйствіи новому дѣлу и принять участіе въ выставкѣ.

О согласіи принять участіе въ выставкѣ Комиссія проситъ заблаговременно ее увѣдомить.

Свѣдѣнія для желающихъ принять участіе въ выставкѣ:

Послѣдній срокъ пріема предметовъ — 15 января 1906 года.

При отсылкѣ предметовъ просятъ обозначать мѣстность, гдѣ изготовлены предметы, а также имя, отчество, фамилію и точный адресъ отправителя.

Если предметы предназначены для продажи, то просятъ обозначать это, указывая цѣны.

Всѣ посылки просятъ адресовать: *г. Кіевъ, Музей Императора Николая II.*

За справками и разъясненіями просятъ обращаться туда-же, къ директору Музея *Н. Бѣляшевскому.*

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

„Чествованіе" памяти Б. Хмельницкаго во Львовѣ. Львовскою городскою думою постановлено праздновать 250-лѣтнюю годовщину освобожденія Львова отъ «нашествія» Хмельницкаго.

Въ день «юбилея» должно быть богослуженіе во всѣхъ церквяхъ, публичное чтеніе въ засѣданіи Думы, и розданы будутъ соотвѣтственныя польскія брошюры народу и, наконецъ выбита медаль. Русины возмущаются такимъ постановленіемъ польской думы, считаютъ ее вызовомъ Украинѣ и обѣщаютъ устроить контръ-торжество. Неблагожелательно отнеслась къ затѣямъ львовской думы и нѣкоторая часть прессы, заявляющей протестъ противъ траты общественныхъ денегъ по такому поводу. Тѣмъ болѣе, что львовская дума руководилась специфической оцѣнкой Б. Хмельницкаго со стороны пристрастныхъ историковъ, какъ Бобжинскій.

На самомъ же дѣлѣ, говорится въ одной изъ газетъ «Monitor'ѣ», не лучше-ли было бы для Польши, если-бы она когда-то внимательнѣй отнеслась къ замысламъ Хмельницкаго.

—

Украинскій университетъ. Въ открытой парламентской сессіи русинскій посолъ Романчукъ снова настаивалъ на необходимости основанія украинскаго университета.

—

Украинская гимназія въ Бережанахъ. Въ осеннюю сессію Львовскаго сейма русинскимъ посломъ Олесницкимъ внесена петиція о необходимости основанія въ Бережанахъ украинской гимназіи. Петиція, снабженная обширной мотивировкой, по настоянію посла передана въ школьную комиссію.

—

Украинская гимназія въ Дрогобичѣ. На созванномъ народной организаціей собраніи «мужей довірья» въ Дрогобицкомъ уѣздѣ состоялось постановленіе о возбужденіи ходатайства объ основаніи украинской гимназіи въ Дрогобичѣ.

—

Украинскій „народный домъ“. На дняхъ состоится закладка «народного дому» въ борщевскомъ уѣздѣ (Галиція).

—

Общество „взаімно-поміч галицких і буковинских учителів і учительок“. Съ такимъ наименованіемъ образовалось въ Австріи новое общество, цѣль котораго разностороннее объединеніе русинскихъ учителей.

—

Украинскій театръ во Львовѣ. На постройку театра собрано за сентябрь м-цъ 2889 кор. 99 сот., а всего, съ прежде поступившими, 160 229 кор. 6 сот.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Труды по изученію этнографіи Екатеринославской губерніи.

1) *Сборникъ статей Екатеринославскаго Научнаго Общества по изученію края.* Изданъ къ XIII археологическому съѣзду въ г. Екатеринославѣ. Подъ общей редакціей проф. В. В. Курилова. Е. 1905. 2) *В. А. Бабенко. Этнографическій очеркъ народнаго быта Екатеринославскаго края.* Изд. Екат. Губ. Земства къ XIII археологическому съѣзду (Съ 75 фототипіями, рисунками и чертежами въ текстѣ). Е. 1905. 3) *В. Бабенко. Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губерніи.* Харьковъ. 1905. 4) *Каталогъ Екатеринославскаго Областного Музея имени А. Н. Поля.* Археологія и этнографія. Е. 1905.

Этнографія есть наука объ общихъ и устойчивыхъ формахъ проявленій человѣческаго духа среди отдѣльныхъ группъ человѣчества, поставленныхъ природою въ различныя условія существованія, и, какъ таковая, этнографія должна занимать самостоятельное мѣсто въ кругу другихъ наукъ, трактующихъ о жизни человѣчества. Общность и устойчивость формъ жизни, изучаемыхъ этнографіею, это — ея differentia specifica, полагающая ей грани и указывающая ей цѣль. Но вполнѣ наукою этнографія станетъ только, какъ міровая этнографія. До тѣхъ же поръ, пока разработка этнографическаго матеріала будетъ вестись главнымъ образовъ по отдѣльнымъ народностямъ, этнографія будетъ оставаться болѣе или менѣе на степени науки описательной. Однако, чѣмъ болѣе скопитъ она описательнаго матеріала, тѣмъ болѣе блестящимъ и прочнымъ выйдетъ зданіе этнографіи научной. Поэтому

мы привѣтствуемъ появленіе въ свѣтъ названныхъ выше изданій, посвященныхъ украинской этнографіи.

Появленіе всѣхъ этихъ изданій связано съ XIII археологическимъ съѣздомъ въ г. Екатеринославѣ. Самъ по себѣ XIII съѣздъ не далъ значительныхъ трудовъ въ области этнографіи. Рефератовъ этнографическаго содержанія на съѣздѣ было прочитано мало, спеціалисты-этнографы отсутствовали, вслѣдствіе чего одинъ рефератъ по этнографіи даже былъ исключенъ изъ программы самимъ его авторомъ. Однако, какъ бы ни были глубоки причины нѣкоторой неудачливости XIII археологическаго съѣзда, все же будемъ надѣяться, что эти причины исчезнутъ ко времени открытія XIV археологическаго съѣзда въ древнемъ Черниговѣ, и что черниговскіе люди сдѣлаютъ все для того, чтобы XIV съѣздъ далъ богатые результаты въ области историческаго знанія, въ частности въ области этнографическихъ изученій. Тѣмъ не менѣе, если не прямо, то косвенно, Екатеринославскій археологическій съѣздъ повліялъ на изученіе мѣстной этнографіи, и мы имѣемъ теперь передъ собою новые труды, примыкающіе къ обширному уже матеріалу по украинской этнографіи.

Эти труды открываются статьею проф. Н. Ѳ. Сумцова „Объ этнографическомъ изученіи Екатеринославской губерніи", помѣщенной въ первомъ изъ указанныхъ въ перечнѣ изданій. Н. Ѳ. Сумцовъ, отмѣчая въ началѣ, что, сравнительно съ другими мѣстностями Украины, Екатеринославская губ. мало обслѣдована въ этнографическомъ отношеніи, останавливается на краткой характеристикѣ наиболѣе видныхъ дѣятелей въ области екатеринославской этнографіи, каковы Н. Д. Мизко (1818—1881), И. И. Манжура, Я. П. Новицкій и Д. И. Эварницкій. Характеризуя общее направленіе екатеринославской этнографіи, Н. Ѳ. Сумцовъ говоритъ: „Екатеринославскихъ этнографовъ воодушевляла романтическая меланхолія, историческія минисценціи о старинѣ, какъ ее представлялъ и понималъ Шевченко, т. е. непремѣнно славной, козацкой; но при этомъ современность какъ-то незамѣтно отходитъ на второй планъ, и внукамъ-сѣятелямъ не удѣляется достаточнаго вниманія..." И вотъ провозвѣстникъ „утилитарной этнографіи" вноситъ поправку въ это романтическое направленіе екатеринославскихъ этнографовъ: „Серьезная задача современной этнографіи — говоритъ онъ — показать, какъ пользуются своей жизнью нынѣ живущіе, въ какія формы нынѣ эта жизнь укладывается, гдѣ и въ чемъ скрываются ея идеалы, ея новыя творческія начала".—„Изъ новизны

продолжаетъ далѣе авторъ — громадный во многихъ отношеніяхъ въ высшей степени жизненный интересъ представляетъ, напр., вопросъ о современныхъ формахъ общенія и взаимнаго вліянія народностей въ предѣлахъ екатеринославской губ., вліянія фабричной и заводской промышленности, прилива иностранныхъ капиталовъ и инородческой колонизаціи".

Въ томъ же „Сборникѣ статей Екатеринославскаго Научнаго Общества" помѣщена большая и богатая интересными матеріалами статья Я. П. Новицкаго „Съ береговъ Днѣпра", на которую я уже указывалъ на страницахъ *Кіевской Старины*. Названная статья представляетъ изъ себя замѣчательное сочиненіе не только по тѣмъ матеріаламъ, которые въ ней находятся, но и по своимъ художественнымъ достоинствамъ. Въ видѣ путевыхъ записокъ авторъ рисуетъ передъ нами картины быта, объясняетъ древнія названія селъ и урочищъ, сообщаетъ свѣдѣнія изъ историческихъ и бытовыхъ воспоминаній народа, приводитъ преданія и сказанія о запорожцахъ, украшая свое повѣствованіе описаніемъ картинъ днѣпровской природы. Къ статьѣ приложены иллюстраціи. Тому-же автору принадлежитъ еще одна статья „Сборника", имѣющая отношеніе къ этнографіи, именно— „Старожитные уѣзды Екатеринославской губерніи — Новомосковскій и Павлоградскій".

На тѣ требованія, которыя ставитъ современной этнографіи проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, отвѣчаетъ статья того же „Сборника"—Краткій обзоръ экономическаго положенія населенія Маріупольскаго уѣзда", М. Е Земцова. Къ статьѣ присоединены четыре приложенія: 1) Экономическіе признаки населенія по подворнымъ переписямъ 1886 и 1901 г.г. 2) Бюджетъ семьи крестьянина Прокофія Анисимовича Кучерявенко (изъ с. Срѣтенки, маріуп. у.). 3) Списокъ книгъ семьи Прокофія Кучерявенко, и 4) Списокъ праздничныхъ дней, въ которые не производится работа въ с. Срѣтенкѣ, маріуп. у. (Такихъ дней съ воскресеньями оказывается 31,5%). Очень интересенъ указанный списокъ книгъ. На долю книгъ духовнаго содержанія приходится 20 заглавій, преимущественно это — житія святыхъ въ лубочныхъ изданіяхъ. Таковы же свѣтскія книжки, среди которыхъ, между прочимъ, имѣются „Три сказки Л. Толстого"; остальныя книжки въ такомъ родѣ: „Страшный Мавръ или заколдованный замокъ". „Громъ русскихъ побѣдъ въ Японіи", „Споръ полушампанскаго съ ерофеичемъ и пр.

Обстоятельныя работы изъ области матеріальной культуры населенія Екатеринославской губ. представляютъ работы В. А. Бабенко, объѣхавшаго въ 1904 и 1905 г.г. губернію по предложенію Екатеринославскаго предварительнаго комитета по устройству XIII археологическаго съѣзда. Въ своемъ „этнографическомъ очеркѣ“ В. А. Бабенко останавливается не только на бытѣ украинскаго населенія Екатеринославской губ., но и другихъ народностей, населяющихъ ее, каковы великороссы, греки, валахи, нѣмцы. Авторъ начинаетъ свой очеркъ съ описанія общаго вида поселеній различныхъ народностей, затѣмъ переходитъ къ описанію усадебъ, жилищъ, одежды, промысловъ, обрядовъ, останавливаясь подробно на свадебномъ ритуалѣ, наконецъ даетъ свѣдѣнія о народныхъ празднествахъ, музыкѣ, пѣсняхъ, дѣтскихъ играхъ и знахарствѣ. Для фольклора въ данномъ „Очеркѣ“ цѣннымъ является описаніе малорусской свадьбы въ с. Августиновкѣ, екатерин. уѣзда, и особенно цѣнными украинскіе заговоры, видъ поэзіи, какъ извѣство, трудно добываемый изъ устъ народа. Жаль только, что авторъ, по его же собственнымъ словамъ, приводитъ не всѣ собранные имъ заговоры, а лишь нѣкоторые.

Остановлюсь на нѣкоторыхъ частностяхъ „Этнографическаго очерка“. На стр. 32 говорится: „Въ приднѣпровскихъ поселеніяхъ существуетъ типъ такъ называемыхъ пловучихъ мельницъ или сукноваленъ. Такія мельницы бываютъ исключительно дощатыя и ставятся на рѣкѣ на баркахъ“. Слова автора безъ рисунка не даютъ никакого представленія о днѣпровской мельницѣ, а между тѣмъ это сооруженіе — весьма оригинальное и при томъ не распространенное. Двѣ небольшія барки (или „дубы́“), соединенныя одна съ другою двумя бревнами такъ, что между барками остается нѣкоторое пространство, укрѣпляются якорями на водѣ. На одной изъ барокъ находится самая мельничная постройка; другая служитъ лишь для укрѣпленія одного изъ концовъ оси мельничнаго колеса, которая кладется на обѣ барки, причемъ колесо помѣщается между барками и приводится въ движеніе теченіемъ Днѣпра. Авторъ „Очерка“ помѣщаетъ въ немъ рисунки мельницъ, различныхъ видовъ, но рисунка описанной мельницы почему-то не даетъ. На стр. 41 говорится: „Верхняя одежда малороссовъ бываетъ по мѣстности весьма различна. Старинная—изъ синяго сукна, халаты, жупаны, „киреи“ съ капюшонами и „чекмени“ и проч. Всѣ эти одежды запорожскаго происхожденія хранятся и изрѣдка носятся древними стариками, получившими ихъ отъ отцовъ и

дѣдовъ...“ На страницѣ же 43 авторъ говоритъ, что свита это одежда „съ видлогою или кобенякомъ изъ грубаго сукна, очень длинная; къ вороту придѣлывается капюшонъ, „кобенякъ“, или же просто съ большимъ воротомъ „видлогою“, носится исключительно въ дурную погоду и чаще въ дорогу“. Для тѣхъ, кто привыкъ къ народной терминологіи другихъ мѣстъ Украины (напр. нѣкоторыхъ уѣздовъ черниговской губ.), нѣтъ различія между *киреею* и *свитою съ видлогою*, такъ какъ по этой терминологіи послѣдняя также носитъ названіе *киреи*, и потому для многихъ непонятно, что собственно называется въ екатеринославской губ. *киреею*. Авторъ, подробно описывавшій *свиту съ видлогою*, долженъ былъ бы дать такое же описаніе и *киреи*. На стр. 44 указывается мужская малорусская обувь: *чоботы съ широкими халявами* и *черевыкы* Но екатеринославскіе малороссы носятъ также и *постолы* — лапти изъ цѣльнаго куска кожи, или сплетенныя изъ веревокъ. На стр. 41 говорится: „Картинъ порядочной работы у насъ не существуетъ, поэтому поневолѣ приходится крестьянину самому придумать свое что-нибудь для украшенія жилища“. Интересно знать, неужели у екатеринославскихъ крестьянъ настолько развитъ художественный вкусъ, что они отвергаютъ лубочныя картины, и послѣднія поэтому совершенно не встрѣчаются по селамъ въ видѣ украшенія жилищъ? Вѣдь лубочная книга, какъ мы видѣли, идетъ въ среду малорусскихъ крестьянъ, — почему же нѣтъ къ нимъ доступа лубочной картинѣ? На стр. 63 указывается, что на концахъ рушниковъ вышиваются часто орлы. Необходимо замѣтить, что это — двуглавые орлы, съ коронами надъ ними, т. е. изображеніе русскаго государственнаго герба. На той же стран. авторъ не упоминаетъ о томъ, что приготовляемые для домашняго украшенія *голубки* дѣлаются не только изъ тѣста и бумаги, но и изъ дерева, что представляетъ изъ себя очень трудную и тонкую работу. На стр. 68 описывается домашній способъ помола зерна на ручныхъ мельницахъ. Авторъ ошибочно приписываетъ принадлежность ихъ исключительно екатеринославской г., такъ какъ въ черниговской г. такія ручныя мельницы и такого же устройства очень часты. На стр. 76 говорится о рыболовной принадлежности *блёшняхъ*, блестящихъ мѣдныхъ крючкахъ съ расширеніемъ на подобіе мелкой рыбы; хищныя рыбы проглатываютъ эти *блешни*, принимая ихъ за рыбъ. Надо прибавить къ этому, что подобіе между *блешнями* и рыбами достигается еще привязываніемъ къ первымъ красныхъ суконокъ или нитокъ, напоминающихъ рыбныя перья. На

стр. 97 ничего не говорится о томъ, какъ ходятъ дружки съ молодою по селу, сзывая гостей на свадьбу, съ пѣніемъ или безъ него, что интересно для характеристики степени современнаго обрядоваго пѣснопѣнія. Далѣе, говоря о похоронахъ (стр. 103 — 104), авторъ совершенно умалчиваетъ о похоронныхъ причитаніяхъ. А если бъ авторъ обратилъ на нихъ свое вниманіе, то онъ не сказалъ бы, что народные похоронные обряды утратили въ настоящее время свое значеніе.

Не останавливаясь на второй книжкѣ г. Бабенко — „Изъ этнографическихъ наблюденій въ Екатеринославской губерніи", представляющей лишь конспектъ только что разсмотрѣнной книги, укажу еще на „Каталогъ Екатеринославскаго Областного Музея имени А. Н. Поля, въ которомъ второй отдѣлъ, посвященный этнографіи (составленъ также г. Бабенко), представляетъ самостоятельный интересъ, внѣ связи съ Музеемъ, такъ какъ въ немъ даются краткія свѣдѣнія объ имѣющихся въ Музеѣ предметахъ. Кромѣ того въ каталогѣ помѣщены тѣ же рисунки, что и въ „Этнографическомъ очеркѣ".

Заканчивая свою библіографическую замѣтку, не могу не пожелать, чтобы у насъ этнографическія наблюденія на территоріи Украины развивались все болѣе и болѣе, и чтобы къ XIV археологическому съѣзду, на берегахъ Десны, мы имѣли бы новые этнографическіе описанія и матеріалы, касающіеся Черниговской земли, какъ имѣли мы новыя разобранныя выше работы по этнографіи Екатеринославскаго края ко времени открытія недавно закончившаго свою дѣятельность археологическаго съѣзда на каменныхъ берегахъ Днѣпра.

Владиміръ Даниловъ.

Ежегодникъ Коллегіи Павла Галагана *съ 1 октября 1904 года по 1 октября 1905 года. Годъ X.*

Настоящій Ежегодникъ мало похожъ на ежегодникъ предшествующихъ лѣтъ, какъ своимъ объемомъ (всего въ немъ 124 страницы), такъ и своимъ содержаніемъ. Измѣненіе это, можно сказать къ худшему, произошло отъ того, что педагогическія статьи выдѣлены теперь въ спеціальный журналъ. Настоящій Ежегодникъ состоитъ изъ Отчета и, такъ сказать, неоффиціальной части—свѣдѣній о бывшихъ воспитанникахъ.

Первая часть, какъ и въ прежнихъ Ежегодникахъ, знакомитъ съ личнымъ составомъ Коллегіи, который въ истекшемъ году остался тѣмъ же, что и раньше; о занятіяхъ правленія Коллегіи, которое выработало програмну по естествовѣдѣнію для II класса и дало инструкцію двумъ помощникамъ воспитателей для практическаго обученія воспитанниковъ французскому и нѣмецкому языку; рѣшало также разныя хозяйственныя дѣла.

Воспитанниковъ въ Коллегіи въ настоящее время 59, въ возрастѣ отъ 14 лѣтъ до 21 года и болѣе; между ними преобладаютъ дворяне (59,33%), затѣмъ идутъ лица изъ духовнаго званія (18,64%), горожане (13,56%), сельскіе жители (5,08%) и иностранцы (3,39%).

Въ отдѣлѣ „Учебный годъ" находится обстоятельная программа по естествовѣдѣнію; обозрѣніе остальныхъ предметовъ — повтореніе прошлогодняго отчета.

Приходъ и расходъ Коллегіи представлены: приходъ выразился въ суммѣ 151711 р. 82 к., а расходъ 77598 р. 44 к.; при этомъ имѣнія Коллегіи въ 11545 десятинъ дали доходу 53426 р. 61 к., или каждая десятина слишкомъ $4^1/_2$ р. въ годъ. Расходъ на каждаго воспитанника опредѣленъ 1316 р. въ годъ; а какъ своекоштные воспитанники выплачиваютъ за свое содержаніе 650 р. въ годъ, то значитъ — каждый своекоштный воспитанникъ становится для коллегіи стипендіатомъ въ суммѣ 666 р.

Интересно приложеніе № 6—списокъ лицъ, сдѣлавшихъ взносъ на капиталъ имени учредителей коллегіи. Списокъ этотъ печатается изъ года въ годъ, хотя изъ него никакъ невозможно понять, сколько внесено этихъ пожертвованій. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый годъ печатаются 6 фамилій тѣхъ лицъ, что обѣщали сдѣлать взносъ и не выполнили своего обѣщанія. Не лучше-ли было бы напомнить имъ про эти обѣщанія письмами?

Статья „обозрѣніе преподаванія" изложена на 10 страницахъ довольно обстоятельно и съ указаніемъ разнообразныхъ руководствъ и пособій.

Приложеніе № 9 состоитъ изъ двухъ стихотвореній „Тайна" и „Мечта"—воспитанника Кострицкаго и очевидно напечатана для поощренія молодого таланта.

Списокъ воспитанниковъ по выпускамъ есть перепечатка прошлыхъ годовъ съ прибавкою 30-го выпуска. Онъ занимаетъ 5 страницъ, а прибавка 10 строкъ. Такою же перепечаткою, но только съ неисправ-

ляющимися никогда ошибками, являются свѣдѣнія о лицахъ, окончившихъ Коллегію.

Таково содержаніе Ежегодника минувшаго года.

Нельзя не указать на то обстоятельство, что Коллегія является благотворительнымъ учрежденіемъ не только для своихъ воспитанниковъ, доплачивая за каждаго своекоштнаго сумму бóльшую, чѣмъ они вносятъ за свое воспитаніе, но она также благотворитъ и арендаторовъ, отдавая имъ по столь дешевой цѣнѣ свои земли въ ареду. Если эти арендаторы мѣстные поселяне, то такая дешевизна очень извинительна. Отчетъ на этотъ вопросъ не даетъ никакихъ указаній.

Бросается также въ глаза обиліе воспитательнаго элемента: директоръ, четыре воспитателя и четыре ихъ помощника, что даетъ на каждое лицо воспитательскаго персонала менше, чѣмъ 7 воспитанниковъ. Думаемъ, что такое обиліе воспитательнаго наблюденія и воздѣйствія чрезмѣрное.

Н. Ш.

„Михайловецъ", ежемѣсячный журналъ, издаваемый михайловскимъ артилерійскимъ училищемъ, № 2, 3, 4, 5, 6 за 1905 г.

Съ пріятною неожиданностію констатируемъ существованіе цѣлаго украинскаго отдѣла въ этомъ журналѣ. Во второмъ номерѣ имѣется этнографическо-историческій очеркъ „Новомосковскъ"; въ пятомъ—переводъ двухъ миніатюръ Гринченка „Вѣтеръ" и „Лѣсъ"; въ шестомъ—„Смерть Зораба" Чернявского, въ шестомъ же номерѣ въ отдѣлѣ библіографіи находимъ критическую замѣтку съ очень благопріятнымъ отзывомъ на „Голоту" Виниченко. Переводы исполнены Ю. Бачинскимъ очень хорошо. Кромѣ того, начиная съ третьей и вплоть до шестой книжки, тянется статья, еще не оконченная, подъ заглавіемъ «Современная украинская литература». Первая глава посвящена эпохѣ возрожденія украинской литературы до Шевченка включительно; вторая и третья—главнымъ образомъ писателямъ, начавшимъ писать въ эпоху съ 40-хъ по 70-е года, четвертая — украинской драмѣ какъ стараго періода до Котляревскаго, такъ и новаго. Даны критическіе очерки всѣхъ новѣйшихъ украинскихъ драматическихъ писателей, за исключеніемъ Карпенко-Карого, которому авторъ (С. Васілекъ) обѣ-

щаетъ посвятить цѣлую пятую главу. Статья составлена хорошо, удачно подобраны яркія характеристики писателей; она снабжена обильными библіографическими указаніями по украинской литературѣ и критикѣ, такъ что даетъ возможность приступить и къ самостоятельному изученію предмета. Видна большая начитанность автора и нѣкоторый литературный талантъ. Ошибокъ почти нѣтъ, за исключеніемъ развѣ приписанія „Галицко-руской бібліографіи“ Ивану Семеновичу Левицкому. Можно съ чувствомъ глубокой радости привѣтствовать „Михайловца“ за починъ ознакомленія съ украинствомъ офицерской среды (Михайловецъ расходится въ 600 — 700 экземплярахъ преимущественно среди бывшихъ воспитанниковъ Михайлов. арт. училищ.). Украинскій отдѣлъ „Михайловца“ есть яркій симптомъ пробужденія и усиленія украинскаго національнаго самосознанія рѣшительно во всѣхъ слояхъ общества.

Мик. Стасюкъ.

ОВЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ № 6—9; 2) Русская Старина № 7—9; 3) Историческій Вѣстн. № 7—9; 4) Всемірный Вѣстн. № 7—9; 5) Вѣстникъ Европы № 7—9; 6) Русская Мысль № 6—9; 7) Міръ Божій № 7—9; 8) Русскій Вѣстникъ № 7—9.

Русская Старина № 7—9.

Изъ царскихъ резолюцій императоровъ Павла и Александра I. (№ 8, стр. 490 — 492). Напечатано 4 резолюціи Павла, начиная съ января 1799 года по іюнь того-же года, на имя Кіевскаго генералъ-губернатора Беклешова: 1) по поводу заключеннаго Беклешовымъ условія на покупку въ казну отъ князя Понятовскаго за 600 тысячъ польскихъ злотыхъ староства корсунскаго; 2) по поводу выдачи паспортовъ полякамъ, имѣющимъ собственности въ русскихъ, австрійскихъ и прусскихъ владѣніяхъ; 3) по поводу наблюденія за тѣмъ, чтобы «папа, не взирая на изгнаніе его изъ престольнаго града, не послалъ къ епископамъ или другимъ начальникамъ духовныхъ католическихъ властей булловъ, могущихъ произвесть недоумѣнія и клонящихся на

присвоеніе себѣ власти управлять онымъ краемъ»; 4) по поводу перевода суммъ на содержаніе въ Кременчугѣ и Кіевѣ мостовъ и переваловъ изъ казеннаго счета на городскіе доходы. Кромѣ этихъ четырехъ резолюцій Павла, напечатаны также 3 резолюціи Александра 1801 года: 1) генералу Розенбергу о разрѣшеніи возвратиться въ Россію бывшему литовскому подскарбію Михайлѣ Огинскому, польскому генералу Михайлу Забіелѣ и еще нѣкоторымъ польскимъ помѣщикамъ; 2) кіевскому военному губернатору Феншу по поводу освобожденія из-подъ надзора его дѣтей и о пропускѣ ихъ въ Петербургъ; 3) ему-же по поводу доноса священника Загурскаго на помѣщичьяго эконома Билецкаго, при чемъ сказано: «нужнымъ почитаю предписать вамъ, чтобы вы не относили сего дѣла къ большой важности, а принявъ его въ видѣ пустословія и глупой лжи, достойной презрѣнія, произнесшимъ оную здѣлать увѣщаніе быть впредь воздержными отъ нелѣпыхъ разговоровъ».

Историческій Вѣстникъ, № 7 — 9.

Л. Н. Савчукъ. Изъ воспоминанія сельскаго дѣятеля (№ 7, стр. 43 — 60). Эти воспоминанія записаны авторомъ со словъ отца своего, Никифора Савлука, крестьянина по происхожденію, прослужившаго въ теченіе 40 лѣтъ въ общественныхъ сельскихъ должностяхъ, сначала въ волынской губ., а потомъ въ Холмщинѣ. Воспоминанія идутъ отъ годовъ дѣтства. Болѣе интересными страницами являются тѣ, гдѣ описывается Межигорская писарская школа, положеніе сельскихъ писарей, а также дается характеристика первыхъ мировыхъ посредниковъ на Волыни

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» помѣщены отзывы о слѣдующихъ книгахъ, касающихся юга Россіи: 1) *Ю. А. Яворскій.* Очерки по исторіи русской народной словесности. I. Легенда о панщинѣ. Львовъ 1901 г. II. Духовный стихъ о грѣшной дѣвѣ. Кіевъ 1905 г. (№ 8, стр. 578—579); 2) *I. T. Lubomirski.* Adam Kisiel, wojewoda kijowski. Warszawa 1905 г. (№ 8, стр. 584 – 585); 3) *С. Иваницкій.* Переяславскій епископъ Гервасій Линцевскій и начало возсоединенія уніатовъ въ Западной или Польской Украинѣ (1757—1769 г.) Камен.-Подольскъ 1904 г. (№ 9, стр. 941—944).

Вѣстникъ Европы. № 7 и 9.

Евреи-земледѣльцы. В. В. № 7, стр. 117—128.

Въ этой статьѣ между прочимъ разсматривается положеніе евреевъ земледѣльцевъ въ губерніяхъ: Херсонской, Екатеринославской и Бессарабской.

Въ Херсонской г. насчитывается 21 еврейская колонія съ 3186 семействами. Земли при колоніяхъ считается 57,6 тысячъ десятинъ, но распредѣлена она очень неравномѣрно, такъ что 28% еврейскихъ колоиистовъ совершенно не производятъ посѣвовъ. Въ силу этого многіе евреи прибѣгаютъ къ постороннимъ заработкамъ, но среди этихъ заработковъ первое мѣсто принадлежитъ занятію земледѣліемъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, такъ что 73% евреевъ-колонистовъ занимается исключительно земледѣліемъ.

По даннымъ таврической земской статистики можно провести параллель между евреями и христіанами-земледѣльцами. Земля обрабатывается, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, самыми несовершенными способами, но средній сборъ (34 пуда съ 1 дес.) у еврев выше.

Крестьяне болѣе обезпечены рабочимъ скотомъ, у нихъ большее число пахатныхъ орудій, меньше (въ $2^1/_2$ раза) уходитъ въ наймы. Благодаря преобладающему почти во всѣхъ русскихъ селеніяхъ общинному владѣнію землей, каждый имѣетъ доступъ къ надѣльной землѣ.

У крестьянъ преимущественно крупные посѣвщики, у евреевъ много мелкихъ.

Въ Екатеринославской губ. 17 еврейскихъ колоній: хозяйственное состояніе ихъ такое же, какъ и въ Херсонской губ.

Въ Бессарабской г. только 8 еврейскихъ колоній, которыя рѣзко отличаются отъ колоній двухъ предыдущихъ губерній: онѣ основаны на купленной, а не на казенной землѣ, которой очень мало — всего 3 тысячи десятинъ земли.

Только въ колоніи Домбровены настоящіе хлѣборобы.

Большею частью обрабатываютъ кукурузу; много не-земледѣльческихъ промысловъ: торговля, извозъ и различныя ремесла. Вообще у евреевъ иное отношеніе къ земледѣлію, чѣмъ у крестьянъ: оно у нихъ носитъ случайный характеръ. Приступая къ земледѣлію, еврей прежде всего смотритъ на него, какъ на средство къ доходамъ и въ случаѣ неудачи бросаетъ его. Крестьянинъ-земледѣлецъ оказывается болѣе устойчивымъ въ хозяйственномъ отношеніи, чѣмъ еврей, потому

что при одинаковомъ съ нимъ доходѣ онъ больше затрачиваетъ на производительныя цѣли, тогда какъ у еврея много расходовъ на обученіе дѣтей (въ еврейскихъ школахъ), на лѣченіе и пр.

Хроника. Наше земство и его экономическія мѣропріятія. Дм. Ярошевичъ № 7, стр. 318 — 323. Коллегіальные совѣщательные органы были введены въ Полтавскомъ земствѣ въ періодъ 1898 — 1901 г. Найбольшее число этихъ органовъ приходится на южныя губерніи: Черниговскую — 6, Харьковскую — 5, Екатеринославскую—4.

Замѣчательны труды Полтавскаго земства по организаціи кредита: ссуды оно начало выдавать съ 1894 г. и на эти суммы уже куплено 570 десятинъ и еще на такъ назыв. Александровскій капиталъ губернскаго земства (330000 рублей) куплено 2802 дес.

Помогаетъ земство кустарной промышленности, которая развивается при благопріятныхъ условіяхъ изъ домашнихъ промысловъ въ свободное отъ полевыхъ занятій время.

Но эта помощь не придаетъ жизненности промышленности, не развиваетъ ея до возможности конкурировать съ фабричной. Туганъ-Барановскій въ своемъ сочиненіи «Кустари и земство» приводитъ примѣръ роскошной земской ткацкой школы въ Дегтяряхъ (Полт. г.), которая совершенно чужда для населенія. Кромѣ такихъ школъ, которыхъ въ Полтавской г. нѣсколько, необходима цѣлая организація, способствующая распространенію техническаго знанія внѣ школы и ознакомленію массы съ улучшенными способами производства, наприм. — со станомъ-самолетомъ. Туганъ-Барановскій осуществилъ на практикѣ этотъ проектъ, и онъ имѣлъ очень большой успѣхъ когда инструкторомъ былъ назначенъ искусный ткачъ-кустарь. Онъ разъѣзжалъ по селамъ и демонстрировалъ усовершенствованные станки, къ которымъ отнеслись съ большимъ интересомъ.

Этотъ удачный опытъ доказалъ громадную пользу организаціи разъѣзжающихъ земскихъ кустарныхъ инструкторовъ. Полтавское земство убѣдилось въ этомъ и послѣ пятилѣтняго опыта приступило къ реорганизаціи своихъ ткацкихъ школъ. Оно полагаетъ, что жизнь въ эти школы можно вдохнуть введеніемъ орнаментировки издѣлій въ малорусскомъ духѣ.

Ткачъ-инструкторъ можетъ съ успѣхомъ выполнить эту задачу.

Въ Литературномъ обозрѣніи. данъ отзывъ о книгѣ проф. *Н. Ѳ. Сумцова.* «Изъ украинской старины» (№ 8, стр. 811 — 812).

Русская Мысль, № 6—9.

О санитарномъ положеніи сельско-хозяйственныхъ рабочихъ Екатеринославской г. (*№ 6 стр. 152—172; № 9 72—97*). Эпиграфъ— Мало словъ, а горя рѣченька, горя рѣченька бездонная — характеризуетъ содержаніе статьи. Говорится въ ней о все растущей нуждѣ населенія въ заработкѣ и о тѣхъ ужасныхъ условіяхъ, въ которыя ставятъ своихъ рабочихъ хозяева: о непосильномъ трудѣ—16—17 час. въ сутки, о гнилой пищѣ, грубомъ обращеніи и о всевозможныхъ заболѣваніяхъ среди рабочихъ, какъ слѣдствіяхъ этихъ условій. Составлена эта статья по отчетамъ г.г. студентовъ и сообщеніямъ г.г. врачей земскимъ санитарнымъ врачомъ Кондорскимъ.

Памяти М. П. Драгоманова. С. Русовой, № 8, стр. 50—70.

Написана эта статья по поводу десятилѣтія со дня смерти Михаила Петровича Драгоманова. Очерь живо и полно очерчена его личность, какъ выдающагося политическаго дѣятеля Малороссіи, какъ генія, высоко поднявшаго національное значеніе своей горячо любимой родины. Приводится его біографія и содержаніе «Вильной Спилки», кот. заключаетъ въ себѣ синтезъ его политическихъ убѣжденій, — убѣжденій украинца-націоналиста, вѣрящаго и ждущаго лучшаго будущаго Малороссіи посредствомъ объединенныхъ силъ со всей Россіей.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ помѣщены рецензіи о слѣдующихъ книгахъ, касающихся Южной Россіи: 1) *Ѳ. А. Кудринскій.* Императрица Екатерина II и раздѣлъ Польши. Вильна 1905 г. (№ 6, стр. 181); 2) «Кіевская Старина» 1906 г. № 1—6 (№ 8, стр. 237—241).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

Историческій журналъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XCI.

1905 г.

Ноябрь—Декабрь.

КІЕВЪ.
Типографія Н. А. Гиричъ, Трехсвятительская улица, соб. домъ № 14.
1905.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.